

ISSN 0132-1366

АКАДЕМИЯ НАУК
СССР

Советское
СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

6
1987

ИЗДАТЕЛЬСТВО
• НАУКА •

Советское СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

НОЯБРЬ—ДЕКАБРЬ

СОДЕРЖАНИЕ

6
1987

ЖУРНАЛ
ОСНОВАН
В 1965
ГОДУ

МОСКВА

- Мурашко Г. И., Поскова А. Ф.* Революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический феномен 3
- Каиров С. Л.* Годовщины Великого Октября в антифашистской борьбе коммунистов Югославии в 1941—1945 годах 16
- Чуканов М. Ю.* Сербские дипломатические документы о внешнеполитических установках венгерских правящих кругов накануне первой мировой войны 23
- Лашкевич А. А.* Болгарская высшая школа в 1944—1947 годах 35
- Былинин В. К., Звонарева Л. У.* Ранняя политико-сатирическая поэзия Симеона Полоцкого (польскоязычные поэмы о событиях Первой Северной войны) 46
- Семенова М. Ю.* Продуктивные интернациональные словоэлементы с атрибутивным значением в современных славянских языках и проблемы сложного слова (на материале словацкого языка) 62
- Булатова Р. В.* Югославская палеославистика 71

СООБЩЕНИЯ

- Аксенова Е. П.* К 40-летию научной деятельности Института славяноведения и балканистики АН СССР 76

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

- Мыльников А. С.* Отзвуки славянской темы в творческом наследии К. Н. Батюшкова (К 200-летию со дня рождения) 85
- Гавко А. К.* «Руська трийця» и славянские культуры 88

ПУБЛИКАЦИИ

Улащик Н. Н. Из истории деревни Видковщина (1883—1917). Культурная жизнь крестьян 89*

ГОЛССА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Горизонтов Л., Миллер А. Конференция молодых ученых 98

МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ

Из редакционной почты 103

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Манусевич А. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. XII. Январь 1961 г.—декабрь 1965 г. 108

Шеремет В. И. В. Н. Виноградов. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны 109

Гольберг М. Я. Литературные связи и литературный процесс. Из опыта славянских литератур 112

Смирнов Л. Н. Blanár V. Lexikálno-semantická rekonštrukcia 116

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Богаева Н., Колесов Дж. Übergangsperiode. Sozialökonomische und ideologisch-kulturelle Prozesse im internationalen Vergleich (Leipziger Beiträge zur Revolutionsforschung, Lehrheft 15) 118

Брезан З. (ГДР). «Летопис» с новым профилем 118

Мочалова В. Н. А. Богомолова. Польские и русские поэты XX века. Творческие связи. Аналогии. Художественный перевод 119*

Е. X. Н. Birnbaum, P. T. Merrill. Recent Advances in the Reconstruction of Common Slavic (1971—1982) 120

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Иванова О. В. Конференция «Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси» 121

Указатель статей и материалов, опубликованных в журнале в 1987 году . . 124*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

А. К. КАВКО (главный редактор), В. К. ВОЛКОВ, Р. П. ГРИШИНА,
А. А. ГУТНИН, В. А. ДЬЯКОВ, А. А. ЗАЛИЗНЯК, М. С. КАШУВО, В. П. КОЗЛОВ,
М. Н. КУЗЬМИН, Г. Г. ЛИТАВРИН (зам. главного редактора), Г. Ф. МАТВЕЕВ,
С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Ю. С. НОВОПАШИН, А. Ф. НОСКОВА, Л. Н. СМИРНОВ
(зам. главного редактора), Л. А. СОФРОНОВА, Б. Н. ФЛОРИЯ

Адрес редакции: 117312, Москва, ул. Вавилова, д. 37а

Телефон 290-27-40

Зав. редакцией Е. В. Пономарёва

МУРАШКО Г. П., НОСКОВА А. Ф.

РЕВОЛЮЦИИ 40-х ГОДОВ В СТРАНАХ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ: ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ИХ ОПЫТА

70 лет отделяют нас от победы Великой Октябрьской социалистической революции — всемирно-исторического события, знаменовавшего начало сложного и многогранного процесса смены капитализма новым общественным строем. С этого момента именно с социализмом отождествляется прогресс исторического развития человечества. Накопленный за прошедшие годы опыт перехода от капитализма к социализму и создания нового общества, складывающийся из конкретно-исторической практики десятков стран и народов, свидетельствует о многообразии мира социализма и о том, что каждая из стран «шла к новой формации своим путем» [1, с. 7], обогащая и развивая представления основоположников марксизма о становлении социализма как общественного строя.

Существенное место в историческом опыте мирового социализма занимают победоносные революции 40-х годов, развернувшиеся в странах Центральной и Юго-Восточной Европы после второй мировой войны. Они показали возможность новых подходов к решению коренных задач, направленных на преобразование социальных отношений в обществе, способствовали развитию марксистско-ленинской теории, значительно обогатили имевшиеся в международном рабочем движении представления о мирных и немирных формах утверждения власти рабочего класса, о времени вступления общества той или иной страны в переходный от капитализма к социализму период, о путях и методах формирования политической армии социалистической революции, о возможностях компромиссов и блоков рабочего класса с непролетарской частью трудового большинства общества.

Сегодня перед исследователями стоит задача углубленного изучения конкретных условий, открывших возможность и диктовавших необходимость использования коммунистическими и рабочими партиями стран указанного региона, иных, чем во время Великой Октябрьской революции подходов к решению коренных вопросов перехода от капитализма к социализму.

Не претендуя на освещение этой проблемы во всей полноте, авторы данной статьи поставили перед собой цель раскрыть на основе сравнительно-исторического анализа революционного процесса 40-х годов и сопоставления его с Великим Октябрем, влияние новых факторов, вытекающих из изменений в соотношении сил на мировой арене после второй мировой войны, на расстановку классово-политических сил в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, на формы и темпы реализации стратегического курса коммунистических и рабочих партий этих стран в революционном процессе.

Эти изменения были, прежде всего, результатом того, что разгром фашизма, носителя наиболее реакционных тенденций империализма, был

осуществлен при решающей роли армии социалистического государства. Советский Союз, вынесший на себе главную тяжесть борьбы с фашистским блоком, выступал как важнейший фактор истории мирового сообщества, что создавало благоприятные условия для развития революционного процесса в рассматриваемом регионе.

Истоки пародно-демократических и социалистических революций, развернувшихся с середины 40-х годов в Албании, Болгарии, Венгрии, Польше, Румынии, Чехословакии и Югославии, лежали в национально-освободительной борьбе народов этих стран против фашизма, в движении Сопротивления, особенно интенсивном в оккупированных гитлеровской Германией и ее союзниками странах, в первую очередь в Югославии и Албании, где развернулась широкая народно-освободительная война против захватчиков. Движение Сопротивления объединило в своих рядах социально-разнородные силы, прежде всего рабочий класс, крестьянство, интеллигенцию, средние городские слои, а также отдельные группировки антифашистски настроенных «своих» эксплуататорских классов. Принципиально важным в развитии движения Сопротивления в указанном регионе был протекавший в различных странах с различной степенью интенсивности процесс завоевания рабочим классом и его политическими представителями позиций лидера прогрессивных сил нации в борьбе против фашизма. Данный фактор выступал как определяющий в обеспечении объективных возможностей перерастания антифашистской национально-освободительной борьбы в социальную революцию. Эти возможности были усилены крушением экономических, политических и международных связей буржуазии указанных стран, сориентированной на гитлеровскую Германию и другие государства фашистского блока. Ни в одной из стран Центральной и Юго-Восточной Европы национальная буржуазия к моменту освобождения от фашизма не смогла (в силу разных причин) сохранить свои прежние позиции в обществе.

Наиболее ярко это проявилось в Югославии и Албании, где отношение к оккупантам и концепциям борьбы с ними разделило общество на два лагеря. За вооруженную борьбу против захватчиков как главный путь восстановления национальной независимости выступили широкие массы трудящихся под руководством компартий Югославии и Албании. В ходе пародно-освободительной войны в этих двух странах был создан широкий союз трудящихся масс, направленный не только против оккупантов, но и против «своих» господствующих классов, занявших антинациональные позиции, выступавших на стороне оккупантов или отказывавшихся от реальной борьбы за восстановление национальной независимости (подробнее см. [2; 3, s. 125—126]).

В момент восстановления государственного суверенитета господствующие классы Югославии и Албании были исключены из системы нового политического представительства. Их экономические позиции оказались ликвидированными в ходе реализации антифашистских национально-патриотических требований конфискации имущества врагов и предателей, требований, поддерживаемых большинством нации.

Более сложным к концу войны было размежевание классово-политических сил в Польше [4, 5]. Здесь в результате политики оккупантов представители бывших господствующих классов были не только лишены собственности, но и оказались перед угрозой физического уничтожения [6, 7]. Стремление сохранить себя и восстановить утраченные позиции диктовало их активное участие в создании влиятельного в обществе буржуазного лагеря сопротивления. Предлагаемая этим лагерем концепция национального возрождения покоилась на «теории двух врагов» (СССР и Германии) и сводилась к ожиданию освобождения с Запада; в силу различных причин политическим представителям польской буржуазии в течение довольно длительного времени удавалось играть лидирующую роль в движении Сопротивления [5]. В ходе развития военно-политической ситуации на фронтах второй мировой войны буржуазная концепция все более входила в противоречие с объективной исторической реальностью. Освобождение страны от фашизма приближалось с Востока

и могло быть осуществлено только силами Красной Армии, а политика польской буржуазии базировалась на откровенно антисоветских позициях [8]. Выразителем подлинных национально-государственных интересов Польши являлся революционно-демократический лагерь Сопротивления, возглавляемый ППР, которая последовательно отстаивала концепцию вооруженной борьбы польского народа против фашизма в союзе с СССР [9, с. 266—314].

Острая классово-политическая поляризация сил в польском движении Сопротивления привела к тому, что в момент восстановления государственного суверенитета политические представители крупной буржуазии и помещиков были устранены от участия в создании новых органов власти.

Таким образом, во всех трех названных странах в ходе освобождения от фашизма буржуазия оказалась лишенной участия в формирующейся новой системе государственной власти. Но если в Югославии и Албании политическое влияние имущих классов в обществе было крайне незначительным, то в Польше среди мелкобуржуазных масс и части рабочего класса все еще были распространены буржуазные политические концепции, построенные на антисоветской и националистической основах. Опираясь на эти концепции, польская буржуазия рассчитывала развернуть борьбу за восстановление своих утраченных экономических и политических позиций в стране.

В Чехословакии в отличие от Югославии, Албании и Польши национальная чешская и словацкая буржуазия получила доступ к власти. Но это была лишь та часть буржуазии, которая, занимая в годы войны антифашистские позиции и проявляя готовность к сотрудничеству с СССР, на заключительном этапе войны вынуждена была признать гегемонию рабочего класса в национально-освободительной борьбе и выступать вместе с ним в совместном блоке антифашистских сил [10]. В Чехословакии имел место сравнительно длительный, вплоть до февраля 1948 г., период разделения политической власти между рабочим классом и буржуазией, что позволяло последней удерживать определенную долю своих экономических и политических позиций в обществе [11, с. 5, 81—104].

В Венгрии и Румынии, которые были втянуты правящими кругами в блок с фашистской Германией, «отечественные» фашистские режимы длительное время поддерживались достаточно значительными мелкобуржуазными слоями. Поэтому в момент распада фашистского блока не произошло столь сильной политической изоляции буржуазии от широких масс трудящихся, как в оккупированных странах. Поражение в войне компрометировало в глазах крестьянства и мелкобуржуазных городских слоев не столько буржуазию в целом, сколько фашистскую верхушку и поддерживавшие ее наиболее реакционные группировки крупных собственников [12, 13]. Значительные позиции в системе власти и управления сохраняли те представители господствующих классов, которые в конце войны заняли антигитлеровские позиции с целью обеспечения своего политического представительства в послевоенной общественной жизни [14, с. 471; 15, с. 161—162; 16, с. 37—38; 17, old. 85—89; 12, с. 339—340]. По использованию буржуазией своего «перевеса» в расстановке классово-политических сил в Венгрии и Румынии ограничивалось присутствием и деятельностью здесь Союзных контрольных комиссий, во главе которых стояли представители Советского Союза [18, с. 64].

В Болгарии, где фашизм не обрел широкой опоры в массах, где под воздействием побед Советского Союза в войне против гитлеровской Германии усиливались традиционные прорусские настроения и шел интенсивный процесс радикализации общества, политическая изоляция буржуазии была значительно глубже, чем в Венгрии и Румынии [19]. К августу — сентябрю 1944 г. в Болгарии были политически скомпрометированы не только откровенно фашистские группировки, но и правое крыло буржуазно-либеральной оппозиции [20, с. 203—207], оказавшейся неспособной занять последовательно антифашистские позиции, пытавшейся стать своеобразным буфером между монархо-фашистским режимом и рас-

тущим антифашистским движением масс. Восстание 9 сентября отстранило от власти правый буржуазно-либеральный лагерь. К участию в управлении страной были допущены только некоторые группировки «демократической прогрессивной части буржуазии» [21, с. 20; 22, кн. 1, с. 39]. В результате этого болгарская буржуазия в своем подавляющем большинстве оказалась за рамками антифашистского Отечественного фронта.

Таким образом, на завершающем этапе войны, в момент восстановления национально-государственного суверенитета расстановка классово-политических сил внутри стран Центральной и Юго-Восточной Европы была не в пользу национальной буржуазии. Она оказалась или совсем лишена доступа к политической власти (Югославия, Албания, Польша) или доступ к власти получили ее отдельные группировки.

Оценивая расстановку классово-политических сил в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и конкретно позиции национальной буржуазии при переходе от войны к миру, не следует упускать из виду то, весьма важное обстоятельство, что вместе с разгромом фашизма рухнули и сориентированные на Германию ее международные политические и экономические связи с иностранным капиталом. Восстановление же буржуазией таких связей со своим классовым союзником в странах антигитлеровской коалиции было чрезвычайно затруднено политикой новой революционно-демократической власти. Возглавляемые Советским Союзом в бывших странах-сателлитах Германии Союзные контрольные комиссии сужали сферу возможных контактов внутренней и внешней реакции [23, с. 318—320].

Особой спецификой после разгрома фашизма отличалась ситуация в восточной зоне оккупации Германии, где верховную власть осуществляла Советская военная администрация, которая последовательно реализовывала программу по германскому вопросу, базировавшуюся на компромиссе великих держав — союзниц по антигитлеровской коалиции. Эта программа, зафиксированная в решениях Ялтинской и Потсдамской конференций [24, с. 247—248; 24а, с. 462—467], предусматривала демилитаризацию, денацификацию, демократизацию и меры по наказанию военных преступников. Ее выполнение открывало процесс ограничения германского монополистического капитала и создавало немецкому народу возможность «подготовиться к тому, чтобы в дальнейшем осуществить реконструкцию на демократической, мирной основе» [25, с. 386]. Последующее развитие ситуации показало, что только Советская военная администрация в Германии (СВАГ), опираясь на помощь немецких антифашистов, использовала свои полномочия для реализации последовательных антимонополистических демократических преобразований [26, с. 31—83; 23, с. 410—412; 27, с. 290—295]. Серия мер, проведенных на основе распоряжений СВАГ летом — осенью 1945 г. (о закрытии банков, о введении секвестра на собственность, принадлежавшую германскому рейху, нацистской партии и активным сторонникам нацизма), подорвала экономическую мощь германских монополий. Политическая же власть и идеологические основы фашизма были погребены под обломками нацистской империи. Это коренным образом меняло расстановку классово-политических сил в восточной части Германии. Гарантом от реставрации прежнего, господствовавшего положения буржуазии являлось сотрудничество СВАГ с последовательно демократическими силами немецкого народа. Таким образом, в результате разгрома фашизма, в результате участия в антифашистском движении Сопротивления демократических слоев общества стран Центральной и Юго-Восточной Европы буржуазия как класс не смогла сохранить прежние материальные и организационные позиции, необходимые для восстановления собственного господства. В этом заключалось существенное отличие ситуации в рассматриваемом регионе от положения буржуазии в России накануне и в период Великой Октябрьской революции. Негативные последствия поддержки свергаемых классов со стороны международного капитала наглядно продемонстрировала как империалистическая интервенция и гражданская вой-

на в России, так и послевоенная ситуация в некоторых странах Западной Европы, где буржуазия, сохранив немалые экономические возможности и опираясь на присутствие английских и американских оккупационных войск, получала преимущества в разворачивавшемся здесь противостоянии прогрессивных общественных сил во главе с рабочим классом реакционным империалистическим группировкам.

Принципиально важные изменения произошли ко времени освобождения от фашизма стран Центральной и Юго-Восточной Европы в положении социального антипода буржуазии — рабочего класса. Именно этот класс стал той коренной социальной силой, которая выступала за последовательное решение общенациональных и демократических задач [27, с. 73—178]. Патриотические настроения рабочего класса, руководимого его политическим авангардом — рабочими и коммунистическими партиями, активное участие в борьбе против оккупантов и их приспешников, концепции послевоенного устройства, предложенные его авангардом обществу, свидетельствовали о том, что на политическую арену вышел новый лидер нации, выражающий интересы ее трудового большинства [28, с. 37—146].

Однако экономические и политические позиции этого лидера в каждой из стран в момент возрождения национально независимых государств Центральной и Юго-Восточной Европы существенно различались как по степени овладения «командными высотами» в экономике, так и по мере завоевания политического влияния и доли участия в государственной власти.

В Югославии и Албании, где размежевание трудового большинства нации с господствующими классами произошло еще в ходе народно-освободительной войны, когда на освобожденных территориях возникли органы по сути дела пролетарской власти [2, с. 325—327], вторжение революционных сил в сферу капиталистической собственности и ликвидация ключевых экономических позиций буржуазии и помещиков были осуществлены как антифашистская патриотическая акция. Результатом этой акции был фактический переворот в отношениях собственности на средства производства. Все главные отрасли промышленности оказались в руках нового государства, которое строилось блоком сил, объединившихся вокруг рабочего класса и его партии против прежних господствовавших классов, строилось на основе концепций, предлагаемых коммунистами и реализуемых под их руководством [28, с. 314].

Польский рабочий класс выступал руководящей силой революционно-демократической власти, где были представлены мелкобуржуазные слои в лице всего политически организованного крестьянства и демократических кругов интеллигенции. Под руководством рабочих партий (ППР и возрожденной левыми социалистами ППС) рабочий класс, действуя «снизу», фактически не допустил возврата фабрик и заводов в руки буржуазии [29, с. 139—142]. Благодаря активности польских рабочих значительная часть промышленных предприятий уже в ходе освобождения оказалась в руках трудящихся. Создалось то своеобразное положение, что до принятия каких-либо законодательных мер рабочий класс Польши становился фактическим организатором и руководителем производства [28, с. 165—166]. В условиях, когда политические представители буржуазии оказались вне органов новой государственной власти, их реставраторские устремления не могли получать поддержки «сверху». Это существенно укрепляло экономические и политические позиции рабочего класса.

В отличие от Югославии, где переворот в отношениях собственности был осуществлен в условиях, когда представители буржуазии, допущенной в правительство на основе соглашения Тито-Шубашич (весна 1945 г.), не представляли уже сколь-нибудь серьезной политической силы [30, с. 127—133], в Польше буржуазия все еще сохраняла немалое идейно-политическое влияние в обществе (особенно среди мелкобуржуазных слоев), благодаря чему она и могла развернуть борьбу за восстановление утраченных экономических и политических позиций [31, с. 52—57; 99;

32, s. 183—204]¹. Только последовательная политика рабочего класса, направленная на осуществление коренных демократических социально-экономических преобразований, и прежде всего аграрной реформы, могла обеспечить ему успех в борьбе за политическую поддержку трудового большинства, объективно заинтересованного в уничтожении капитализма.

В Чехословакии рабочий класс боролся за политическое лидерство, как уже отмечалось, в условиях разделения власти с частью антифашистских буржуазных группировок. В системе реальной власти он с самого начала располагал (через своих политических представителей) рядом важнейших рычагов, позволявших вмешиваться в сферу капиталистической собственности и экономических отношений. Важнейшим из них было установление рабочего контроля в промышленности, финансовых учреждениях через фабрично-заводские комитеты и посредством введения представителей Центрального совета профсоюзов в правления акционерных обществ и банков [33, s. 68—83; 34, s. 61—63]. Рабочий класс, таким образом, принудил своего классового противника делить с ним функции организатора производства. Антифашистская акция, осуществленная здесь в результате введения национального управления на всех экономических объектах, бывших собственностью оккупантов и коллаборационистов, привела к устранению от управления экономикой не только германского капитала, но и значительных группировок отечественной буржуазии. Однако она не изменяла еще имущественно-правовых отношений и могла стать прологом для различных, диаметрально противоположных по своему классовому содержанию преобразований [11, с. 92—94].

Перерастание этой антифашистской национально-патриотической акции в антикапиталистическую зависело прежде всего от того, удастся ли демократическим силам страны во главе с рабочим классом добиться не только формального осуждения экономического коллаборационизма, но и юридического наказания коллаборационистов.

Именно в этом видели руководители КПЧ в момент освобождения страны «чрезвычайно острое оружие», которым можно «подсечь сами корни буржуазии и сделать это во имя нации, в интересах всей нации, государства, республики» [35, s. 17]. Здесь диаметрально расходились классовые интересы сил, деливших власть в послевоенном государстве. Позитивная перспектива решения вопроса об овладении рабочим классом основными экономическими позициями в стране обеспечивалась как рычагами в системе государственной власти, которыми этот класс реально располагал, так и общеполитической ситуацией в стране, определяемой тем, что идеи прямой реставрации доюгославенских отношений отвергались широкими слоями населения страны [11, с. 104—111].

В результате победы вооруженного восстания (9 сентября 1944 г.), осуществленного в условиях вступления Красной Армии на территорию Болгарии, рабочий класс страны, поддержанный крестьянством, ремесленниками, народной интеллигенцией, частью демократических группировок буржуазии, обеспечил переход власти к органам антифашистского Отечественного фронта. Была установлена революционно-демократическая диктатура, гегемоном которой выступал рабочий класс, возглавляемый БРП(к). Как и в Чехословакии, здесь имело место разделение власти. Однако в Болгарии рабочий класс делил эту власть как с антимонополистически и антикапиталистически настроенными мелкобуржуазными массами, в первую очередь с крестьянством, так и с представителями буржуазии, занявшими в переломный для страны момент патриотические позиции [23, с. 288, 349; 24, с. 24]. Наступление рабочего класса Болгарии на экономические позиции «своей» буржуазии, сопровождавшееся

¹ Именно эти различия в степени идейно-политической изоляции буржуазии в послевоенном югославском и польском обществах следует учитывать при оценке соглашений народных правительств этих стран соответственно с Шубашичем и Миколайчиком. Для Югославии необходимость такого соглашения обуславливалась в первую очередь внешнеполитическими причинами, чтобы добиться признания правительства народной Югославии со стороны западных союзников по антигитлеровской коалиции. Для Польши же соглашение с Миколайчиком об образовании правительства национального единства диктовалось прежде всего внутривнутриполитическим состоянием страны.

установлением рабочего контроля на местах [36, с. 70—71], развивалось, однако, специфическим образом. Проведенные под антифашистскими патристическими лозунгами акции правительства Отечественного фронта в экономике Болгарии, по сути дела, не затрагивали экономических позиций болгарской буржуазии, поскольку изъятию подлежала, в первую очередь, собственность германских монополий, доля которой была весьма незначительна по сравнению с долей в экономике Чехословакии, Польши, Югославии [28, с. 286].

Наступление рабочего класса на позиции «своей» буржуазии осложнялось тем, что входившие в Отечественный фронт некоммунистические партии, как свидетельствовал В. Коларов, признавали в 1944 г. «руководящую роль БРП(к) в борьбе против фашистской диктатуры, но не признавали бы эту роль, если бы надо было перейти к национализации» [37, с. 392]. В этих условиях реальными могли быть меры, направленные не против буржуазии как класса в целом, а против ее отдельных группировок, в первую очередь, тех, которые были связаны с торгово-спекулятивным капиталом и выступали главным эксплуататором большинства населения страны — крестьянства. Основным средством, с помощью которого народная власть могла нанести удар по этим наиболее мощным в силу особенностей развития капитализма в Болгарии группировкам отечественной буржуазии, становилась борьба за конфискацию имущества и капиталов, нажитых путем подкупа и спекуляции в период войны, за ликвидацию экономически и социально вредного посредничества, за уничтожение «паразитической индустрии» [28, с. 140—141]. В такой борьбе рабочему классу могла быть обеспечена активная поддержка деревни и ее политических представителей [38].

В Венгрии и Румынии борьба рабочего класса за упрочение своих позиций в обществе протекала в условиях, существенно отличавшихся от всех вышерассмотренных стран. На заключительном этапе войны рабочий класс активно включился в антифашистскую борьбу. В процессе освобождения страны от фашизма и становления новой власти он развернул массовое движение за создание фабрично-заводских комитетов на местах, приведшее к установлению рабочего контроля на подавляющей части промышленных предприятий Венгрии и Румынии [39, с. 149; 12, с. 67—88]. Тем самым рабочий класс лишил буржуазию монопольного права на управление производством, подкрепляя таким путем свое участие во власти, демонстрируя свой революционный потенциал.

Совершенно особой была ситуация в Восточной Германии, где годы фашистской диктатуры нанесли урон массовому сознанию германского пролетариата, когда была уничтожена физически наиболее созпательная и идейно убежденная его часть. Боевые революционные традиции германского рабочего класса были в значительной мере разрушены, о чем свидетельствовал тот факт, что большая его часть следовала за фашистами до последнего момента, что военный разгром фашизма ни в коей мере не означал еще полного крушения его идеологического влияния в рабочей среде [40, с. 101].

В этих условиях перед немецкими коммунистами вставала задача вывести рабочий класс (и весь немецкий народ) из состояния духовного опустошения, помочь ему осознать необходимость не только разрыва с фашистским прошлым, но и перехода на активные антифашистские позиции, перевоспитать рабочий класс, чтобы он мог выполнять руководящую роль в последующих революционных преобразованиях общественных отношений.

Таким образом, анализ соотношения сил двух главных классовых антиподов — буржуазии и рабочего класса в странах Центральной и Юго-Восточной Европы показывает, что здесь в середине 40-х годов сложилась то, «редко встречающееся в истории благоприятное стечение обстоятельств» [35, с. 84], которое позволяло рабочему классу (даже несмотря на разную степень его участия во власти) проводить революцию и «сверху» и «снизу» одновременно. Эта ситуация обуславливала в подавляющем большинстве стран возможность мирного в целом развития на-

родно-демократической революции, ее постепенного перерастания в революцию социалистическую. Другим немаловажным обстоятельством, способствовавшим такому развитию революции, была поддержка рабочего класса стран Центральной и Юго-Восточной Европы его классовым союзником — СССР, неизмеримо возросшая роль которого на международной арене затрудняла реализацию реставраторских устремлений внутренней и внешней реакции. Все это вместе взятое создавало для революционного рабочего класса стран рассматриваемого региона историческую ситуацию, существенно отличавшуюся от условий 1917 г., когда российский рабочий класс поднялся на борьбу за свержение капитализма. Открывались возможности сплочения трудового большинства страны вокруг авангарда рабочего класса в ходе борьбы за последовательную реализацию демократических социально-экономических преобразований и постепенного превращения демократического союза в союз антикапиталистический.

Как и в России, в большинстве стран рассматриваемого региона, за исключением Чехословакии и Восточной Германии, промежуточные социальные слои (крестьянство, ремесленники, мелкие предприниматели и торговцы, а также определенная часть интеллигенции), составлявшие преобладающую часть населения и могущие быть реальным союзником рабочего класса, как по происхождению, так в значительной мере и по образу жизни, представляли собой остатки докапиталистической формации.

Но для большинства стран Центральной и Юго-Восточной Европы была характерна большая, чем в дореволюционной России степень политизации этих слоев [41]. В большинстве стран региона (Польша, Болгария, Румыния, Венгрия) крестьянские массы имели свою политическую репрезентацию в лице крестьянских партий, занимавших различные позиции на арене послевоенной общественно-политической жизни в возрожденных национальных государствах. Они располагали своими программами общественного переустройства, базирующимися на теории аграризма и выражавшими претензии крестьянской буржуазии на политическое лидерство в обществе [42]. Их программы рассматривались правыми лидерами ПСЛ — в Польше, БЗНС — в Болгарии, некоторых группировок национал-даранистской партии — в Румынии, ПМСХ — в Венгрии как альтернатива социалистическим устремлениям рабочего класса [43; 15; 44; 28, с. 122; 45, р. 126—130, 46, р. 64—65]. Это наиболее наглядно проявлялось в Польше и Болгарии, где претензии ПСЛ и БЗНС на роль лидера в обществе опирались на демократические традиции, рожденные в борьбе крестьянства в довоенные годы за буржуазную демократию, против всецелого монополий, против фашизма и диктаторских режимов. В новых исторических условиях, когда шел процесс перерастания революции и рабочий класс боролся за реализацию своей программы уничтожения капитализма, концепции «третьего», крестьянского пути к обществу социальной справедливости могли стать преградой на пути развития революции. Именно с такой целью их пытались использовать политические представители буржуазии, которая в ряде стран Центральной и Юго-Восточной Европы не решалась выступить открыто под флагом реставрации капитализма. Она пыталась направлять деятельность правых сил мелкобуржуазных партий в русло, соответствовавшее ее классовым интересам, стремилась превратить крестьянство в свою политическую армию. Но демократические традиции крестьянского движения в конце концов оказались в остром противоречии с реставраторскими устремлениями крупных собственников.

Борьба рабочего класса за осуществление демократических социально-экономических преобразований (аграрная реформа, частичная национализация промышленности, установление государственного контроля в отдельных отраслях производства и финансов), осторожный подход политических представителей рабочего класса к постановке вопроса о судьбах частной собственности на средства производства и сосредоточение усилий на решении общенациональных задач (прежде всего восстановления разрушенной экономики) способствовали постепенному отходу тру-

дового крестьянства от правых буржуазных лидеров, укреплению левого крыла крестьянского движения, его союза с рабочим классом в борьбе за специфические интересы крестьянства, прямо и непосредственно вытекавшие из незавершенности в большинстве стран региона буржуазно-демократической революции.

Левый фланг крестьянского движения тоже ратовал за «третий» путь развития (особенно ярко это проявилось в Болгарии и Польше), но его представители видели возможность продвижения к обществу социальной справедливости через глубокие демократические социально-экономические преобразования в интересах трудящейся части общества. Это полностью соответствовало задачам рабочего класса и на этапе перерастания революции было главным содержанием рабоче-крестьянского союза, за который боролись рабочие партии.

Важнейшую роль в становлении и укреплении рабоче-крестьянского союза сыграли проведенные практически во всех странах последовательно демократические аграрные реформы, в ходе которых были разрушены феодальные, полуфеодальные и крупнокапиталистические структуры в сельском хозяйстве [47, с. 112—171]. Это позволяло рабочему классу решить одну из главных задач — разделить крупную земельную собственность и наделить землю крестьян. Однако было бы упрощением не учитывать противоречивого воздействия аграрных реформ на рабоче-крестьянский союз.

Из-за того, что народная власть всех стран региона считала своей главной задачей предоставление земли прежде всего наиболее нуждающейся части крестьянства, а не в увеличение вообще крестьянских наделов, часть имущего крестьянства заняла критическую позицию в отношении самой реформы и тех, кто ее реализовал, что усугублялось также распространенностью в деревне опасений за дальнейшую судьбу крестьянской земельной собственности и неоправдывавшимися в полной мере ожиданиями экономической помощи со стороны народной власти. Эти настроения и пытались использовать буржуазные политики и правые лидеры мелкобуржуазных партий для перехвата власти у революционно-демократических сил (Польша, Болгария) или для оттеснения рабочего класса от участия во власти (Венгрия, Румыния). Только последовательная борьба рабочего класса против реставраторских устремлений буржуазии и попыток пересмотра аграрной реформы, за доведение ее до конца при неслыханном сохранении последовательного демократизма обеспечила поворот трудовой части деревни к союзу с рабочим классом [48; 15; 34].

Политический авангард рабочего класса стран Центральной и Юго-Восточной Европы, осознавая, что социалистические цели не могут сразу стать платформой для объединения социально неоднородных союзников, выдвигал на первый план такие задачи, которые могли быть ими приняты и активно поддержаны. Это наглядно демонстрировали программы коммунистических и рабочих партий Венгрии, Румынии и Болгарии, составленные с учетом политического опыта, полученного в первые месяцы после освобождения от фашизма. Ранее выдвигаемые требования прямого вмешательства в сферу капиталистической собственности под антимонополистическими лозунгами не воспринимались мелкобуржуазными союзниками [49, old. 125—127; 50, с. 427; 51]. Чтобы избежать опасности превращения политическими лидерами буржуазии непролетарских слоев трудящихся в ударную силу, направленную против авангарда рабочего класса, антикапиталистические требования были временно сняты коммунистами и в центр экономической политики были поставлены общенациональные задачи, прежде всего восстановление хозяйства объединенными усилиями всех, кто желал участвовать в возрождении страны [28, с. 115—116, 130, 143]. Идя на политический компромисс, компартии предполагали, что буржуазия будет разоблачена как деструктивная сила, неспособная решить общенациональные задачи, а политический опыт, приобретенный массами, в первую очередь крестьянством, в ходе борьбы за реализацию конкретных мер под руководством коммунистов, сыгра-

ет решающую роль в постепенном объединении этих союзников вокруг рабочего класса, но уже на антикапиталистической платформе. Накопленный крестьянством политический опыт подводил его к пониманию того, что без окончательного и полного устранения от власти политических представителей правого фланга крестьянского движения и стоявших за их спиной буржуазных кругов не могут быть реализованы самые насущные интересы и требования крестьянства. Здесь интересы рабочего класса и всей непролетарской трудовой части общества совпадали. Объективно существовавшая основа для обоюдного стремления названных социальных слоев к взаимодействию во имя уничтожения эксплуатации получала свою практическую реализацию.

Что же касается Восточной Германии и Чехословакии (в первую очередь Чешских земель), то здесь на облике «третьей» силы общества лежал уже весьма заметный отпечаток бурного капиталистического развития этих стран в предшествующий период, что и определяло буржуазный характер средних слоев. В отличие от других стран региона, крестьянство не выступало как численно превосходящая группа мелкобуржуазной массы. Здесь весьма весомой была доля средних городских слоев [52, с. 13—14]. Однако место и роль этих слоев в революционном процессе в Восточной Германии и в Чехословакии существенно различались.

В Чехословакии вопрос стоял о развитии сложившегося еще на завершающем этапе войны антимонополистического по содержанию союза патриотически и антифашистски настроенной мелкой буржуазии с рабочим классом в союз антикапиталистический. Формирование такого союза происходило в обстановке, когда политические представители буржуазии в борьбе против гегемонии рабочего класса взяли на вооружение реформистские теории, распространенные среди части рабочего движения и мелкобуржуазных городских слоев. Лидер буржуазного лагеря Чехословакии — Национально-социалистическая партия выдвинула, в качестве альтернативы программе КПЧ, концепцию построения «особого», «национального чехословацкого социализма», базирующуюся на многосекторной смешанной экономике и на свободной игре политических сил, выражавших интересы классов, участвовавших в управлении страной. Такая программа была адресована прежде всего мелкобуржуазным массам города с тем, чтобы не допустить развития и оформления складывающегося союза этих масс с рабочим классом. Поэтому для коммунистов Чехословакии вставала задача показать несопряженность теоретических концепций «особого» чехословацкого «национального социализма» с политической практикой его апологетов, реально направленной на восстановление реформированного капиталистического строя, и тем самым раскрыть подлинные классово-политические цели лидеров реформизма [11, с. 290—291].

Качественно иной была исходная ситуация в Восточной Германии, где многочисленная мелкобуржуазная часть германского общества (ремесленники, мелкие предприниматели, торговцы, крестьянство) в основном поддерживала нацистов вплоть до полного разгрома фашистской Германии [26, с. 12—14]. Здесь перед авангардом рабочего класса на первый план выдвигалась задача антифашистского воспитания масс, включения их в процесс дефашизации, для привлечения к активному участию в ликвидации господства монополий, к проведению демократической аграрной реформы, к возрождению гуманистических традиций, подорванных в годы фашистской диктатуры.

Таким образом, при всем многообразии позиций мелкобуржуазных масс в странах Центральной и Юго-Восточной Европы и необходимости выработки сугубо конкретных, отвечающих обстановке каждой страны форм и путей привлечения их на сторону рабочего класса, суть политической линии его авангарда в условиях мирного развития революции сводилась к углублению (в Восточной Германии речь шла о возрождении) демократических настроений мелкой буржуазии, которые и могли составить основу ее антикапиталистического союза с рабочим классом, а также

привести мелкобуржуазные массы к осознанию единства своих коренных интересов с интересами рабочего класса. Причем, в странах Центральной и Юго-Восточной Европы речь шла не о нейтрализации мелкой буржуазии и прежде всего крестьянства, а о получении их активной поддержки политической линии, предлагаемой обществу авангардом рабочего класса. Достигнутый компромисс «рабочий класс — мелкая буржуазия», направленный против буржуазии, означал признание рабочим классом определенной доли политического влияния в обществе представителей мелкобуржуазных масс на основе принципа коалиционности в политической практике. Формирование рабочим классом политической армии социалистической революции, объединяющей большинство трудящихся, протекало постепенно, с приливами и отливами. Имел место растянутый во времени процесс перерастания революционно-демократической диктатуры народа при гегемонии рабочего класса в диктатуру пролетариата. Причем основным катализатором этого процесса выступало решение социально-экономических задач в интересах трудящихся масс, что означало разрушение базовых структур капиталистического общества и создавало основу для институализации власти рабочего класса.

Темпы становления диктатуры пролетариата определялись действием ряда факторов, важнейшими среди которых были: уровень политического сознания рабочего класса, показателем чего являлось достижение единства рабочего движения на революционной платформе; позиции политических представителей мелкобуржуазных и буржуазных слоев, определяемые их участием в системе органов власти и силой их сопротивления рабочему классу, борющемуся за всю полноту государственной власти.

Историческая практика второй половины 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, когда происходило постепенное, поэтапное становление власти рабочего класса, продемонстрировала возможность политической организации общества как на однопартийной (Югославия, Албания), так и на многопартийной основе (Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния, Чехословакия), обеспечивавшей решение проблемы политических взаимоотношений рабочего класса с непролетарской трудовой частью общества.

Как известно, В. И. Ленин в период становления политической системы диктатуры пролетариата в России отнюдь не исключал возможности ее функционирования на многопартийной основе. При этом он выдвигал одно принципиально важное условие: «...проводить программу, одобренную всем Всероссийским Вторым съездом Советов и состоящую в постепенных, но твердых и неуклонных шагах к социализму» [53, т. 35, с. 76]. Но позиции русских меньшевиков и эсеров практически исключили такую возможность [54, 55]. В условиях, когда политическая репрезентация мелкой буржуазии (а в ГДР — и средней) получала определенную долю идейного влияния в обществе, сфера идеологии непременно превращалась в поле острейшей борьбы. Стратегическая цель рабочего класса, а именно идейная консолидация общества на платформе научного коммунизма, могла быть достигнута в течение более длительного промежутка времени, чем преобразования в сфере политики и экономики.

Принятие непролетарскими партиями, выступавшими союзниками рабочего класса, экономической и политической программы рабочего класса не перечеркивало способности партий-союзниц выражать специфические интересы непролетарских слоев, которые составляли их массовую базу и опору, формулировать свои позиции по вопросам методов и темпов решения отдельных социально-экономических проблем строительства нового общества, сопрягая эти интересы с коренными интересами всего общества [56—60].

Исторический опыт революций 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы свидетельствует, что процесс разрушения экономических и политических основ буржуазного строя может быть начат объединенными усилиями рабочего класса и непролетарских слоев трудящихся под руководством коммунистических и рабочих партий в ходе борьбы рабочего класса за всю полноту власти. Это означает, что вступление

указанных стран в переходный период от капитализма к социализму началось еще до полной победы рабочего класса. Оформление, институирование власти рабочего класса завершили процесс перерастания народно-демократической революции в социалистическую и открыло новый этап переходного периода — этап построения основ социализма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. М., 1986.
2. *Губианский Л. Я.* Развитие югославской революции в ходе народно-освободительной борьбы за окончательное утверждение новой Югославии. — В кн.: Из истории народно-демократических и социалистических революций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1977.
3. *Морага Р.* O podstawowych cechach charakterystycznych Jugosłowiańskiej wojny wyzwolitej i rewolucji. — Rewolucja: władza ludowa w krajach europejskich. 1944—1948. Warszawa, 1972.
4. *Парсаданова В. С.* Формирование Национального фронта в Польше. М., 1972.
5. *Парсаданова В. С.* Советско-польские отношения в период Великой Отечественной войны (1941—1945 гг.), М., 1984.
6. *Madajszyk Cz.* Polityka III. Rzeczy w okupowanej Polsce. Т. I—II. Warszawa, 1970.
7. *Носкова А. Ф.* Разорение экономики Польши гитлеровской Германией. М., 1971.
8. *Nazarewicz R.* Drogi do wyzwolenia. Warszawa, 1979.
9. *Яжборовская И. С., Бухарин Н. И.* Польское рабочее движение в борьбе за социализм. М., 1986.
10. *Воушек М., Клімеš М., Vartková M.* Program revolucie. Bratislava, 1975.
11. *Мурашко Г. П.* Политическая борьба в Чехословакии в 1944—1948 гг. и национализация средств производства. М., 1986.
12. Румыния в годы народно-демократической революции. 1944—1948. М., 1974.
13. *Пушкаш А. И.* Венгрия в годы второй мировой войны. М., 1966.
14. История Венгрии. Т. III. М., 1972.
15. *Вида И.* Политика независимой партии мелких сельских хозяев в 1944—1948 гг. — Acta Historica, 1973, t. 19.
16. История венгерского революционного рабочего движения. Т. 3. М., 1973.
17. *Sabo V.* Népi demokrácia és forradalomérett. Budapest, 1970.
18. История дипломатии. Т. V, кн. 1. М., 1974.
19. *Валев Л. В.* Болгарский народ в борьбе против фашизма. М., 1964.
20. История на антифашистката борба в България. 1939—1944. Т. 2. София, 1976.
21. *Исусов М.* Политические партии в България. 1944—1948. София, 1978.
22. Стенографски дневници на XXVI Обикновено Народно събрание. Д. 1. София, 1945.
23. Народные и национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе в революциях 40-х годов. М., 1985.
24. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. Т. IV. М., 1984; Т. VI. М., 1980.
25. Тегеран, Ялта, Потсдам. Сб. док. М., 1970.
26. История Германской Демократической Республики (1949—1973). М., 1975.
27. Великий Октябрь и революции 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1982.
28. *Мурашко Г. П.* Борьба рабочего класса за национализацию промышленности. М., 1979.
29. *Gotłbowski J.* Nacjonalizacja przemysłu w Polsce. Warszawa, 1961.
30. *Губианский Л. Я.* Советский Союз и Новая Югославия (1941—1947 гг.), М., 1987.
31. *Syzdek B.* Lata decydujących przemian. Warszawa, 1980.
32. *Góra W., Grünberg K.* Geneza i pierwsze lata Polski Ludowej. 1944—1949. Warszawa, 1985.
33. *Felcman O.* Český proletariát v boji za vítězství socialistické revoluce 1945—1948. Praha, 1984.
34. *Barnovský M.* Sociálne triedy a revolučné premeny na Slovensku v rokoch 1944—1948. Bratislava, 1978.
35. *Gottwald K.* Spisy. Sv. XII. Praha, 1955.
36. Образование и развитие на органите за общ социалистически контрол в НР България 1944—1978. София, 1979.
37. *Исусов М.* Политические партии и социалистическая альтернатива в Болгарии (1944—1949). — Etudes historiques. Sofia, 1978, t. 8.
38. *Волокитина Т. В.* Программа правительства Отечественного фронта от 17 сентября 1944 г. и ее роль в развитии народно-демократической революции в Болгарии. — Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. ист. наук. М., 1982.
39. Освобождение Венгрии 1944—1945. Сб. Док. Будапешт, 1975.
40. *Фалк В.* Общие черты и особенности социалистической национализации промышленности в ГДР. — В кн.: Вопросы национализации в современном мире. Варшава, 1978.
41. *Михутина И. В.* О месте крестьянских партий в политической эволюции стран Центральной и Юго-Восточной Европы между первой и второй мировыми войнами. — Советское славяноведение, 1982, № 2.

- 42. *Носкова А. Ф.* К вопросу об аграризме и крестьянском движении в странах Центральной и Юго-Восточной Европы.— Советское славяноведение, 1981, № 2.
- 43. *Игнатъева Т. В.* Эволюция мелкобуржуазных представлений об общественно-экономическом развитии Болгарии — Советское славяноведение, 1979, № 4.
- 44. *Носкова А. Ф.* Идеино-политическая борьба в Польше в 1947 г. и поражение аграризма.— Советское славяноведение, 1985, № 6.
- 45. *Fătu M.* Sfîrsit fără glorie. Bucuresti, 1972.
- 46. *Sáquári A.* Les parties et leurs programmes en Hongrie au lendemain de la libération (1944—1945).— Acta Historica, 1973, t. 13, № 1—2.
- 47. *Марыина В. В.* Крестьянство в революциях 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1984.
- 48. *Носкова А. Ф.* Крестьянское политическое движение в Польше: от концепции буржуазной демократии к народной демократии.— Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра ист. наук. М., 1986.
- 49. *Szabo V.* Népi demokrácia es forradalomelmélet. Budapest, 1970.
- 50. *Никита П.* Политиката на съюзи на Румынската комунистическа партия през 1944—1948.— Известия на Института по история на БКП. Кн. 24. София, 1972.
- 51. Работническо дело, 1945, 6 III.
- 52. *Suttě J.* Formovanie ľudové demokratického systému v Československu. 1944—1949.— Vědecký bulletin Ústavu marxismu-leninismu ÚV KSČ u Ústavu marxismu-leninismu ÚV KSS. 1980, № 1.
- 53. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.
- 54. *Гусев К. В.* Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. М., 1975.
- 55. Банкротство мелкобуржуазных партий в России. 1917—1922. М., 1972.
- 56. *Завьялов А. С.* Единым фронтом. Демократические партии ГДР в борьбе за социализм (1949—1961). М., 1981.
- 57. *Шевцова Л. Ф.* Союзнические партии в политической системе социализма. М., 1978.
- 58. *Чернейко Г. А.* БЗНС — первый союзник болгарских коммунистов, М., 1975.
- 59. *Божков Л., Пиков С.* Исторический путь БЗНС. София, 1982.
- 60. *Zemke J.* ZSL w systemie politycznym Polski Ludowej. Warszawa, 1978.

ГОДОВЩИНЫ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ В АНТИФАШИСТСКОЙ БОРЬБЕ КОММУНИСТОВ ЮГОСЛАВИИ В 1941—1945 годах

В годы второй мировой войны каждая годовщина Великой Октябрьской социалистической революции являлась большим событием в жизни народов поработанных фашистами стран Европы. В Югославии она и до войны отмечалась по возможности широко. Но особенно воздействие Октябрьской социалистической революции усилилось в годы второй мировой войны, когда югославские коммунисты для мобилизации трудящихся масс на борьбу против оккупантов использовали богатый опыт большевистской партии. Это было убедительным свидетельством возросшей роли Великого Октября, на международное значение которого указывал еще В. И. Ленин [1, с. 3]. В условиях освободительной борьбы празднование годовщины Великого Октября КПЮ использовала в качестве средства для активизации борьбы против оккупантов и реакционной буржуазии внутри страны.

Эта важная проблема отчасти освещена в советской историографии [2]. Источниками для исследования послужили номера газеты «Борба» за 1941—1943 гг., собранные в «Историческом архиве Коммунистической партии Югославии», сборник документов «Октябрь в Югославии», частично — «Сборник документов и материалов о Народно-освободительной войне югославских народов», а также публикации воспоминаний руководителей и активных участников освободительной борьбы [3; 4; 5; 6].

Задача автора данной статьи — показать, как КПЮ использовала годовщины Великого Октября для мобилизации народных масс на усиление борьбы против фашистских оккупантов и их пособников.

Вооруженное восстание в Югославии тесно связано с нападением гитлеровской Германии на родину Великого Октября. ЦК КПЮ счел начало Великой Отечественной войны Советского Союза важным международным фактором для организации восстания и уже 22 июня обратился с воззванием к народам Югославии подняться на освободительную борьбу против фашистских оккупантов, чтобы совместно с советским народом и при его поддержке сражаться за независимость своей родины. Перед КПЮ стояла задача сплотить массы в Народно-освободительный фронт (НОФ) антифашистской борьбы.

В сложившейся обстановке КПЮ придавала большое значение празднованию годовщины Великого Октября. Их отмечали во всех краях Югославии как собственный, самый дорогой праздник. Особое внимание этому празднику уделяли в 1941 г. в Сербии и Черногории, где вооруженное восстание получило наиболее широкий размах.

После июльского восстания, в конце сентября 1941 г., на освобожденной территории Западной Сербии была образована «Ужицкая республика», где создавались органы народной власти — народно-освободительные комитеты, осуществлявшие совместно со штабами партизанских отрядов

и под руководством КПЮ революционные мероприятия, в том числе идейно-воспитательную работу в массах, составившей частью которой являлась пропаганда достижений первой страны социализма, героической борьбы Красной Армии, значения идей ленинизма и Великого Октября для народов Югославии.

Изучая труды В. И. Ленина и практическую деятельность большевистской партии по руководству массами в революции, «коммунисты Югославии учились и учатся у героической ВКП(б). Они используют опыт ВКП(б)... в борьбе за освобождение», — писал И. Броз Тито 7 ноября 1941 г. в статье «Коммунистическая партия Югославии в современной народно-освободительной борьбе» [7, с. 89].

Это ярко проявилось в период подготовки и празднования 24-й годовщины Великого Октября, которые КПЮ превратила в широкую политическую кампанию по мобилизации масс на усиление борьбы против фашистских оккупантов и их пособников. В эти дни КПЮ особое внимание уделяла пропаганде ленинских идей, всемирно-исторического значения Октябрьской революции, героической борьбы советского народа против фашизма. Такая политическая работа велась югославскими коммунистами наиболее активно в «Ужицкой республике», в освобожденных районах Черногории, Боснии и других краев, на страницах газеты «Борба», органа ЦК КПЮ, и в других партизанских изданиях.

Так, 30 октября 1941 г. «Борба» опубликовала призывы ЦК КПЮ к 24-й годовщине Великого Октября. Газета подчеркивала значение Октябрьской революции для народов Югославии, популяризировала антифашистскую борьбу советских партизан, высокий патриотизм трудящихся «братской славянской России». В номере за 7 ноября 1941 г. «Борба» посвятила материалы годовщине социалистической революции в России, а также опубликовала обращение к народам Югославии с призывом укреплять единство в борьбе против фашистских оккупантов. Газета отмечала самоотверженность советской молодежи, которая служит примером для югославской [3, кн. 1, с. 98, 110, 133—141].

Коммунисты проводили среди партизан и населения читку материалов партийной газеты о ведущей роли Советского Союза в борьбе антифашистского фронта свободолюбивых народов, о Всеславянском митинге в Москве (10—11 августа 1941 г.). КПЮ призывала народы Югославии к сплочению и единству с Советским Союзом в антифашистской борьбе, подчеркивая, что «победа над фашизмом возможна только в союзе с Россией». В статье «Русские партизаны — наши учителя» газета отмечала, что героическая борьба белорусских и украинских партизан служит примером для югославских патриотов [3, кн. 1, с. 147—155, 163, 168—170].

Большое внимание празднованию 24-й годовщины Великого Октября уделяли коммунисты Черногории. Накануне знаменательной даты ряд партийных комитетов этого края обратился с воззваниями к партизанам и населению. Так, 3 ноября 1941 г. Черногорский Краевой комитет КПЮ опубликовал воззвание, в котором отмечалось, что под руководством партии Ленина «Советская страна стала надеждой всего угнетенного человечества» [4, т. III, кн. 1, 1950, с. 109]. В воззвании указывалось, что успех борьбы народов Югославии против фашистских оккупантов и внутренней реакции достигим лишь во взаимодействии «с могучим Советским Союзом». В воззвании отмечалось, что народы России 24 года назад с оружием в руках положили конец всевластию помещиков и капиталистов, и если черногорский народ хорошо и основательно «подготовится к общенародному вооруженному восстанию, то сможет изгнать ненавистных фашистских оккупантов» [4, т. III, кн. 1, 1950, с. 109—111].

Цетинский окружной комитет КПЮ также опубликовал в ноябре 1941 г. воззвание, в котором указывалось на необходимость усиления партизанской борьбы. Здесь же отмечалось, что «пролитая кровь наших братьев ищет немедленного и справедливого отмщения» [4, т. III, кн. 1, 1950, с. 115].

В приказе Главного штаба партизанских отрядов Черногории подчеркивалось, что день 7 ноября необходимо превратить в настоящее торжест-

во, которое должно еще теснее сплотить партизан с народом. Командирам предлагалось в эти дни произвести смотр боевой готовности партизан, политкомиссарам — прочесть лекции о значении Октябрьской революции, о миролюбивой политике СССР и о его ведущей роли в борьбе с фашистами, о необходимости активизации вооруженной борьбы. Указывалось, что празднование годовщины Великого Октября должно способствовать мобилизации всего народа на борьбу за окончательный разгром фашизма [4, т. III, кн. 1, 1950, с. 102, 103]. КПЮ с помощью органов демократической власти и штабов партизанских отрядов использовала разнообразные формы и методы политической работы в массах, чтобы в торжественной обстановке широко отметить знаменательную дату.

Например, «Борба» предлагала проводить торжественные собрания и вечера, на которых рекомендовалось использовать наглядную агитацию: лозунги, плакаты, портреты, выставки. Так, в Ужице была организована выставка, которая помогла разоблачить антисоветскую клевету из национальных предателей «пятой колонны» [3 кн. 1, с. 110, 264, 307]. Праздничную Ужице называли «Малой Москвой». Площади городов Ужице и Чака были украшены красными флагами, плакатами, транспарантами с лозунгами, посвященными Великому Октябрю и Красной Армии, красными звездами, портретами В. И. Ленина и других советских руководителей [8, с. 31—70].

КПЮ распространяла листовки с директивами Центрального Комитета и Верховного штаба. В газете публиковались призывы к вступлению в партизанские отряды, материалы из «Правды» и сводки Совинформбюро. Говорилось о трудовых подвигах советского народа в тылу [3, кн. 1, с. 182—185].

Политическую деятельность КПЮ, направленную на сплочение народа для усиления борьбы против фашистских оккупантов и их пособников, горячо поддерживали трудящиеся, патриотическая молодежь, о чем, в частности, свидетельствует решение Пленума Подгорицкого райкома Черногорской народной молодежи от 10 ноября 1941 г., призывавшее к солидарности с советской молодежью, к поддержке Советского Союза, его Коммунистической партии [4, т. III, кн. 1, с. 121—122, 124].

Согласно рекомендациям и решениям комитетов КПЮ, приказам партизанских штабов в освобожденных городах и селах проводились демонстрации. Так, в Ужице состоялись парад партизанских отрядов и демонстрация делегаций освобожденных городов. Партизанский хор исполнил «Интернационал», революционные песни и боевые марши. Демонстрации, как правило, заканчивались митингами, торжественными собраниями и вечерами, на которых выступали партизанские командиры и политкомиссары. Участники митинга в Чакае отправили поздравительные телеграммы командованию героической Красной Армии и Центральному Комитету Коммунистической партии Советского Союза. В заключение был организован вечер интернациональной солидарности [3, кн. 1, с. 264—265].

Торжественные вечера, концерты и другие культурно-массовые мероприятия проводились штабами партизанских отрядов, местными парткомами и органами народной власти на всей освобожденной территории. Коллективы художественной самодеятельности и профессиональные актеры исполняли советские и югославские революционные песни и ставили спектакли [3, кн. 1, с. 93, 282, 365].

Столь же интенсивная политическая и культурная работа в связи с празднованием годовщины Великого Октября проводилась коммунистами Хорватии и других краев страны [4, т. V, кн. 2, док. 79; 5, кн. 2, 1963, с. 294; 9, с. 741].

Обширная идейно-воспитательная работа КПЮ в массах, проводимая накануне и в дни празднования 24-й годовщины Великого Октября, способствовала усилению политической и боевой активности партизан и населения, увеличению притока добровольцев в повстанческие отряды. Подтверждение этому можно найти на страницах газеты «Борба». Например, в газете от 13 ноября 1941 г. сообщалось об активизации боевых операций в Сербии, Черногории, Хорватии и других краях страны. Патриоты в от-

вет на призывы КПЮ стремились в эти дни отметить славный праздник усилением ударов по врагу. Так, накануне знаменательной даты сербские патриоты нанесли серьезное поражение немецким оккупантам у городов Валево и Кралево, уничтожив 300 гитлеровцев и подбив два танка. 7 ноября 1941 г. 2-й Шумадийский отряд добился больших успехов в боях против оккупантов и недичевцев, пустив под откос три поезда, в том числе бронепоезд. Посавский отряд также нанес серьезный урон гитлеровцам. А Копаноникский отряд, сформированный из ибарских горняков, разгромил у Лопатицы и Рашки подразделение немецких фашистов, обратив их в паническое бегство. Партизаны сорвали добычу руды и угля в Тречче и Белом Брдо. Они разбили также четников на подступах к Ужице, освободив Пожегу и разоружив их в Чачаке, Любовии и Байной Баште, захватив в плен 400 человек [3, кн. 1, с. 251, 115, 303, 214, 193, 225].

Активизировали свои боевые действия и черногорские повстанцы. Так, партизаны Зетского отряда, разбив подразделение оккупантов между Подгорицей и Колашином, истребили и ранили 150 итальянских фашистов, взяли в плен 59 солдат и четырех офицеров, уничтожили 43 десятитонных грузовика. В районе Беране партизаны уничтожили 120 оккупантов. В результате активных действий партизан Черногории итальянские фашисты потеряли убитыми и ранеными 1200 человек, было захвачено в плен 4 тыс. солдат и офицеров. Откликаясь на призыв компартии, патриоты Хорватии и Далмации устраивали диверсии на железных и шоссейных дорогах, активизировали боевые операции по захвату оружия и истребляли оккупантов и их пособников. Так, партизаны у города Сисак уничтожили 40 усташей и жандармов, в Лике — около 30 итальянских солдат и 7 грузовых автомашин. Далматинские партизаны накануне праздника ворвались в Сплит и уничтожили около 30 оккупантов. На железной дороге Сплит — Загреб вскоре после 7 ноября партизаны взорвали итальянский воинский эшелон, в результате чего было убито и ранено 200 оккупантов. Были пущены под откос поезда также и на некоторых других железных дорогах Хорватии. В Боснии и Саджаке на борьбу против оккупантов и усташей объединились сербы, хорваты и мусульмане. Партизаны освободили значительную территорию Восточной Боснии, окружили Сараево. Кроме того, повстанцы сбили 6 фашистских самолетов. Крупные партизанские отряды, действовавшие в Западной Боснии, освободили значительную территорию в Крайне. В Словении партизаны Трбовля, Камника и Шоштаны истребили 110 и ранили 200 гитлеровцев, а также вывели из строя два промышленных предприятия. Успешная борьба югославских партизан находила горячую поддержку у советского народа. Так, в «Борбе» от 13 ноября 1941 г. приводилась оценка, данная К. Е. Ворошиловым героической борьбе югославских партизан в речи, произнесенной в Куйбышеве 7 ноября, где подчеркивалось, что эта борьба является примером освободительного движения славянских народов [3, кн. 1, с. 115, 270, 229, 280, 323, 331, 163, 213, 281, 285, 261, 324, 250—251].

Успехам боевых операций в Сербии, Черногории и других краях способствовали и другие формы идейно-политической работы коммунистов. Среди партизан широко распространялся роман Н. Островского «Как закалялась сталь». Очень часто самому храброму молодому партизану присваивалось почетное имя Павла Корчагина [3, кн. 1, с. 168—169; 5, кн. 3, 1964, с. 36; 8, с. 62]. Революционная тематика вечеров и концертов способствовала поднятию боевого духа партизан.

Большую роль в боевых успехах партизан имела деятельность органов народной власти, которые накануне и в дни празднования 24-й годовщины Великого Октября в ответ на призывы ЦК КПЮ усиливали организацию материальной помощи населения партизанам под лозунгами «Все для партизан!», «Все для фронта!». Так, Народно-освободительный комитет Ужице провел сбор средств в помощь раненым и больным. Многие врачи, медсестры и санитарки добровольно дежурили в Доме Красного Креста. Трудящиеся «Ужицкой республики» и Санджака собирали все необходимое в Народно-освободительный фонд для снабжения партизан. С этой же целью на освобожденной территории Западной Сербии была на-

лажена хозяйственная жизнь, работали предприятия. Патриоты Словении собрали в фонд освободительной борьбы 20 млн динаров [3, кн. 1, с. 113, 294, 271, 273, 242, 288, 235].

Органы народной власти проявляли заботу о пополнении партизанских отрядов новыми бойцами, а также снабжении их оружием и боеприпасами. Патриотическая молодежь добровольно присоединялась к партизанам. В результате большой политической работы КПЮ на селе с помощью народно-освободительных комитетов, разоблачения предательства Д. Михайловича крестьяне уходили от четников и поддерживали партизан, оказывая им материальную помощь.

Ко времени празднования 24-й годовщины Великого Октября повстанцы освободили большую территорию с населением свыше 1 млн человек. Это обеспечило значительную экономическую базу для снабжения партизан и способствовало росту освободительного движения [3, кн. 1, с. 142—144, 272, 273, 295].

Не менее торжественно югославские патриоты отмечали и 25-ю годовщину Великого Октября. 7 ноября 1942 г. ЦК КПЮ обратился с воззванием к народам Югославии. В этот же день «Борба» сообщала, что «в огне освободительной войны выковался союз народов Югославии и СССР». В связи со знаменательным юбилеем И. Броз Тито от имени КПЮ, НОАО приветствовал Советский Союз, выражая при этом веру в победу над фашистскими захватчиками, и подчеркивал, что «никто и никогда не сможет оборвать... связи между народами Югославии и народами Советского Союза, которые закаляются в трудной, кровопролитной борьбе» [3, кн. 2, с. 209, 134—137, 149—150, 138—140; 10]. Эта же интернациональная идея проведена в приказе главнокомандующего Народно-освободительными партизанскими отрядами и добровольческим войском Югославии от 7 ноября 1942 г., где говорилось о героической борьбе югославских партизан, о солидарности с советским народом, о решимости бороться до последней капли крови, пока не уничтожат врага [4, т. II, 1949, с. 201—202].

В статье И. Броз Тито «Четверть века Великого Октября», опубликованной в газете «Борба» 7 ноября 1942 г., отмечалось: «Каждый успех героической Красной Армии находит радостный отклик в сердцах наших народов и борцов Народно-освободительных партизанских отрядов и добровольческого войска Югославии. Каждый успех нашего партизанского добровольческого войска находит радостный отклик в сердцах всего советского народа» [3, кн. 2, с. 138—140].

О безграничной вере трудящихся Югославии в могущество СССР писал один из руководителей Освободительного движения в Югославии Р. Чолакович [11, с. 318].

Большую работу по пропаганде идей Октябрьской революции и ленинизма проделала белградская подпольная организация КПЮ; партийная типография напечатала воззвание КПЮ от 7 ноября 1942 г., доклады и приказы, посвященные годовщине Великого Октября, «Историю ВКП(б)» и другие пропагандистские материалы о социалистической революции¹. Они быстро и широко распространялись в Белграде и за его пределами [14, с. 268—269]. Как и в предыдущем году, накануне и в дни празднования 25-й годовщины Великого Октября партизанские штабы планировали и проводили активные боевые операции. Югославские патриоты усиливали удары по вражеским гарнизонам, устраивали диверсии на коммуникациях противника, организовывали боевые рейды.

В своей речи по поводу вручения Красного Знамени 1-й Пролетарской бригаде в день 25-летия Октябрьской революции И. Броз Тито отметил, что в честь великого праздника боснийские и хорватские партизаны до-

¹ Об издании и изучении ленинских трудов, партийной и другой советской литературы см. [7, с. 74; 12]. Р. Чолакович указывает, что идейным оружием в освободительной борьбе были «двенадцать томов избранных произведений Ленина на сербском языке, хрестоматия по ленинизму» [11, с. 558]; профессор Перо Дамьянович в статье «Произведения Ленина в Югославии» сообщает, что в период Освободительной войны было опубликовано свыше 230 трудов В. И. Ленина отдельными изданиями и 50 трудов в составе различных сборников с учетом потребностей революции [13].

бились крупных успехов, встретив славный юбилей новыми победами над оккупантами, усташами и четниками. Пролетарскими бригадами была освобождена значительная территория в Боснии с городами Яйце и Би-хач (там вскоре состоялась I сессия Антифашистского веча народного освобождения Югославии). Расширялось восстание в Хорватии. Проводились диверсии в самом Загребе. 70 фашистских поездов было пущено под откос [3, кн. 2, с. 160—163, 179—181, 159, 160, 164, 189]. Хорватские патриоты освободили город Слунь, истребив при этом 130 фашистов. Всего осенью 1942 г. в Хорватии было уничтожено свыше 9485 вражеских солдат и офицеров, ранено 2385 и взято в плен 3170 и захвачено много оружия [4, т. II, 1949, с. 203, 207—213].

Накануне 25-й годовщины Великого Октября партизаны Калникского отряда освободили из плена пятерых советских офицеров, о чем сообщала «Борба» от 23 и 27 декабря 1942 г. Тем временем продолжалось формирование новых партизанских отрядов и бригад. Верховный штаб начал создавать первые дивизии и корпуса из пролетарских и ударных бригад. Родилась Народно-освободительная армия Югославии (НОАЮ) [3, кн. 2, с. 310, 316, 317, 10, 11, 291, 292; 4, т. II, 1949, с. 195—200], которая на первых порах насчитывала до 150 тыс. бойцов [15, с. 72]. Была освобождена одна пятая территории Югославии. Ко времени празднования юбилея Великого Октября продолжали укрепляться органы народной власти. Так, на освобожденной территории Боснии и Хорватии создавались районные и окружные народно-освободительные комитеты, превращавшиеся из временных в постоянные органы революционной власти, функции которых расширялись [3, кн. 2, с. 12—15, 324—325].

С большим подъемом югославские патриоты отмечали 26-ю годовщину Октябрьской революции. 1943 год явился переломным в войне против фашизма. Победы Красной Армии под Сталинградом и Курском были встречены с особой радостью трудящимися массами Югославии, вызвав огромный энтузиазм партизан и явившись стимулом к усилению освободительной борьбы, которая распространилась на новые районы.

Народно-освободительное движение в 1943 г. стало более организованным и массовым, упрочились связи партизан и населения. Центром борьбы в то время была Босния, где развернулись наиболее крупные боевые операции. Накануне праздника Октября части 17-й и 27-й дивизий НОАЮ освободили город Соколяц, около Сараева, уничтожив 170 вражеских солдат и офицеров и захватив много орудия. Усташи потерпели поражение у Вишеграда, Рогатицы и Вареша [4, т. IV, кн. 18, с. 415, 556]. Как сообщает советский офицер Н. Г. Фостик — участник освободительной войны в Югославии, 7 ноября 1943 г. 16-я Мусульманская бригада атаковала гитлеровцев на подступах к Сараеву [17, с. 51].

В праздновании 26-й годовщины Великого Октября приняли участие и советские патриоты, бежавшие из фашистского плена к югославским партизанам. Они встречали праздник своей Родины, продолжая бороться с ненавистным врагом вдали от нее. Так, в составе Зетского отряда черногорских партизан советские воины участвовали в диверсиях и в разгроме четников, нападении на фашистские гарнизоны, в сражениях против 181-й гитлеровской пехотной дивизии [18, с. 51]. В Цетинье черногорские подпольщики сорвали гитлеровский флаг на здании фашистской комендатуры и вывесили красный. Активным участником этой организации был Кир Николаевич Попов, переводивший сообщения Московского радио о праздновании 26-й годовщины Великого Октября в СССР и сводки Совинформбюро, которые в листовках распространялись среди населения [19]. Накануне знаменательной даты советская рота 18-й бригады НОАЮ под командованием А. И. Дьяченко вместе со словенскими партизанами вступила в бой с гитлеровцами на территории Словенского Приморья. В ночь на 7 ноября 1943 г. 60 советских бойцов, атаковав фашистский гарнизон в Толмине, совершили нападение на немецкие казармы, уничтожили десятки солдат и офицеров, взорвали два моста и захватили оружие врага. Как вспоминает А. И. Дьяченко, 7 ноября в расположении 18-й бригады IX корпуса состоялся митинг. Комбриг Антон Бавец в своей речи

подчеркнул международное значение Великой Октябрьской социалистической революции, указав на победы Красной Армии. Он выразил благодарность «русской роте» за отличное выполнение задания командования во время палета на толминский гарнизон [16, с. 61—62].

Ко времени 26-й годовщины Октябрьской революции благодаря успешному развитию освободительной борьбы численность НОАЮ выросла до 300 тыс. человек. Она освободила почти половину территории страны, на которой создавались уездные, областные и краевые народно-освободительные комитеты, осуществлявшие власть в свободных районах. Заканчивался процесс образования народных представительств в национальных краях Югославии. Так, в это время уже действовало Земельное антифашистское вече народного освобождения Хорватии. Был избран Словенский народно-освободительный комитет и антифашистские вече народного освобождения в других национальных землях [15, с. 88].

27-ю годовщину Великого Октября народы Югославии праздновали вместе с Красной Армией, которая оказала народам Югославии братскую помощь в освобождении их страны. ЦК КПЮ опубликовал воззвание, в котором говорилось о сотрудничестве и дружбе с Советским Союзом. В обращениях ЦК КПЮ и Восточно-боснийского обкома Народно-освободительного фронта от 5 ноября 1944 г. подчеркивалось большое значение использования югославскими коммунистами богатого опыта большевиков, выражалась вера в непобедимость советского народа. Победам Красной Армии и освобождению ею значительной части Югославии было посвящено воззвание исполкома Освободительного фронта словенского народа [6, с. 734, 736, 743—745—748, 749, 751, 756].

После полного освобождения Югославии от фашистских захватчиков Народная Скупщина приняла постановление о торжественном праздновании 28-й годовщины Октября.

Большая организационно-политическая работа, которую проводила КПЮ среди трудящихся, помогала им осознать историческое значение социалистической революции, духовно сродниться с героической борьбой советского народа против гитлеровских полчищ.

Разнообразные формы и методы идейно-политической работы, которые особенно интенсивно использовали комитеты КПЮ и органы народной власти в связи с годовщинами Великого Октября, способствовали повышению морально-боевого духа югославских патриотов в борьбе за освобождение своей Родины от фашистских поработителей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41.
2. Славин Г. М. Как трудящиеся Югославии праздновали годовщины Великого Октября.— Советское славяноведение, 1977, № 5, с. 51—64.
3. Историски Архив Комунистичке Партије Југославије. Т. I. Београд, 1949.
4. Сборник документа и података о Народноослободилачком рату Југословенских народа. Београд.
5. Ustanak naroda Jugoslavije 1941. Zbornik. Pišu učesnici. Knj. 1—6. Beograd, 1962—1964.
6. Oktobar u Jugoslaviji (1918—1945). Izbor dokumenata o godišnicama Oktobra. Beograd, 1967.
7. Тито Броз И. Избранные статьи и речи. М., 1973.
8. Живковић Н. Ужичка република прославља Октобарску револуцију. Репортажа о свечаности. Титово Ужиче, 1967.
9. Četrdeset prva. Ustanak naroda Jugoslavije. Beograd, 1961.
10. Борба, 1942, 7 XI.
11. Чолаковић Р. Записки об освободительной войне в Югославии. М., 1965.
12. Лопчић Ј. К. Ратни дневник. Књ. 1. Београд, 1961, с. 558.
13. Югославия вчера и сегодня. М., 1965, с. 243.
14. Београд. Београд, 1964.
15. Славин Г. М. Освободительная война в Югославии (1941—1945 гг.). М., 1965.
16. Четрдесет година, књ. 7 Београд, 1961.
17. Советские люди в Освободительной борьбе югославского народа. 1941—1945 гг. Воспоминания, документы и материалы. М., 1973.
18. Казак В. Н. Побратимы. М., 1975.
19. Южная правда, 1973, 21 XI.

СЕРБСКИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ДОКУМЕНТЫ О ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ УСТАНОВКАХ ВЕНГЕРСКИХ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Почти через три четверти века после июльского кризиса 1914 г. к предыстории первой мировой войны не ослабевает интерес исследователей. Публикация «Документов о внешней политике Королевства Сербии (1903—1914)», предпринятая Отделением исторических наук Сербской академии наук и искусств совместно с Дипломатическим архивом Союзного секретариата по иностранным делам СФРЮ [1], способствовала расширению источниковой базы для ее изучения. В советской исторической периодике уже обращалось внимание на принципиальную важность этого научного издания [2, с. 175; 3, с. 156]. Опубликованные в нем документы отразили давление со стороны великой державы — Австро-Венгерской монархии, которому подвергалась Сербия и которое завершилось известным ультиматумом, призванным оправдать развязывание военных действий против нее.

Место Австро-Венгрии в системе международных отношений конца XIX — начала XX в. определялось ее участием сначала, с 1879 г., в Двойственном, а затем, с 1882 г., — в Тройственном союзе. В обоих этих военно-политических блоках она играла вторую роль, в то время как первая принадлежала Германии. Особые отношения Германии и Австро-Венгрии в рамках Тройственного союза особенно заметно проявились начиная с аннексионного кризиса (октябрь 1908 — март 1909 гг.) [4, S. 11—12]. Их идеологическим обоснованием служили пангерманистские и иные немецко-националистические концепции, широко представленные как в Германии, так и в Австрии. Австро-венгерская внешнеполитическая доктрина базировалась на двух постулатах: союз с Германией и экспансии в юго-восточном направлении [5, с. 35].

Практическая реализация ее в большой степени обуславливалась внутренними факторами, прежде всего состоянием межнациональных отношений в самой Австро-Венгрии [5, с. 123]. Дуализм, с 1867 г. положенный в основу государственного устройства монархии Габсбургов, означал союз австро-немецких и мадьярских господствующих классов с целью упрочения их привилегированного положения по отношению к остальным — национально угнетенным — народам, населявшим соответственно австрийские земли и земли венгерской короны¹.

¹ Общеупотребительным наименованием западной части дуалистической монархии, т. е. Австрии, было «Цислейтания», а ее восточная часть, т. е. Венгрия, неофициально именовалась также «Транслейтанией». Эти наименования используются в настоящее время как в советской, так и в венгерской исторической литературе [6, с. 53—54; 7, с. 246—247].

Австро-Венгрия представляла собой своего рода федерацию, так как, наряду с государственностью ее двух составляющих частей, существовала также общая австро-венгерская государственность, воплощавшаяся в монархе и иных общих государственно-правовых институтах.

Как и Австрия, Венгрия самостоятельно не поддерживала дипломатических отношений с иностранными государствами, но активно воздействовала на формирование и осуществление внешней политики монархии. Венгерский закон о соглашениях (1867, XII) выделил в сферу общей компетенции иностранные дела, военные дела и связанные с ними финансовые дела, а также установил порядок ведения этих «общих дел». Он предусматривал (§ 8), что международные договоры заключаются от имени всей монархии общим министром иностранных дел «с согласия и одобрения» австрийского и венгерского правительств [8, с. 69].

Основополагающие решения в области внешней политики принимались общим советом министров², учрежденным в соответствии с § 27 того же закона [8, с. 73] и выполнявшим правительственные функции в сфере общей компетенции [9, с. 16].

Некоторое влияние на внешнюю политику Австро-Венгрии оказывала делегация венгерского государственного собрания, перед которой, как и перед делегацией австрийского рейхсрата, были ответственны общие министры (§ 50, 51) [8, с. 80].

Во время сессий, созываемых поочередно в Вене и в Будапеште, парламентские делегации не только обсуждали отчеты и предложения, представляемые общими министрами, но и пользовались правом инициативы по вопросам, отнесенным к сфере общей компетенции (§ 44) [8, с. 78—79]. Их работу координировал комитет, образуемый на паритетных началах.

Вопросы внешней политики часто рассматривались непосредственно палатой депутатов венгерского парламента, когда на ее заседаниях выступал венгерский премьер-министр — либо с правительственными заявлениями, либо с ответами на запросы.

Сложился внешнеполитический механизм, в рамках которого ни одна крупная дипломатическая акция монархии «не могла быть проведена — и не проводилась — без согласия главы венгерского кабинета» [10, с. 235]. Последний, выражая специфически венгерские интересы, нередко занимал особую позицию по конкретным вопросам, что проявлялось и в австро-венгерской политике по отношению к Сербии.

Проблема участия венгерских государственных деятелей в разработке и проведении в жизнь внешнеполитического курса дуалистической монархии, их доли ответственности за создание взрывоопасной обстановки на Балканском полуострове, не получила еще достаточного освещения в исторических исследованиях. Как правило, главное внимание уделяется позиции премьер-министра Венгрии И. Тисы во время июльского кризиса, при этом роль венгерских правящих кругов в подготовке и развязывании европейского вооруженного конфликта, как уже было отмечено в советской литературе, «часто преувеличивается или же, напротив, преуменьшается» [9, с. 21].

В этой связи большой интерес вызывают сербские дипломатические документы, относящиеся к периоду с июня 1913 по август 1914 г., т. е. со времени, когда Тиса во второй раз возглавил венгерское правительство, до начала «грабительского похода против Сербии» [11, т. 26, с. 16]. Эти источники не являются основным материалом для суждений о венгерской политике, так как не позволяют восстановить ее картину во всех деталях, но они добавляют весьма важные штрихи к общей картине, которая скла-

² В состав этого органа входили австрийский и венгерский премьер-министры и три общих министра — иностранных дел, финансов и военных. Председательствовал, как правило, общий министр иностранных дел. В петличках данный орган именуется по-разному — «общий совет министров», «общая министерская конференция», «совет министров по общим делам»; все эти наименования юридически равнозначны. В тех же случаях, когда члены общего совета министров собирались под председательством императора и короля, конституировался коронный совет. В последние годы правления Франца-Иосифа I практика созыва коронных советов была прекращена, и реально функционировал только общий совет министров.

дывается на основе ранее опубликованных документов, привлекают внимание к определенным аспектам проблемы, побуждают по-новому подойти к ней.

Понимание сербской дипломатией внешнеполитических установок, которыми руководствовались в своей деятельности венгерские правящие круги, нашло выражение в донесениях, поступавших в Белград от посланника в Вене Й. Йовановича³ и генерального консула в Будапеште Й. Миланковича. Их отличала хорошая осведомленность о положении дел в странах пребывания. Они были привержены сербской «национальной идеологии» [11, т. 26, с. 162], в которой, поскольку она способствовала делу освобождения и объединения югославянских народов, имелось «общедемократическое содержание *против* угнетения» [11, т. 25, с. 275—276]. В оценке как международных событий, так и внутренних процессов в Австро-Венгерской монархии, они исходили, разумеется, из национально-государственных интересов Сербии, тесно связанных с развитием национально-освободительного движения этих народов. Данное обстоятельство во многом определило тематику и topicalность их донесений, адресованных премьер-министру и министру иностранных дел Сербии П. Пашичу, а в отсутствие последнего — исполнявшему его обязанности министру финансов Л. Пачу.

Первая Балканская война, завершившаяся поражением Османской империи, привела к территориальному расширению и усилению балканских государств (Болгарии, Сербии, Греции и Черногории). Она дала сильный толчок освободительной борьбе угнетенных народов дуалистической монархии и тем самым ослабила ее внутреннее и внешнее положение. Косвенно это означало усиление влияния держав Антанты в Юго-Восточной Европе [14, с. 384; 15, с. 203]. Поэтому великодержавные интересы Австро-Венгрии порождали стремления к внутренней консолидации и к восстановлению довоенной ситуации на Балканах.

Примечательно одно из донесений Йовановича от 18 июля 1912 г.⁴, в котором сообщалось, что Франц-Иосиф I, стремясь обеспечить как можно более тесное сближение Венгрии с Австрией, при назначении нового венгерского кабинета предоставил пост премьер-министра Тисе — во-первых, это был крупный государственный деятель, преданно служивший дуалистической системе [9, с. 91—92], во-вторых, его поддерживало солидное большинство в государственном собрании Венгрии, также стоявшее на почве соглашения 1867 г. С его помощью он должен был обуздать устремления части венгерской аристократии к расторжению государственно-правовых связей с Австрией. Йованович отметил, что вновь назначенный венгерский премьер-министр легче мог бы провести мероприятия по усилению армии [1, кн. VI, св. 3, бр. 43].

Сербские дипломатические документы проливают свет на роль венгерских правящих кругов в развязывании второй Балканской войны. Кабинет Тисы пришел к власти, когда усилились трения между Сербией и Болгарией — недавними союзниками в войне против Турции. 20 июня 1913 г. Тиса, выступая с правительственным заявлением в палате депутатов венгерского парламента, сказал, в частности, что «жизненные интересы» Австро-Венгрии заключаются в сохранении независимости балканских государств [16, Bd. 35, S. 52, Fußnote]. Это выступление было реакцией на телеграмму с предложением посредничества, посланную российским императором Николаем II сербскому и болгарскому монархам 8 июня [1, кн. VI, св. 2, бр. 410]. Оно показало, что Австро-Венгрия стремилась не допустить усиления влияния России на Балканах, так как это не позволило бы ей играть роль арбитра в отношениях между балканскими странами. В донесении, отправленном 21 июня, Йованович расценил речь Тисы как «предупреждение» России, попытку изоляции Сербии и подталкивание болгарского правительства к войне против последней [1, кн. VI,

³ Впоследствии — посланник в Лондоне и Вашингтоне, видный политический деятель межвоенной Югославии, лидер сербской крестьянской партии «Союз земледельцев», автор ряда работ по истории международных отношений [12; 13].

⁴ Все даты приводятся по новому стилю.

св. 2, бр. 490]. А 8 июля, когда Болгария уже начала военные действия против Сербии и Греции, сербский посланник, понимая, что его страна нуждалась в мирной передышке, а новая война ослабила бы Сербию даже в случае ее победы, высказался за скорейшее прекращение этого «взаимного истребления» [1, кн. VI, св. 2, бр. 643].

«Документы о внешней политике Королевства Сербии» показывают тактику сербской дипломатии, всегда имевшей в виду угрозу со стороны Австро-Венгрии, во время второй Балканской войны и последующего мирного урегулирования с Болгарией. В середине июля, когда поражение Болгарии было предreshено, Йованович как в беседах с российским и французским послами в Вене, так и в донесениях в Белград высказывал подозрения, что формула «жизненные интересы», вошедшая в обиход с легкой руки Тисы, является «слишком пространной, безграничной», и что существовавшая в Австро-Венгрии «военная партия» могла бы «извлечь из этой формулы другую, более конкретную, к очевидному ущербу для Сербии» [1, кн. VI, св. 3, бр. 39]. Опасения сербского посланника оправдались. Эта формула, отметил он в очередном донесении, действительно была выдвинута и звучала так: «...Жизненные интересы Австро-Венгрии заключаются в том, чтобы Сербия не была слишком велика...» [1, кн. VI, св. 3, бр. 48]. В соответствии с этим, перед австро-венгерской дипломатией ставилась задача лишить Сербию большей части территорий, приобретенных в войне с Болгарией. После состоявшейся 23 июля беседы с общим министром иностранных дел Л. Берхтольдом, в которой отчетливо выявилась антисербская позиция Балхаусплаца, Йованович пришел к выводу, что у сербской делегации на предстоявшей мирной конференции в Бухаресте «будет больше всего трудностей при разделе территории» [1, кн. VI, св. 3, бр. 106]. Поэтому 27 июля, накануне открытия конференции, сербский дипломат призвал свое правительство проявлять умеренность и стремиться к скорейшему заключению такого мира, который был бы почетен и для Болгарии [1, кн. VI, св. 3, бр. 134].

Хотя не все великие державы были удовлетворены итогами Бухарестской конференции, только Австро-Венгрия выступила рьяной сторонницей ревизии мирного договора с Болгарией. Австрийские и венгерские правящие круги не устраивало то, что в соответствии с ним еще больше расширялась территория Сербии [15, с. 215]. Им нужен был международно-правовой прецедент, который позволил бы объявить условия мирного урегулирования несправедливыми по отношению к Болгарии, рассматриваемой ими как потенциальный союзник монархии, и положить начало ослаблению Сербии, а следовательно — изменению соотношения сил на Балканах. Как известно из австро-венгерских дипломатических документов, на другой день после подписания Бухарестского мирного договора, 11 августа 1913 г., Тиса составил меморандум, в котором подчеркнул, что сохранение великодержавного положения Австро-Венгрии «потребовало бы проведения эффективной ревизии его в пользу Болгарии» [17, Bd. VII, № 8343]. Сербская дипломатия уловила такие настроения. В донесении, посланном в тот же день, Йованович констатировал, что, с одной стороны, правящие круги дуалистической монархии были разочарованы итогами «последней войны, к которой... Пешт особенно подталкивал болгар» (имелась в виду подстрекательская речь Тисы 20 июня), а с другой — окружение Франца-Иосифа было не слишком склонно к дополнительным трениям между великими державами [1, кн. VI, св. 3, бр. 224]. Монарх считал за благо снять требование об изменении сербско-болгарской границы, которое, как иронически писал Йованович, должно было «соблазнить других согласиться на ревизию» Бухарестского договора [1, кн. VI, св. 3, бр. 221].

В связи с провалом инициативы относительно ревизии мирного договора с Болгарией в венской и будапештской печати был поднят вопрос о дальнейшем пребывании Берхтольда на посту общего министра иностранных дел. Одним из вероятных преемников его считался Тиса, но, по замечанию Йовановича, в габсбургской монархии общественное мнение не имело значительного влияния, а венский двор и лично Франц-Иосиф

в данном случае не пожелали, чтобы место общего министра иностранных дел «перешло в руки... мадьяр» [1, кн. VI, св. 3, бр. 251].

Исходя из тезиса, что в австро-венгерской внешней политике первого десятилетия XX в. главенствовал принцип «консервативной обороны» (который, правда, «претерпел серьезное искажение» в связи с аннексией Боснии и Герцеговины) венгерский историк П. Ханак вместе с тем подчеркивает, что с августа 1913 г. «насильственное урегулирование сербского вопроса» стало официальным лозунгом, и именно под этим углом зрения Тиса и Берхтольд пересмотрели внешнеполитическую программу Австро-Венгрии. С учетом того, что Сербию поддерживала Россия, было решено руководствоваться следующими положениями: «гарантия безусловной поддержки германским союзником балканской политики монархии; присоединение Болгарии к Тройственному союзу; привлечение Румынии или, по крайней мере, ее нейтрализация в вероятном вооруженном конфликте между двумя крупными блоками» [18, р. 439—440].

Хотя венгерские правящие круги объективно не были заинтересованы в дальнейшем территориальном расширении дуалистической монархии (в этом случае были бы подорваны мадьярская гегемония в Трансильвании и привилегированное положение венгерской нации в системе дуализма), — Будапешт и Вена были едины в стремлении покончить с Сербией, превратившейся в постоянный источник беспокойства. К этому побуждало как усиление Сербии и Румынии в итоге двух Балканских войн, так и резкое обострение межнациональных противоречий в самой Австро-Венгрии, где, вслед за чешским, все более актуальными становились польский, украинский, словацкий и румынский вопросы. Югославянский вопрос, имевший особую важность для этого государственного образования, перерос балканские региональные рамки и приобрел европейские масштабы. Австрийские и венгерские правящие круги не хотели видеть иных причин развития национального сознания югославянских народов, кроме великосербской агитации. Поддержка освободительного движения югославянского населения дуалистической монархии, прежде всего ее трансильтанского компонента, со стороны Сербии, вызвала не только, по выражению венгерского радикального политика О. Яси, «истерический страх» [1, кн. VII, св. 2, бр. 247], но и ненависть по отношению к ней, породила антисербский комплекс в сознании австро-немецких и мадьярских шовинистов. Спекулятивные ссылки на «сербскую опасность», вписываемые в общий контекст проповедей пангерманистов против «славянства», должны были оправдать курс на подавление национально-освободительного движения угнетенных народов Австро-Венгерской монархии и агрессивную войну против ее южного соседа.

Опубликованные в рассматриваемом издании документы показывают, что сербские представители обращали особое внимание на проводимую в Австро-Венгрии при подстегиивании из Берлина материальную и психологическую подготовку к войне. Они информировали свое правительство о мобилизационных мероприятиях в Хорватии [1, кн. VII, св. 1, бр. 555], о строительстве военных укреплений в Трансильвании [1, кн. VII, св. 2, бр. 40], о выделении ассигнований на модернизацию артиллерии и на развитие военно-морского флота [1, кн. VII, св. 2, бр. 134]. Они предостерегали его относительно фабриковавшихся «военной партией» провокационных слухов насчет причастности Сербии к отставке некоторых депутатов боснийского сабора [1, кн. VI, св. 3, бр. 409] или насчет подготовки в Сербии террористов для переброски в Боснию и Герцеговину с целью убийства видных политических, военных и церковных деятелей [1, кн. VI, св. 3, бр. 556].

В антисербских планах правящих кругов Австро-Венгрии особое место занимала Албания, так как на это государство, созданное в соответствии с Лондонским договором от 30 мая 1913 г., возлагались надежды, что оно будет не только преграждать Сербии выход к Адриатике, но и путем ведения повстанческой войны на своих границах сковывать часть сербских, черногорских и даже греческих войск [19, S. 327—328]. В связи с албанским вопросом 3 октября 1913 г. общий совет министров впервые после

Балканских войн обсуждал возможность превентивных военных действий против Сербии⁵. С этого времени, считает венгерский историк Й. Галантай, руководство монархии сделало ставку уже не на политическое, а на военное решение проблемы взаимоотношений с этой страной [20, p. 26—27].

Дополнительный материал об октябрьском кризисе 1913 г. содержится в сербских дипломатических документах. Они показывают, что уже на следующий день после получения австро-венгерской ноты [17, Bd. VII, № 8850], 19 октября, Пашич, стремясь не дать повода для нападения на Сербию, поручил посланникам в Берлине, Вене и Риме заявить правительствам держав Тройственного союза, что сербское правительство «отдало приказ армии отойти с территории Албании... в убеждении, что великие державы... предотвратят новые вторжения албанских чет на сербскую территорию» [1, кн. VI, св. 3, бр. 399]. Сербская миссия в Вене знала о подготовляемой акции и, инициативно выполняя возложенные на нее задачи, проводила консультации. 20 октября Йованович сообщил, что австро-венгерский демарш, который «ускорили Главный генеральный штаб, граф Тиса и последователи графа Эренталя», вызвал удивление в дипломатическом корпусе. Излагая свои беседы с послами держав Антанты, он писал Пашичу: «Наши друзья находят, что вы хорошо поступили, отдав приказ об отходе армии, но если бы... наше заявление было (сделано.— М. Ч.), откликаясь на дружественные советы...», то дело было бы еще лучше» [1, кн. VI, св. 3, бр. 409].

Большое число донесений Йовановича и Милапковича посвящено внешнеполитическим дискуссиям в ходе сессий делегаций и партийно-политической борьбе в Венгрии.

Оценивая доклад Берхтольда перед комитетом делегаций на сессии в ноябре — декабре 1913 г., Йованович отметил, что значительно большее одобрение, чем среди австрийских, оратор встретил среди венгерских делегатов, — в частности, потому, «что речь была подготовлена при участии Тисы и графа Форгаха и что в ней содержится достаточно резкий выпад против Сербии» [1, кн. VI, св. 3, бр. 511]. Ранее в связи с докладом общего министра иностранных дел на совместном заседании обеих делегаций Милапкович сообщил: «Как следствие заявления... что вооруженные силы монархии всегда должны быть готовы к защите... статуса великой державы, в Венгрии не прекращают военные приготовления» [1, кн. VI, св. 3, бр. 501].

Характеризуя сессию делегаций в апреле—мае 1914 г., сербский генеральный консул в Будапеште подчеркнул, что в то время как в австрийской делегации «представлены национальности, и там можно было слышать резкую критику внешней политики монархии», в венгерской «получили слово только мадьяры... Румынский голос не слышался, словацкий, сербский, русинский, хорватский — не слышался» [1, кн. VII, св. 2, бр. 112]. Отмеченная ситуация обуславливалась тем, что существовавшая в Венгрии избирательная система должна была обеспечить преобладание мадьярского элемента в представительных учреждениях: «немадьярским народам отказывали в элементарных национальных правах, а самому венгерскому народу — в демократической избирательной реформе» [9, с. 353].

Уже при открытии сессии сказалась общая атмосфера подготовки к войне: «Липидарность тронной речи (эрцгерцога Франца-Фердинанда.— М. Ч.), в которой... не упоминается, почему делегации должны вотирировать

⁵ Во вступительном докладе Берхтольд призвал «направить по белградскому адресу ультиматум относительно вывода сербских войск из автономной Албании». Докладчика энергично поддержал Тиса. Вместе с тем, отвечая начальнику генерального штаба Ф. Коираду фон Хётцендорфу, который требовал «государственно-правового присоединения» Сербии к монархии, он сослался не только на внешнеполитические трудности, но и на то, что это нанесло бы ущерб самой Австро-Венгрии. По его словам, Сербия является «неприемлемым соседом», но пока ее не следует поглощать; если же она «не сдержит свои обещания...», мы должны предъявить ультиматум, чтобы нанести Сербии дипломатическое, эвентуально-военное поражение» [17, Bd. VII, № 8779].

вать несколькими сотнями миллионов больше на армию и флот, обеспокоила венгерское общественное мнение...» [1, кн. VII, св. 1, бр. 573].

Сербские представители сочувственно относились к либеральному крылу венгерской оппозиции; так, не остались без внимания слова его лидера М. Каройи, что он не верит, чтобы с Сербией и Румынией могли поддерживаться добрые отношения «после всего, что Австро-Венгрия сделала с ними» [1, кн. VI, св. 3, бр. 507].

В апреле 1914 г. Миланкович сообщил о намерении Каройи и его сторонников совершить поездку в Петроград [1, кн. VII, св. 1, бр. 526]. Однако под давлением, с одной стороны, Балхаусплаца и венгерского кабинета, а с другой — фракции во главе с А. Аппони, поездка была отложена, по существу — отменена [1, кн. VII, св. 1, бр. 643].

30 мая генеральный консул известил сербское правительство, что Каройи возглавил партию независимости. Это было успехом течения, направленного «против Тройственного союза и за соглашение с Францией и Россией» [1, кн. VII, св. 2, бр. 128].

Миланкович понимал, что к ориентации на Антанту сторонников Каройи привела сама логика противоборства с Тисой, обеспокоенность тем, что Будапешт вслед за Веней все больше попадал под влияние Берлина [1, кн. VII, св. 1, бр. 643]. Вместе с тем он называл это течение «славянофильской фракцией» [1, кн. VII, св. 2, бр. 394]; уже простое отсутствие у Каройи агрессивных намерений по отношению к Сербии⁶ оценивалось как славянофильство.

В связи с донесениями Йовановича и Миланковича следует обратить внимание на меморандум, составленный Тисой 15 марта 1914 г., накануне встречи Франца-Иосифа I с германским императором Вильгельмом II. Венгерский премьер-министр считал союз с Германией краеугольным камнем внешней политики Австро-Венгрии. В духе русофобских стереотипов он обвинил Россию в стремлении к «окружению» гермапо-австро-венгерского блока и развязыванию мировой войны. Тиса призвал к проведению Центральными державами согласованной балканской политики с целью изоляции Сербии; в этом смысле «отрыв Румынии и Греции от Сербии составлял бы первоочередную задачу, и нужно было бы стремиться к примирению этих двух государств с Болгарией на основе естественного увеличения Болгарии за счет Сербии» [17, Вд. VII, № 9982].

В донесении Миланковича от 2 апреля 1914 г. отмечается, что с некоторого времени кабинет Тисы начал предпринимать антирусские внешнеполитические акции, не согласующиеся с планами Балхаусплаца⁷. В частности, статья Тисы, в которой пренебрежительно говорилось о России⁸, была опубликована «в очень неподходящее время... для графа Сапари, нового посла в Петрограде» [1, кн. VII, св. 1, бр. 450]. Но так как венгерская оппозиция «начала защищать Россию от нападков правительственной печати (партийный маневр)» [1, кн. VII, св. 1, бр. 312], Балхаусплац позволил Тисе под свою ответственность обвинять оппозицию в русофильстве и предательстве венгерских интересов [1, кн. VII, св. 1, бр. 643].

Большое место в сербских дипломатических документах отведено политике венгерского правительства по отношению к немадьярским национальностям, преследовавшей цель привлечь на свою сторону их верхушечные элементы. С учетом особой остроты югославянского вопроса и его тесной

⁶ «...Мирная политика Каройи в отношении балканских соседей не означала отказа от эконоимической экспансии. Добрососедские отношения... должны были облегчить проникновение венгерского капитала на Балканы и способствовать открытию там новых рынков для венгерской промышленности» [9, с. 358].

⁷ С этими акциями была непосредственно связана состоявшаяся 23 марта 1914 г. беседа Тисы с Вильгельмом II. В ходе ее венгерский премьер-министр изложил свою внешнеполитическую концепцию. В ответ германский император сказал, что Венгрия «имеет все основания твердо стоять вместе с германством против славянской волны», и пожелал, чтобы «немецкая Австрия и мадьярская Венгрия обе были прочными столпами дуалистической монархии» [16, Вд. 39, № 15716].

⁸ Вызвавшее негодование Каройи выражение «русская заносчивость» содержалось в меморандуме Тисы от 15 марта 1914 г. [17, Вд. VII, № 9482].

связи с внешнеполитическими проблемами Австро-Венгрии, кабинет Тисы сразу же после своего прихода к власти принял меры по стабилизации политической обстановки в Хорватии.

По оценке Йовановича (донесение от 18 августа 1913 г.), в Вене и в Будапеште признали, что этот вопрос существует и что нужно искать его решение. Однако из опасения, «как бы не выявилось в качестве единственно возможного то решение, которое потрясло бы... австро-венгерское соглашение, а возможно — и нечто большее», пошли по пути мелких уступок, первой из которых явилось назначение королевским комиссаром по делам Хорватии барона И. Скерлеца [1, кн. VI, св. 3, бр. 252].

18 ноября 1913 г. Миланкович сообщил из Будапешта о совещании Тисы с лидерами хорватско-сербской коалиции, которое расценил как «решающий поворот в хорватском кризисе». На этом совещании стороны пришли к соглашению по ряду вопросов, прежде всего об изменении «железнодорожной прагматики» 1908 г., о проведении выборов в хорватский сабор и о назначении Скерлеца баном [1, кн. VI, св. 3, бр. 493].

В начале апреля 1914 г. в Будапешт прибыли хорватские делегаты в палату магнатов венгерского парламента [1, кн. VII, св. 1, бр. 452]. Одновременно в Загребе между Скерлецем и руководством коалиции, получившей в результате выборов большинство мест в саборе, была достигнута договоренность о «парламентаризации» правительства Хорватии, но ее осуществлению воспрепятствовали военные круги [1, кн. VII, св. 2, бр. 91].

Стабилизации положения в Хорватии должно было способствовать и состоявшееся 11 июня 1914 г. совещание Тисы с лидерами сербской независимой партии, посвященное восстановлению отмененной за два года до этого сербской национальной церковной автономии [1, кн. VII, св. 2, бр. 182].

Сербская дипломатия не заблуждалась насчет соображений, которыми руководствовались венгерские правящие круги в хорватском вопросе. В донесении Миланковича от 24 апреля 1914 г. приводятся слова депутата от правительственной партии Б. Ситовского, заявившего в государственном собрании, что Хорватия является «ближайшим соседом театра будущей войны» [1, кн. VII, св. 1, бр. 555].

Сербские представители уделяли внимание также стремлению кабинета Тисы содействовать органическому вращению Боснии и Герцеговины, находившейся под совместным управлением обеих составляющих частей Австро-Венгрии, в дуалистическую систему.

Во второй половине мая 1914 г., когда уже завершилась сессия делегаций, в Будапеште состоялась серия встреч между Тисой, общим министром финансов и управляющим по делам Боснии и Герцеговины Л. фон Билинским и другими государственными деятелями, с одной стороны, и представителями боснийско-герцеговинского сабора — с другой. Боснийцам было обещано, что и они получают несколько мест в делегациях, но не было определено, сколько их войдет в австрийскую и сколько — в венгерскую делегацию. Миланкович отметил в своем донесении от 25 мая, что во избежание признания факта этнической общности югославян, на устроенный в честь представителей Боснии и Герцеговины банкет не был приглашен ни один делегат из Хорватии. В знак протеста хорватские делегаты, которые, опасаясь репрессий, так и не выступили в ходе сессии, покинули столицу Венгрии [1, кн. VII, св. 2, бр. 91].

Вне поля зрения сербской дипломатии не оставался и румынский вопрос. В донесении Миланковича от 13 февраля 1914 г. говорилось о временном прекращении переговоров Тисы с лидерами румынской национальной партии Трансильвании. Правительственное большинство в венгерском парламенте, у которого «не встретило теплого отношения» также соглашение с хорватско-сербской коалицией, отнеслось к этому событию по меньшей мере равнодушно; оппозиция же ставила в зависимость от заключения пакта с трансильванскими румынами пребывание Тисы во главе правительства. Сербский генеральный консул считал, что такой пакт «будет заключен, если... не при Тисе, то при будущем премьер-министре»

[1, кн. VII, св. 1, бр. 157]. В донесении от 12 марта он пояснил, что уступки румынскому населению Трансильвании в школьном и церковном вопросах должны были восстановить «прежние тесные связи» Австро-Венгрии с Румынией и предотвратить отход Румынии от Тройственного союза.

Хотя лидеры румынской национальной партии Трансильвании сочли недостаточными уступки, предложенные Тисой, последний, понимая необходимость урегулирования румынского вопроса, приобрел большую внутри- и внешнеполитическую остроту, заявил в государственном собрании, что осуществит свои предложения, несмотря на успех или неуспех переговоров [1, кн. VII, св. 1, бр. 312]. Это заявление, сообщил Миланкович 13 июня 1914 г., привело к расколу румынской национальной партии на радикальную и консервативную фракции (во время переговоров первая была за пакт с Тисой, вторая — против) [1, кн. VII, св. 2, бр. 192].

Переписка между министерством иностранных дел Сербии и сербской миссией в Вене после 28 июня 1914 г. посвящена главным образом оценке значения и возможных последствий сараевского покушения.

В донесениях Йовановича от 14 июля отмечалось, что Франц-Фердинанд был главой «военной партии» и находился под сильным влиянием Вильгельма II. Сербский посланник считал, что «при его правлении... возникли бы очень напряженные отношения» между Австро-Венгрией и Россией, которые остро почувствовала бы на себе и Сербия [1, кн. VII, в. 2, бр. 424].

Йованович сразу обратил внимание на то, что убийство эрцгерцога не вызвало огорчения ни в Вене, ни в Будапеште; напротив, окружение Франца-Иосифа было довольно тем, что оно сняло сложный вопрос о престолонаследии, а венгерская аристократия, чья неприязнь к Францу-Фердинанду была общеизвестна, вздохнула с облегчением: была устранена опасность триализма, о котором в окружении престолонаследника часто говорилось как о наиболее радикальном решении югославянской проблемы [1, кн. VII, св. 2, бр. 423]. Сам сербский посланник полагал, что подлинные намерения покойного эрцгерцога заключались в консолидации габсбургской монархии, прежде всего путем усиления ее австрийского компонента [1, кн. VII, св. 2, бр. 424].

В то же время сербская дипломатия понимала, что правящие круги Австро-Венгрии не преминут воспользоваться столь удобным случаем для расправы с Сербией. Уже 29 июня 1914 г. Йованович сообщил, что сараевская полиция «склонна направить расследование так, как будто все было подготовлено в Белграде» [1, кн. VII, св. 2, бр. 287]. Он призвал Пашича обратить внимание на освещение покушения в белградских газетах, так как это могло быть использовано для разжигания антисербских настроений [1, кн. VII, св. 2, бр. 286]. 2 июля один из чиновников Балхаусплаца по существу подтвердил опасения Йовановича, что результаты расследования должны послужить предлогом для вмешательства во внутренние дела Сербии [1, кн. VII, св. 2, бр. 317].

15 июля, когда планы австро-венгерского руководства начали обретать более четкие контуры, сербский посланник вновь предупредил свое правительство, что монархия стремится устроить «процесс против сербов и Сербии, а затем и югославянства... чтобы... до некоторой степени оправдать Фридьонгов и загребский процесс⁹». Йованович писал, что Австро-Венгрия, скорее всего, заручится поддержкой других великих держав и направит Сербии ноту, в которой изложит свои претензии и свои требования к ней [1, кн. VII, св. 2, бр. 434].

В тот же день он сообщил о состоявшемся 7 июля заседании общего совета министров и о том, что по окончании его Берхтольд отбыл на доклад к Францу-Иосифу. Сербский дипломат уделил особое внимание ответам Тисы на запросы оппозиции в палате депутатов венгерского парламента (8 и 15 июля). Первый из них он оценил как преднамеренно неясный, а в связи со вторым подчеркнул, что в нем «не исключается и война, если

⁹ О загребском и Фридьонговом процессах см. [21, с. 206—212].

не будут удовлетворены австро-венгерские требования относительно последствий сараевского покушения» [1, кн. VII, св. 2, бр. 433].

Расплывчатость ответов венгерского премьер-министра на запросы оппозиционных политиков обуславливалась следующими причинами. Как показывают протоколы общего совета министров и другие документы, Тиса стремился урезонить рвавшихся в бой австро-немецких милитаристов, чьим рупором стал Берхтольд, и избежать в н е з а п и о г о нападения на Сербию, которое привело бы к выступлению России, а следовательно — к мировой войне. Поэтому вначале он высказался за «дипломатический успех, который повлек бы за собой сильное унижение Сербии», а затем, убедившись, что ему не удастся провести свою точку зрения, присоединился к «воспной партии», настояв, однако, на том, что в итоге Австро-Венгрия должна ограничиться стратегически важными изменениями границы, а Сербия «может быть хотя и уменьшена, но... не полностью уничтожена» [17. Bd. VIII, № 10418; 22, № 1]. По замыслу Тисы, как предварительная дипломатическая акция, так и заявление об «умеренности» австро-венгерских военных целей, которое следовало сделать одновременно с началом боевых действий, должны были превратить державы Антанты в пассивных зрителей конфликта и, таким образом, локализовать его. Следовательно, он не только более широко, чем другие участники конференции, видел внешнеполитический контекст происходивших событий, но и более отчетливо сознавал шаткость дуалистической системы, а в особенности — положения венгерских господствующих классов внутри нее.

Далее, несмотря на то, что Тиса сам принял участие в составлении ультиматума, фактически призванного спровоцировать войну [17. Bd. VIII, № 10272], и, как сообщил Берхтольд германскому послу в Вене Г. фон Чиршки, «даже ужесточил некоторые пункты» [23, Bd. I, № 50], — он, по справедливому замечанию австрийского историка Х. Хазельштайна, до известного момента не мог, да и не хотел, сделать более определенное заявление: во-первых, его удерживали от этого соображения секретности, а во-вторых — само положение главы правительства обязывало, хотя бы внешне, не уступать давлению оппозиции, пытавшейся склонить его «к более ясной и более энергичной позиции по отношению к Сербии». Однако по сравнению с другими причинами, которые побудили Тису решиться на войну, роль этого фактора была незначительна [24, S. 615]. Последнее хорошо понимал Миланкович, заметивший в связи с выступлениями лидеров оппозиции, особенно Д. Андраши и А. Аппони, что они стремились «восстановить... свою утраченную популярность и поставить правительство в неудобное положение» [1, кн. VII, св. 2, бр. 482].

Во время июльского кризиса сербское генеральное консульство в Будапеште старалось не допустить дальнейшего обострения ситуации. В частности, Миланкович попытался изложить официальную позицию своей страны через некоторые венгерские издания. Говоря о положении в Сербии после правительственного кризиса, имевшего место накануне сараевского покушения [25, с. 31], он отметил, что в результате повторного назначения кабинета Пашича сохраняется преемственность во внешней политике, что особенно важно в связи с «несомненно происходящим сближением» между Австро-Венгрией и Сербией. Генеральный консул подчеркнул, что Пашич «всегда включал в свой политический расчет преимущества, которые может дать Сербии политика добрых отношений с Австро-Венгрией» [1, кн. VII, св. 2, бр. 335].

Так как австро-венгерское пресс-бюро тенденциозно излагало публиковавшиеся в белградской печати статьи о сараевском покушении, Пашич предписал всем сербским представителям за границей сделать соответствующие разъяснения [1, кн. VII, св. 2, бр. 415]. Получив телеграмму Пашича, Миланкович ознакомил с ее содержанием венгерское правительство и телеграфные агентства. В письме Миланковичу Тиса сослался на свой ответ графу Аппони в палате депутатов [1, кн. VII, св. 2, бр. 454], в котором упрекал венгерские газеты, что они «ради дешевых броских заголовков ошибочно информируют население» [24, S. 607].

Донесения Миланковича передают крайнюю напряженность обстанов-

ки в Будапеште в период июльского кризиса. В этих условиях Тиса считал, что пужно временно прекратить антисербские выступления, чтобы несколько успокоить сербов [26, с. 69]. Тотчас же после убийства австро-венгерского престолонаследника и его супруги возле здания сербского генерального консульства была выставлена охрана. Это было необходимо ввиду участвовавших стычек между мадьярами и сербами, находившимися на заработках в Венгрии [1, кн. VII, св. 2, бр. 324]. Сербским подданным во главе с генеральным консулом была предоставлена возможность отменить, хотя и более скромно, чем обычно, их национальный праздник [1, кн. VII, св. 2, бр. 393]. Однако эти меры, как и прения в палате депутатов венгерского парламента, служили своего рода дымовой завесой, за которой велись последние приготовления к «карательной экспедиции» против Сербии. Документы, рассмотренные выше, показывают, что Сербия была представлена в Вене и в Будапеште людьми, преданными делу национального освобождения югославянских народов и довольно широко видевшими ситуацию. Прежде всего, Йованович и Миланкович понимали, что их страна, усилившись в итоге Балканских войн, прямо посягнула на великодержавную гегемонию Австро-Венгрии в регионе, а косвенно — также на господство австрийских и венгерских правящих кругов над немечскими, и, соответственно, над немечскими народами в самой дуалистической монархии. В обоих случаях, следовательно, Сербия посягнула на «право» угнетать. Посланник и генеральный консул отдавали себе отчет в том, что Австро-Венгрия будет постоянно держать в напряжении своего южного соседа, а возможно — попытается вооруженной рукой рассчитаться с ним. О всех фактах, свидетельствовавших об угрозе Сербии со стороны Австро-Венгерской монархии, в том числе ее транслейтанского компонента, они сообщали в Белград. Сербская дипломатия внимательно следила за деятельностью венгерского премьер-министра, так как в соответствии со своей внешнеполитической концепцией он настойчиво вел дело ко всемерному ослаблению Сербии, а в перспективе — к превращению ее в полуколонию монархии Габсбургов. Несмотря на большую осмотрительность по сравнению с Берхтольдом и Конрадом, Тиса также был готов идти на военные авантюры. Это не являлось секретом для сербских представителей. Зная, что Сербия была не готова к вооруженному противоборству с великой державой, они всеми силами старались помочь своему правительству избежать конфронтации. Последнее не удалось, так как Австро-Венгрия, поощряемая Германией, всячески искала и нашла повод к войне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Документи о спољној политици Краљевине Србије. 1903—1914. Кн. VI. Св. 1—3. Кн. VII, Св. 1—2. Београд, 1980—1983.
2. *Писареv Ю. А.* Новое издание сербских дипломатических документов о подготовке и возникновении первой мировой войны. — Новая и новейшая история, 1978, № 3, с. 174—182.
3. *Писареv Ю. А.* Новые документы и старые вымыслы о роли Балкан в возникновении первой мировой войны. — Вопросы истории, 1984, № 7, с. 156—163.
4. *Mitrović A.* Prodor na Balkan. Srbija u planovima Austro-Ugarske i Nemačke 1908—1918. Beograd, 1981.
5. «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. 1871—1918 гг. М., 1977.
6. Освободительные движения народов Австрийской империи. Период утверждения капитализма. М., 1981.
7. *Чизмадиa А., Ковач К., Асталош А.* История венгерского государства и права. М., 1986.
8. Современные конституции. Сборник действующих конституционных актов. Т. II. Федерации и Республики. СПб., 1907.
9. *Исламов Т. М.* Политическая борьба в Венгрии накануне первой мировой войны. М., 1972.
10. История Венгрии. Т. II. М., 1972.
11. *Ленин В. И.* Полн. собр. соч.
12. *Јовановић Јов. М.* Стварање заједничке државе Срба, Хрвата и Словенаца. Кн. 1—3. Београд, 1928—1930.
13. *Јовановић Јов. М.* Дипломатска историја Нове Европе. 1918—1938. Кн. I. Београд, 1938.

14. Жогов П. В. Дипломатия Германии и Австро-Венгрии и первая Балканская война 1912—1913 гг. М., 1969.
15. Аветян А. С. Русско-германские дипломатические отношения накануне первой мировой войны. 1910—1914. М., 1985.
16. Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914. Bd. 35, 39. Berlin, 1926.
17. Österreich-Ungarns Aussenpolitik von der Bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Bd. VII, VIII. Wien — Leipzig, 1930.
18. Histoire de la Hongrie dès origines à nos jours. Budapest, 1974.
19. Conrad von Hötzendorf F. Aus meiner Dienstzeit 1906—1918. Bd. II. Wien — Berlin — Leipzig — München, 1922.
20. Galántai J. Austria-Hungary and the war. The October 1913 crisis — prelude to July 1914. Budapest, 1980.
21. Писарев Ю. А. Освободительное движение югославянских народов Австро-Венгрии. 190—1914. М., 1962.
22. Protokolle des gemeinsamen Ministerrates der Osterreichisch-Ungarischen Monarchie 1914—1918. Budapest, 1966.
23. Deutschen Doe Dkumente zum Kriegsausbruch 1914. Bd. 1. Berlin, 1927.
24. Haselsteiner H. Ungarn und das Attentat von Sarajevo. Die Stellungnahme der Abgeordneten des ungarischen Reichstages im Juli 1914. — In: Велике силе и Србија пред први светски рат. Београд, 1976, S. 579—616.
25. Писарев Ю. А. Сербия и Черногория в первой мировой войне. М., 1968.
26. Писарев Ю. А. Образование Югославского государства М., 1975.

ЛАШКЕВИЧ А. А.

БОЛГАРСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА В 1944—1947 ГОДАХ

Правительство Отечественного фронта, пришедшее к власти в результате антифашистского восстания 9 сентября 1944 г., в своей Программе 17 сентября 1944 г. в общем ряду проблем широкой демократизации общественной жизни страны сформулировало и главные задачи перестройки системы образования, включая высшую школу. Специальный раздел Программы, раскрывавший принципы и направления новой политики в области культуры, особо подчеркивал необходимость сделать народное просвещение «доступным и широким» в смысле облегчения допуска трудных слоев к образованию этого уровня, выдвигал тезис переустройства «всей образовательной системы в соответствии с требованиями жизни, учитывая экономические особенности... страны и отдельных регионов», определял задачу устранения из сферы образования «чуждых ему факторов». Все учебные заведения должны были быть освобождены от влияния «авторитарной», т. е. фашистской идеологии. Целью учебно-воспитательного процесса должно было стать формирование у студентов «научного мировоззрения и здоровых социальных чувств». В Программе говорилось также о необходимости обеспечения социальных условий для плодотворной работы учителей и преподавателей, всей интеллигенции в целом [1, 1944, 18 IX].

Тезис о необходимости приведения системы образования в соответствие с требованиями жизни имел в виду расширение уже существовавших и открытие новых средних специальных и высших учебных заведений. Это означало существенные изменения в характере деятельности высшей школы. Ранее высшие учебные заведения преимущественно готовили чиновников для государственного аппарата. Теперь же работа вузов должна была быть широко увязана с решением важных задач социального и экономического развития страны. Это предусматривало применение хотя бы в минимальной степени элементов планирования в управлении высшими учебными заведениями, что означало отход от прежней буржуазно-либеральной модели «академической автономии» высшей школы с ее относительной обособленностью, ее включенностью в подготовку специалистов высшего звена на основе рыночных механизмов регулирования спроса на рабочую силу, присущих буржуазному обществу.

Правительственная программа, в том числе и в области образовательной политики, неизбежно носила на себе печать компромисса, поскольку партии, входившие в Отечественный фронт, придерживались различных взглядов по этим вопросам.

Важную роль в освобождении средней и высшей школы от последствий господства фашизма в стране сыграл роспуск в октябре 1944 г. фашистской молодежной организации «Бранник», созданной еще во времена монархо-фашистского режима и имевшей свои ячейки в средних и высших учебных заведениях [2, № 222, 1944, 10 X]. Декрет-закон правительства ОФ

о роспуске «Бранника» имел своей целью способствовать устранению последствий господства монархо-фашизма в средней и высшей школе. Функционеры этой организации оказались лишены возможности заниматься воспитательной работой с детьми и молодежью. Поэтому, чтобы добиться коренных перемен в этой сфере, требовалось провести обновление педагогического состава средних и высших учебных заведений.

Этой цели и служил декрет-закон о чистке в системе учреждений министерства народного просвещения, подписанный в ноябре министром С. Чолаковым [2, № 243, 1944, 3 XI], которая должна была проводиться в учебных заведениях всех ступеней и аппарате министерства. Чистке подлежала та часть чиновничества и преподавателей, которая занималась распространением и насаждением фашистских и расистских теорий, идей великоболгарского шовинизма, антисоветизма и антисемитизма, создавала различные молодежные группы и филиалы фашистских организаций типа «Бранник», «Союз ратников за прогресс болгарщины», «Союз молодых болгарских национальных легионов» и другие в учебных заведениях, вела прогерманскую пропаганду, занималась преследованием учащихся и студентов, учителей и преподавателей, участвовавших в антифашистской борьбе. К ним применялись различные санкции: замечание, выговор, строгий выговор, понижение в должности, перемещение на другое место службы, временное увольнение на определенный срок, увольнение без права восстановления на прежней должности и др. Уволенным по данному декрету-закону запрещалось состоять в дальнейшем на государственной или муниципальной службе, а также заниматься педагогической деятельностью в частных учебных заведениях или быть преподавателями-репетиторами. В конце 1944 г. в этот декрет была внесена поправка, согласно которой часть подлежавших увольнению преподавателей высших учебных заведений была оставлена на прежнем месте работы, но была лишена права членства в факультетских и академических советах вузов.

Уже на первом этапе проведения антифашистской чистки только в Софийском университете к апрелю 1945 г. было снято с работы 56 профессоров и преподавателей. Ряд из них был осужден затем народным судом в числе виновников вовлечения Болгарии в войну и связанных с этим преступлений. Их места заняли прогрессивные ученые и педагоги, подвергавшиеся гонениям и репрессиям в период монархо-фашистского режима. Среди них были С. Гановский, Ж. Натан, А. Обретенов, Э. Каменов, Д. Косев, А. Бурмов, Х. Гандев, Г. Цанев, В. Хаджиниколов и др. [3, с. 129]. Чистка в средних и высших учебных заведениях являлась составной частью слома и перестройки прежней государственной машины монархо-фашистского режима.

Следующим важным актом был декрет-закон о внесении поправок к закону о народном просвещении [2, № 245, 1944, 6 XI]. Этот декрет устанавливал новый порядок замещения вакантных преподавательских должностей, при котором преимущество отдавалось участникам народно-освободительной борьбы, бывшим партизанам и подпольщикам, политическим заключенным и т. д. Лица, отчисленные или уволенные ранее из вузов вследствие своего участия в антифашистской деятельности, а также согласно действовавшему до 9 сентября 1944 г. репрессивному законодательству («Закон о защите государства», расистские законы и др.), должны были быть восстановлены по прежнему месту учебы или работы, либо получить соответствующую компенсацию. Декрет-закон вносил изменения относительно учебных такс для студентов. От внесения платы за обучение освобождались вышеперечисленные категории, а остальные должны были уплачивать ее по прогрессивно-подходящему принципу.

Таким образом обеспечивались условия поступления в средние и высшие учебные заведения убежденных сторонников Отечественного фронта, среди которых было значительное число членов БРП(к) и РМС¹.

¹ РМС — Рабочий молодежный союз — молодежная организация Болгарской рабочей партии (коммунистов).

Важную роль в углублении конкретной программы реорганизации системы образования сыграл Высший учебный совет (ВУС) — традиционный консультативный орган при министерстве народного просвещения. Прежний ВУС, действовавший в 20-е — начале 30-х годов, прекратил свою деятельность после воспного переворота 19 мая 1934 г. 9 марта 1945 г. Совет Министров принял декрет-закон о возобновлении деятельности Высшего учебного совета [2, № 67, 1945]. В его задачи входило обсуждение всех проблем, касающихся изменения системы образования, учебных программ и принятие решений по этим вопросам; выработка и рассмотрение проектов законов, уставов и инструкций; утверждения постановлений относительно общих направлений и принципов образовательной политики. Состав ВУС делился на две категории: тех, кто входил в него вследствие занимаемой должности и представителей преподавательского состава. Помимо этого, в ВУС посылали своих представителей областные комитеты ОФ и политические партии, входившие в ОФ.

Таким образом, первые мероприятия по переустройству системы образования проводились эволюционными методами, путем постепенного преобразования прежних форм и организаций, приспособления их к новым условиям. В отношении ВУС это означало расширение доступа представителей общественных организаций (где БРП(к) имела сильное влияние) к обсуждению вопросов перестройки средней и высшей школы. Однако основные рычаги управления образовательной системой находились в руках министра. ВУС оставался все-таки совещательным консультативным органом. За ним же оставалось право определять повестку дня сессий ВУС.

Первая сессия ВУС начала свою работу 28 мая 1945 г. [4, с. 163]. Из тридцати пяти его членов, избранных педагогической общественностью, тридцать три было коммунистами. Председателем ВУС был единодушно избран авторитетный ученый-педагог, член БРП(к) Т. Самодумов². С докладом, посвященным основным направлениям перестройки системы образования в стране, выступил председатель Союза работников просвещения К. Драмалиев, являвшийся одновременно руководителем комиссии по народному просвещению при отделе агитации и пропаганды ЦК БРП(к) [4, с. 186—188]. В отношении высшей школы в качестве первоочередных выделялись две основные задачи. Во-первых, нужно было изменить идейную основу учебного процесса в вузах. Докладчик отметил, что в период монархо-фашистского режима высшие учебные заведения в особенности Софийский университет, превратились в рассадник реакционной идеологии, теорий фашизма, расизма и великоболгарского шовинизма. Для того, чтобы изменить подобное положение, требовалось перестроить учебный процесс на «научной основе». Под этим понималось введение преподавания в высшей школе «наравне с различными ... научными теориями» диалектического и исторического материализма. Все комиссии в вузах и на факультетах, работавшие над вопросами реорганизации высшего образования, высказались за подобную меру, а советы медицинского и физико-математического факультетов Софийского университета уже приняли решение о создании у себя кафедр диалектического и исторического материализма.

Во-вторых, необходимо было преодолеть известную оторванность высшего образования от нужд страны, повернуть его ближе к практическим запросам различных сфер общественной жизни. Высшие учебные заведения должны были быть ориентированы на подготовку не только «научных работников, но одновременно и деятелей-практиков для различных областей жизни». В связи с этим требовалась и перестройка учебного процесса в вузах. Предлагалось на последних семестрах особое внимание уделять тем дисциплинам, которые составляли основу специализации выпускников.

Кроме того, в повестку дня ставился вопрос о количестве студентов на различных факультетах в высших учебных заведениях. Сохранявшийся,

² Ранее эту должность обычно занимал министр народного просвещения.

по существу, неограниченный набор в них оставлял возможность для нерегулируемого прилива студентов, причем их наплыв на те или иные специальности далеко не всегда совпадал с общественными потребностями. Чтобы хоть как-то компенсировать негативные последствия этих диспропорций, предлагалось ввести особые квоты по числу студентов, а также специальные экзамены при поступлении в вуз, учитывать средний балл аттестата зрелости.

В принятом сессией постановлении были определены три основные цели реорганизации системы высшего образования в стране. Во-первых, вузы должны были выпускать «хорошо подготовленных специалистов с здоровым и прогрессивным научным мировоззрением, беззаветно преданных своему народу и активно участвующих в осуществлении больших исторических задач, которые Отечественный фронт ставит в области экономической, культурной и политической жизни страны» [4, с. 296]. Во-вторых, необходимо было провести перестройку научно-исследовательской работы высших учебных заведений, поставить ее на службу насущным задачам социально-экономического развития страны. И, наконец, в-третьих, реализация всего намеченного была бы невозможна без доведения до конца чистки высшей школы от реакционных элементов, без завершения процесса демократизации высшего образования.

Чтобы углубить демократизацию высшей школы Болгарии, нужно было создать необходимые условия для расширения доступа трудящейся молодежи в вузы: планировалось введение вступительных конкурсных экзаменов, осуществление более жесткого учета социального положения и общественно-политического поведения абитуриентов; введение в будущем заочной и вечерней форм обучения. Предусматривалось принятие комплекса мер по улучшению материально-бытового положения студентов: расширение стипендиального фонда, строительство общежитий, столовых, льготные билеты на общественном транспорте и в культурно-просветительных учреждениях и т. д. При этом подчеркивалась настоятельная необходимость особой заботы о студентах — бывших политических заключенных, интернированных в концентрационные лагеря до 9 сентября 1944 г., бойцах, командирах и политкомиссарах Народно-освободительной повстанческой армии³.

Для обеспечения эффективной подготовки научно-педагогических кадров предусматривалось создание аспирантуры, осуществление единой государственной политики в области научно-исследовательских работ. Необходимо было также принять меры по улучшению материального положения преподавательского состава, особенно низшей его части — ассистентов. Кроме того, планировалось участие болгарской высшей школы в международном научном сотрудничестве, в особенности с Советским Союзом.

Для успешного руководства высшими учебными заведениями предполагалась унификация соответствующего законодательства, дальнейшая демократизация управления вузами — расширение состава факультетских советов за счет внештатных доцентов, лекторов, ассистентов, представителей профсоюзных и студенческих организаций; расширение гласности при обсуждении кандидатов на преподавательские должности; создание общих собраний преподавателей, которые в ряде случаев могли отзывать ректора или декана с занимаемых ими должностей.

В целях реальной демократизации высшей школы планировалось также преобразование ряда отделений в факультеты и открытие новых факультетов в уже существующих вузах, создание новых высших учебных заведений, в том числе и на периферии. Богословский факультет Софийского университета предполагалось выделить в отдельный вуз⁴. Для того чтобы обеспечить единство учебно-воспитательной и научно-исследовательской работы в различных высших учебных заведениях нужно было

³ Создана в период антифашистской вооруженной борьбы на базе партизанских отрядов, руководимых БРП(к).

⁴ В рассматриваемый период вопрос об отделении болгарской православной церкви от государства по внутри- и внешнеполитическим соображениям не ставился.

координировать их сотрудничество, а также соответствующих министерств, в связи с чем было запланировано создание постоянной комиссии при Совете Министров как составной части Общего комитета по выработке и реализации целей и задач образовательной политики.

Таким образом, в решениях майско-июньской (1945) сессии Высшего учебного совета были конкретизированы положения Программы правительства ОФ от 17 сентября 1944 г. По своему содержанию они носили антифашистско-демократический характер; последовательная реализация этих решений означала бы шаги в направлении социалистического переустройства системы образования.

4 августа 1945 г. регентским указом был утвержден декрет-закон о реорганизации Высшего училища экономических и социальных наук в Варне в университет «Кирил Славяноболгарский» с двумя факультетами: экономическим и техническим [2, № 191, 1945, 18 VIII].

5 августа 1945 г. Регентский совет утвердил декрет-закон об открытии государственного университета в Пловдиве [2, № 192, 1945, 20 VIII]. Вновь созданный вуз так же, как и Варненский университет, получал статус юридического лица. В нем было два факультета — агрономо-лесоводческий и медицинский, которые создавались по образцу соответствующих факультетов Софийского университета, направлявших туда с этой целью преподавателей. Они входили в состав факультетских и академического советов Пловдивского университета.

В октябре 1945 г. был принят декрет-закон, внесший ряд дополнительных изменений в статус Высшего технического училища [2, № 245, 1945, 20 VIII].

В ноябре 1945 г. был принят еще один декрет-закон, касавшийся Варненского университета [2, № 245, 1945, 20 VIII]. В нем было предусмотрено разделение строительно-архитектурного отделения технического факультета на два самостоятельных — строительное и архитектурное.

В ноябре 1945 г. было принято решение об открытии нового инженерно-технического вуза — Высшего технического училища в Русе [2, № 276, 1945]. В нем имелся машинный факультет с тремя отделениями — промышленной химии, машинной инженерии и электротехники.

В декабре 1945 г. регентским указом был принят декрет-закон об изменениях и дополнениях к закону о Высшем училище физического воспитания [2, № 276, 1945, 21 XII]. Училище готовило преподавателей и тренеров по физическому воспитанию и спорту, которые должны были быть квалифицированными и «преданными народным свободам» специалистами. Из устава Высшего училища физического воспитания устранялись положения, унаследованные от монархо-фашистского режима и теперь ставшие анахронизмом (подготовка кадров для «Бранника» и т. д.).

Создание факультетов и высшего учебного заведения инженерно-технического профиля, агрономо-лесоводческого факультета во вновь созданном Пловдивском университете свидетельствовало о намерении правительства ОФ увеличить подготовку специалистов для нужд ускоренного развития промышленности и сельского хозяйства. Открытие отделения экономики госсектора на экономическом факультете вновь созданного Варненского университета, говорило о том, что государственный сектор будет играть значительную роль в народнохозяйственной жизни страны. Таким образом, деятельность высшей школы Болгарии координировалась с реализацией конкретных актуальных задач социально-экономического развития страны. Новые высшие учебные заведения создавались в основном на периферии, что облегчало возможность получить высшее образование выходцам из рабочих, крестьян и других слоев трудящихся, которые не всегда имели достаточно средств, чтобы обеспечить себе проживание в Софии. Кроме того, развитие сети вузов «вширь» создавало предпосылки для ускоренного развития периферийных регионов, поскольку обеспечивало подготовку необходимых для этого кадров квалифицированных специалистов.

Как и в других областях социально-экономической, политической и культурной жизни, реформирование системы образования шло в борьбе

и острых противоречиях. Это объясняется как активной деятельностью мелкобуржуазных и буржуазных группировок и партий вне ОФ (БЗНС — Н. Петков, БРСДП(о), Демократическая партия и др.), так и тем, что внутри самого ОФ происходило размежевание с пробуржуазными элементами, тяготевшими к оппозиции. В сфере образовательной политики подобное обстоятельство усугублялось тем, что до 22 ноября 1946 г. министерство народного просвещения возглавляли представители некоммунистических партий. И «звено» С. Чолаков, и сменивший его 29 сентября 1945 г. радикал С. Костурков были сторонниками традиционной буржуазно-либеральной модели высшей школы, т. е. считали необходимым сохранять ее «автономное» по отношению к государству положение, поддерживали лозунг «свободы науки». С. Чолаков и С. Костурков выступали практически за сохранение традиционной элитарной высшей школы. В связи с этим ими фактически был положен под сукино проект реформы системы образования, принятый на майско-июньской сессии ВУС 1945 г.

То обстоятельство, что в 1944—1945 гг. буржуазные руководители министерства народного просвещения тормозили процесс демократизации высшей школы, позволяло реакционной профессуре сохранять свои позиции в высших учебных заведениях. Ряд ее представителей (С. Демостенов, Х. Тодоров, П. Стоянов и др.) в лекциях продолжали открыто проповедовать свои взгляды и теории, вели пропаганду против народно-демократической власти и БРП(к), призвали молодежь к антиправительственной борьбе и т. д. В подобной обстановке БРП(к) выступала за последовательное проведение до конца чистки высших учебных заведений от контрреволюционных элементов. Проблемы высшей школы специально рассматривались на XII пленуме ЦК БРП(к), который 18 ноября 1945 г. принял решение о необходимости коренного переустройства работы высших учебных заведений [5].

Важной стороной политики БРП(к) и правительства ОФ в области высшего образования являлось развертывание идейно-политической борьбы в вузах в целях обеспечения поддержки политики Отечественного фронта со стороны преподавателей и студенчества, борьбы против стремления сторонников контрреволюционной оппозиции превратить высшие учебные заведения в опорные пункты борьбы против ОФ. Существенную роль в этом сыграли организации БРП(к), созданные во всех вузах страны сразу же после 9 сентября 1944 г. Например, в Софийском университете они имелись на всех факультетах. Непосредственное руководство ими возлагалось на созданный в феврале 1945 г. специальным решением ЦК партии VIII вузовский районный партийный комитет. Постепенно увеличивалось число коммунистов в ведущем высшем учебном заведении Болгарии. Осенью 1945 г. их было 570, а через год — 720 [3, с. 125]. Во вновь открываемых вузах в провинции также были созданы первичные парторганизации.

Боевым помощником БРП(к) в деле реорганизации высших учебных заведений являлся РМС. Его секция, Болгарский общий народный студенческий союз (БОНСС), нелегально функционировала еще в период монархо-фашистской диктатуры. В первые годы народно-демократической власти работа коммунистов и членов РМС проходила в довольно сложных условиях. Помимо организаций БРП(к) и БОНСС в высших учебных заведениях стали создаваться ячейки БЗНС, БРСДП, Народного союза «Звено», Радикальной партии и примыкавшие к ним студенческие корпорации. К концу 1944/45 учебного года в рядах БОНСС насчитывалось около 5 тыс. человек; Земледельческом академическом союзе — 700—800; студенческой организации социал-демократической партии — 516; «звено» — 150 человек [3, с. 126]. Однако в 1944—1945 гг. в студенческих организациях, созданных под эгидой партий ОФ, не было и половины всего числа студентов в Болгарии. Положение усугубилось еще и тем, что начиная с лета — осени 1945 г., контрреволюционные элементы, спровоцировавшие раскол в БЗНС и БРСДП, стремились привлечь студенчество на свою сторону. В подобной ситуации коммунисты сочли необходимым выдвинуть в противовес этим стремлениям идею создания единой студенче-

ской организации, стоящей на платформе ОФ, что нашло поддержку среди болгарских студентов. Опрос, проведенный среди них, показал, что подавляющее большинство из их числа выступало за единую организацию. 27—29 июня 1945 г. состоялся всеболгарский студенческий конгресс, на котором был создан Общий студенческий народный союз (ОСНС). В состав его центрального руководства вошли представители БРП(к), БЗНС, БРСДП и Народного союза «Звено». ОСНС определил в качестве своей основной задачи борьбу против всех видов реакционной идеологии, за переустройство высшей школы на основе программы правительства ОФ. В связи с созданием ОСНС БОНСС был распущен, а в вузах были созданы организации РМС. БРП(к) при этом исходила из того, что ОСНС является широкой народно-демократической организацией, а РМС — более узкая, чисто коммунистическая организация. «РМС в вузах, — подчеркивалось в инструкции ЦК Рабочего молодежного союза, — должен стать мотором, двигателем работы организаций ОСНС» [3, с. 127]. Активная деятельность ОСНС привела к росту его авторитета среди студентов. К моменту завершения 1945/46 учебного года его численность составляла 12 тыс., а еще через год — 25 тыс. человек. Третью часть их составляли члены РМС [3, с. 127].

Трудности и противоречия процесса развития болгарской высшей школы по пути демократизации отчетливо проявились и в следующем, 1946 г. С одной стороны, обострение политической борьбы в стране, активизация мелкобуржуазных группировок оказали свое влияние и на обстановку в высших учебных заведениях. Сторонники реакционной оппозиции среди профессорско-преподавательского состава и студенчества под флагом защиты «академической автономии» развернули активную борьбу против политики правительства ОФ, стремясь превратить вузы в свои опорные центры. В Софийском университете, например, они пытались создавать свои органы управления вроде самозванного «малого совета» на медицинском факультете. Стараниями реакционных профессоров и доцентов на выборах ректора в 1946 г. был провален сторонник ОФ.

С другой стороны, расширившиеся возможности поступления в вузы привели к быстрому нарастанию и обострению внутренних диспропорций, заложенных в нерегулируемом приеме абитуриентов в высшую школу. Так, в 1945/46 учебном году на юридический факультет Софийского университета поступило 3,2 тыс. человек, на историко-филологический — 1,6 тыс., на физико-математический — 1 тыс., а на ветеринарно-медицинский — лишь 0,4 тыс. [6].

В связи со всеми перечисленными обстоятельствами по инициативе БРП(к) были предприняты первые шаги по регулированию социального и количественного состава студентов. Летом 1946 г. был введен новый порядок приема в высшие учебные заведения. Половина мест в вузах резервировалась за участниками антифашистской борьбы и войны с гитлеровской Германией 1944—1945 гг. Остальные абитуриенты должны были представлять выдаваемые местными комитетами ОФ справки о политической и гражданской благонадежности. При отсутствии последних они не допускались к вступительным экзаменам, которые были введены в том же году.

В циркулярном письме № 27, направленном Национальным Комитетом ОФ местным организациям, разъяснялись причины подобных мер и порядок их реализации [1, 1946, 1 VIII]. Перегрузка высших учебных заведений из-за наплыва поступающих в вузы не давала возможности обучающимся получить полноценное образование. Главное же — необходимо было закрыть доступ в высшую школу противникам народно-демократической власти, направлять туда активных участников антифашистской освободительной борьбы и членов их семей, а также лучших представителей болгарской молодежи, рекомендованных молодежными организациями партий ОФ. Реализация подобных мер означала движение в направлении социалистического переустройства высшей школы, превращения ее в инструмент формирования новой народной интеллигенции из представителей трудящихся классов.

Народно-демократическая власть стремилась оказывать всяческую помощь студентам — выходцам их этих слоев. 3 ноября 1945 г. был обнародован правительственный декрет-закон о создании «Фонда помощи студентам высших учебных заведений» [2, 1945, 3 XI]. В июле 1946 г. в соответствии со специально принятым Народным собранием законом был значительно увеличен размер средств, выделяемых для его целей. В руководство фондом вводились представители отечественнофронтового ОСНС [7]. Финансы фонда использовались на стипендии и единовременные пособия нуждающимся студентам, содержание общежитий, дотации студенческим столовым, в которых по льготным ценам питалось свыше 10 тыс. человек [3, с. 124]. Число стипендиатов увеличилось со 121 в 1945 г. до 1893 в 1948 г. [8].

Осуществление правительством ОФ по инициативе БРП(к) целой серии мероприятий революционно-демократического характера способствовало улучшению политической обстановки в стране, позволило отбить натиск контрреволюционной оппозиции. Новая социально-политическая ситуация, сложившаяся в стране к середине 1946 г., дала возможность поставить непосредственно в повестку дня вопрос о ликвидации монархического строя. На состоявшемся 8 сентября 1946 г. референдуме подавляющее большинство его участников высказалось за ликвидацию института монархии и установление республиканского строя, а также проведение выборов в Великое народное собрание, которое выработало и приняло бы новую конституцию. 15 сентября 1946 г. Народное собрание провозгласило Болгарию республикой.

Выборы в Великое народное собрание состоялись 27 октября 1946 г. На них убедительную победу одержал Отечественный фронт, за который проголосовало около 70% участвовавших в выборах. Одновременно была подтверждена ведущая роль БРП(к) в ОФ, которая получила более 50% от общего числа голосов [9]. В новой политической ситуации руководитель компартии Г. Димитров возглавил правительство Отечественного фронта.

В конце ноября — начале декабря 1946 г. в Великом народном собрании состоялось обсуждение программной декларации третьего правительства Отечественного фронта. В ней говорилось об углублении антифашистско-демократических преобразований, о завершении восстановления и дальнейшем развитии народного хозяйства. В связи с этим вузы нацеливались на подготовку квалифицированных кадров [10, с. 72]. Лидеры оппозиции Н. Петков, К. Лулчев, П. Стоянов, касаясь вопросов образовательной политики, сделали клеветнические выпады в отношении мер ОФ в этой области, в частности введения справок о политической и гражданской благонадежности для абитуриентов. Кроме того, они высказались против отстранения от работы в высших учебных заведениях профессоров и преподавателей, выступавших против политики народно-демократической власти, и замены их сторонниками ОФ, мотивируя это тем, что подобные мероприятия были направлены на одностороннее укрепление позиций БРП(к) и якобы снижали качество учебно-педагогической и научно-исследовательской работы [10, с. 86, 106, 114].

В самих вузах оппозиционеры развернули активную деятельность по привлечению на свою сторону максимально возможного числа студентов. Сторонники оппозиции стремились расколоть ОСНС путем создания своих сепаратных организаций. Их печать развернула специальную кампанию против ОСНС, стремясь подорвать влияние компартии среди его членов. Орган правых социал-демократов «Свободен народ» завел специальную рубрику «Уголок студента», где стали публиковаться провокационные материалы [11]. В декабре 1946 г. возник Болгарский академический земледельческий народный союз (Н. Петков). Создали свою организацию и правые социалисты. В Софийском университете анархисты сколотили «Федерацию анархистской молодежи». Однако старания противников ОФ принесли весьма скромные плоды. Во всех трех вновь созданных организациях насчитывалось не более 750 активно действовавших членов. Но следует сказать, что несмотря на их малочисленность, они все же смогли организовать ряд антиправительственных акций. Например, 8 декабря 1946 г.

сторонники николапетковского БЗНС устроили банкет под лозунгами усиления борьбы с ОФ, БРП(к) и ОСНС. В марте 1947 г. они попытались вместе с анархистами провести манифестацию против подготавливавшегося тогда проекта закона о высшем образовании, которым предусматривалось исключение из вузов контрреволюционных элементов. Но расчеты лидеров оппозиции на то, что выход их сторонников из ОСНС приведет к ослаблению его влияния, не оправдались. Согласно оценкам студенческого отдела ЦК РМС, сторонники ОФ составляли в 1947 г. 60% среди студентов и только 10—15% было убежденными противниками народно-демократического строя [3, с. 128].

Общий ход социально-экономического, политического и культурного развития Болгарии неизбежно подводил к необходимости пересмотра общественной роли высшей школы страны. Происходивший в эти годы формационный сдвиг, переход государственной власти в руки рабочего класса, возглавляемого БРП(к), и его союзников по ОФ, проведение революционных антифашистско-демократических преобразований, постепенно расчищавших путь к социалистическому строительству, усиление роли госсектора в народном хозяйстве и другие факторы ставили в повестку дня вопрос о разработке проекта такого законодательного акта о высшей школе, который явился бы завершающим звеном в процессе ее антифашистско-демократической реорганизации и который готовил бы почву для перевода в последующем системы высшего образования на социалистические рельсы.

Необходимость завершения и юридического закрепления результатов процесса демократизации высшего образования диктовалась еще и тем, что оппозиционные партии, осуществляя курс на тотальную конфронтацию с правительством ОФ, пытались, как уже отмечалось, превратить высшие учебные заведения в опорные пункты контрреволюционной деятельности. При этом они стремились использовать положения досентябрьского законодательства, которые еще сохраняли свою силу, об известной автономии вузов в вопросах своей деятельности. Все правительственные мероприятия по переустройству высшей школы они оценивали как нарушение этих положений и под предлогом защиты традиционных «свобод» и «автономии» высших учебных заведений стремились противодействовать любым мерам народно-демократической власти по их реорганизации.

В подобной ситуации под руководством коммуниста М. Нейчева, ставшего министром народного просвещения в новом правительстве ОФ, была проведена разработка проекта закона о высшем образовании. 19 июня 1947 г. он был представлен Народному собранию для обсуждения и принятия в первом чтении. 20 июня 1947 г., несмотря на сопротивление оппозиции (правые «земледельцы», отчасти социал-демократы) «Закон о высшем образовании» был утвержден во втором чтении окончательно. Закон юридически оформлял реорганизацию системы высшей школы Болгарии в народно-демократическом духе, открывал путь к социалистической ее перестройке.

Главной задачей высшей школы было готовить высококвалифицированных специалистов в различных областях науки, техники и культуры, вести «систематически научные исследования, а также развивать болгарскую культуру в прогрессивно-демократическом духе». Новые вузы — так же как и новые факультеты, отделения, специальности и кафедры в уже существовавших — открывались в законодательном порядке с учетом мнения соответствующего высшего учебного заведения и комиссии по высшему образованию [2, № 153, 1947, 5 VII].

Все высшие учебные заведения являлись государственными. Они пользовались «свободой научной и творческой работы». Распорядителем бюджета вуза был академический совет [2, № 153, 1947, 5 VII], т. е. они обладали также и финансовой автономией.

Общий контроль за работой высших учебных заведений осуществлял министр народного просвещения. При нем в качестве консультативного органа действовала комиссия по высшему образованию. В ее состав входили представители штатных преподавателей вузов (по одному от факуль-

тета), Болгарской академии наук (два человека) и руководители дирекции высшего образования министерства [2, № 153, 1947, 5 VII]. Таким образом при планировании политики в этой сфере всегда можно было учесть мнение наиболее квалифицированных представителей научно-педагогической общественности.

Студентами вуза могли быть лица обоего пола, имевшие законченное среднее образование в соответствии с избираемой специальностью. Их число по специальностям, отделениям и факультетам определялось в конце каждого учебного года по решению академического совета высшего учебного заведения, утверждаемому министерством народного просвещения. Прием проводился на основании конкурсных экзаменов [2, № 153, 1947, 5 VII], что содействовало планомерному регулированию набора в высшие учебные заведения. Эта мера была введена, как уже отмечалось, еще год назад и теперь получала законодательное обоснование. Студенты, участвовавшие в деятельности, направленной на подрыв народно-демократической власти, подлежали исключению из высших учебных заведений по решению академического совета в соответствии с предложением совета факультета. Они могли быть восстановлены не ранее, чем через год на основании постановления академического совета, если сумели доказать свою лояльность по отношению к народно-демократической власти [2, № 153, 1947, 5 VII].

Студенты должны были вносить плату за обучение. Ее размеры определялись академическими советами и утверждались министерством народного просвещения. От платы освобождались инвалиды войны и члены их семей, участники вооруженной антифашистской борьбы, политические заключенные и интернированные в концентрационные лагеря до 9 сентября 1944 г., выходцы из малообеспеченных семей, члены семей преподавателей учебных заведений, а также работников системы министерства народного просвещения. Последнее принимало меры по улучшению материально-бытового положения студентов, действуя в этом случае через «Фонд помощи студентам высших учебных заведений». Оно также выплачивало стипендии студентам, показавшим хорошую успеваемость. Таким образом, право бесплатно учиться в высшей школе получали те категории студенчества, которые могли служить социально-политической опорой БРП(к) и ОФ. Именно из них должны были рекрутироваться кадры новой народной интеллигенции, подготавливаемой для участия в социалистическом строительстве. Студенческая организация ОФ — Общий студенческий народный союз — получила законодательно закрепленный официальный статус. Профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений должен был оказывать содействие в ее профессиональной и идейно-воспитательной деятельности [2, № 153, 1947, 5 VII].

Помимо предметов, предусмотренных учебными планами по соответствующим специальностям, во всех вузах изучались в обязательном порядке русский язык и один из западных языков (французский, английский, немецкий, итальянский, испанский), диалектический и исторический материализм [2, № 153, 1947, 5 VII]. Введение обязательного преподавания русского языка и марксистско-ленинской философии укрепляло идейно-политические позиции компартии в высших учебных заведениях, являлось шагом по пути к созданию социалистической высшей школы. Студенты должны были посещать лекции и занятия. Вводилось определенное ужесточение правил сдачи текущих экзаменов, равно как производственная практика, что свидетельствовало о том, что болгарская высшая школа включается в реализацию плановой политики социально-экономического развития страны.

Профессора и преподаватели, замеченные в антинародной деятельности, подлежали увольнению с занимаемых должностей в том же порядке, в каком и назначались. Осознавшие свои заблуждения и показавшие лояльность по отношению к народно-демократическому государству могли быть восстановлены на прежних должностях либо в качестве преподавателей на почасовой оплате [2, № 153, 1947, 5 VII].

Высшее учебное заведение управлялось академическим советом, в со-

став которого входили ректор, проректор, деканы, продеканы и от одного до четырех представителей преподавательского состава от каждого факультета в зависимости от размера вуза. Срок полномочий академического совета был одногодичным. Ректор возглавлял совет, представлял интересы высшего учебного заведения перед государственной властью и другими организациями и учреждениями.

Управление факультетами осуществлялось советами во главе с деканами, куда входили все профессора и штатные доценты и по одному представителю от внештатных доцентов и ассистентов.

Структура и задачи высшей школы перестраивались законом в соответствии с изменениями, происшедшими в политической, экономической и культурной жизни страны. Нужно отметить, что закон 1947 г. сохранял и ряд прежних форм устройства вузов и управления ими. Высшие учебные заведения сохранили свою внутреннюю самостоятельность в отношении учебно-педагогической и научно-исследовательской деятельности. Руководство ими строилось на коллективной основе; но прежние формы стали использоваться для решения новых задач.

Закон 1947 г. завершил важный этап демократического развития высшей школы Болгарии после 9 сентября 1944 г. Он создал необходимые предпосылки для последующей реорганизации высшей школы страны в социалистическом духе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Отечество фронт.
2. Държавен вестник.
3. Попов Г. Н. Болгарские коммунисты в борьбе за осуществление культурной революции (1944—1948). Харьков, 1960.
4. Училищен преглед. София, 1945, № 3—4.
5. БКП в резолюции и решения на конгресите, конференциите и пленумите на ЦК. София, 1947—1965.
6. Стенографски дневници на XXVI Обикновено Народно събрание. Кн. 2. София, 1947, с. 292.
7. Сборник на законите и решения приети от XXVI ОНС и ВНС. София, 1947, с. 62—64.
8. Статистика на образованието. София, 1962, с. 51.
9. История Болгарии. Т. 2. М., 1955, с. 421.
10. Стенографски дневници на Великото народно събрание. София, 1947, дял I, кн. I.
11. Свободен народ, 1946, 6, 27 XI; 1947, 9 IV.

БЫЛИНИН В. К., ЗВОНАРЕВА Л. У.

РАННЯЯ ПОЛИТИКО-САТИРИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ СИМЕОНА ПОЛОЦКОГО

(польскоязычные поэмы о событиях
Первой Северной войны)¹

В народно-освободительном движении, которое стало набирать силу в Речи Посполитой с середины XVII в., принимали живое участие многие украинцы, белорусы и русские — жители «восточных кресов» «сарматской республики». Возникавшие в их среде многочисленные литературно-поэтические отклики на реально происходившие события хранят в себе немало ценных сведений как документально-исторического, так и литературно-художественного характера. Тем не менее, до сих пор именно эта литература остается практически неизученной у нас. Заслугой польских ученых является ее исследование в контексте прочих польско-немецких произведений-откликов на указанные события.

К сожалению, большую часть литературных сочинений восточнославянского происхождения, посвященных коллизиям польско-шведской войны и созданных {приблизительно в тот же период, еще предстоит обнаружить в рукописных собраниях и архивах. Поэтому есть смысл пока сосредоточиться на анализе отдельных памятников. Рассмотрим два малоизученных польскоязычных стихотворных произведения видного славянского поэта и просветителя XVII в., Симеона Полоцкого [1—6]. Его политико-сатирические поэмы «Desperatia króla szwedzkiego» и «Król szwedzki oficerów swych szuka» дошли до нас в единственном черновом списке в составе автографического сборника ранних польско-латинских и белорусских стихов, дневниковых записей Симеона за 1648—1660 гг. [7]. Надо полагать, что они были написаны поэтом по свежим впечатлениям еще до заключения Оливского договора между Польшей и Швецией, поскольку о нем ничего не сказано в поэмах, в основном повествующих о событиях 1656—1657 гг. Несмотря на искусную словесную аранжировку (свидетельство отменной поэтической изобретательности молодого Симсона), определенную самостоятельность его публицистических трактовок, «Desperatia» и «Król szwedzki» — не вполне оригинальные творения поэта. Их общий идейный замысел (*inventio* — по схоластико-риторической терминологии²) восходит к анонимным немецким сатирическим стихотворениям типа «Das polnische Piequett-Spiel» (1655) или «Auf des Königes in schweden Caroli Gustavi... Generale und andere Officirer» (1656). С 1656 г. появлялись, как правило, расширенные, дополненные новыми данными (не только явно исторического, но и легендарно-эпического свойства) переработки этих

¹ Авторы считают своим приятным долгом поблагодарить Л. В. Заборовского за ценные консультации по теме данной статьи.

² Отметим, что данную терминологию поэт изучал по наиболее совершенным для того времени польским теоретическим сочинениям, в частности, по трактату М. К. Сарбевского «De acuto et arguto», конспект которого (вернее, его VII раздела — «Modi inveniendi argutias») содержится в бумагах Симеона [8, л. 11 об.— 12].

небольших немецких поэм о военных неудачах шведского короля Карла X Густава, его вассалов и союзников; они получили хождение в Польше в большом количестве вариантов.

Одни из них образовали цикл так называемых «пикетов» (название «pikieta» перешло в польскую барочную поэзию из популярной в то время в Европе игры в карты): «Pikieta wojenna» (1656), «Wesołe Echo Pikiety wojennej» и т. п., другие — цикл «Lamentownej Dumy» — своеобразных сатирических плачей шведского короля. Первым польскоязычным произведением в этом цикле была «Lamentowna Duma Karola Gustawa, króla szwedzkiego, nad częścią pojmanemi, częścią pobitemi książęty, kawalerami i officyerami...» (1656—1657).

Вместе с немецким прототипом — элегией «Auf des Königes...» она послужила основой для последующих стихотворных интерпретаций, как-то: «Carolus Gustafus, Rex Sveciae, swoich wiernych i miłych przywołuje»; «Rozmowa króla szwedzkiego z swemi»; «Echo szwedzkie»; «Pieśń o królu szwedzkim i officyerach jego», а также «Groza króla szwedzkiego po przegranej z królem polskim Janem Kazimierzem» и др. Как отмечает С. Либишевская, все это были весьма произвольные, далеко отступающие от своего первоначального источника поэтические переработки. В них «неизвестные по имени, доморощенные польские поэты проявляли огромное богатство мысли, юмора и пропагандистских трюков... В зависимости от адресата, на которого эти произведения ориентировались, они могли быть представлены в разной форме — с более или менее развитым содержанием, с простыми формулировками или же учеными выводами, с неидентично, наконец, обозначенной персификацией» [9, s. 513].

Следует подчеркнуть, что почти вся создававшаяся на злобу дня (оказиональная) поэзия была анонимной и стихотворные интерпретации Симеона Полоцкого суть первые достаточно определенно атрибутируемые произведения подобного рода. При их составлении Симеон мог пользоваться разными рукописными и даже устными источниками, но, скорее всего, он не был знаком с печатными изданиями сатирических поэм о Карле Густаве (в то время в свет вышли две публикации «Wesołe Echo Pikiety wojennej» и «Lamentownej Dumy Karola Gustawa»: в Раве в 1657 г. и в Кракове в 1658 г. «у вдовы и наследника Франциска Цезаря, его королевской милости типографа») [9 ill. — s. 488, 508]. Во-первых, потому что упоминаемые Симеоном Полоцким имена многих шведских военачальников и государственных деятелей имеют искаженное написание (причем, в отдельных случаях одно и то же имя пишется то верно, то неверно, например: Kromwelu — Krule muelu, Leon Hauptl — Samen Hault и т. п.). Во-вторых, в его поэмах мы видим иное расположение материала, более умеренный сатирический тон (ср. в «Lamentownej Dumie» шведский король называется «безбожным тираном», «ядовитым» и «проклятым зверем» — у Симеона же такие определения отсутствуют). Кроме того, Симеон значительно расширяет в «Desperatii» те разделы, где говорится о лицах или событиях, относящихся к белорусско-литовскому ареалу (к примеру, о политике Януша Радзивилла, об антишведских военных кампаниях «московитов» и т. д.). Последнее обстоятельство подтверждает концепцию общенародной популярности в Речи Посполитой конца 50-х годов XVII в. антишведской сатирико-обличительной литературной тематики, ее равноактивного с центральными областями Короны бытования в культуре окраин, к каким относился тогда г. Полоцк, где, будучи монахом Братского Богоявленского монастыря, Симеон, видимо, и составил обе поэмы³.

Небезынтересно было бы выяснить, какие оригинальные тексты могли быть взяты поэтом за образец. Опуская подробности сравнительного анализа, заметим, что набор известных (по всей видимости) Симеону литературных памятников антишведского сатирического содержания выглядит довольно внушительным. Возьмем в качестве примера лишь начальные

³ Постриг в иноки Полоцкого Богоявленского монастыря Симеон принял 8 июня 1656 г. (получив таким образом и свое монашеское имя — Симеон, его прежнее имя — Самуил). Здесь в качестве дидаскала монастырской школы он оставался, судя по всему, до весны 1664 г. [4, с. 116].

строфы «Desperatii króla szwedzkiego» (фрагменты 1—5 — нумерация фрагментов здесь и далее приводится по автографу Симеона. — *В. Б., Л. З.*). Как уже отмечалось, по своему главному идейному и, добавим, структурному замыслу эта поэма относится к циклу «Lamentownej Dumy»: она построена по принципу «воинской переклички» или «эха» — курьезного барочного диалога. На каждый вопрос — мольбу о помощи, адресуемый Карлом X кому-либо из его офицеров или союзников, с их стороны следует непременно негативный ответ. Кстати, ответы раздаются как из мира живых (хотя, в основном, из-за тюремной решетки), так и из «царства мертвых», что усиливает гротескное звучание произведения.

Из известных нам памятников данного цикла ближе всего к «Desperatii» Симеона стоит «Lament Gustawa Karola króla szwedzkiego nad pobitemi i pojmanemi w Polsce regimentarzami i kawalerami w roku (1656)» [10, s. 67—74], который позволяет уточнить персональную ономастику, а также некоторые исторические сведения, встречаемые у Симеона. «Lament Gustawa Karola» находится в сборнике, принадлежавшем потомственному киевскому шляхтичу Яну Флориану Дробышу Тушиньскому (1640—1707). Не исключено, что последний не просто записал этот текст, а дал ему определенную литературную обработку, ибо, как свидетельствуют известные черновые записки Тушиньского (часть II), именно в 1656 г. он стал участником событий, описываемых в названной поэме. Так, в 3-м фрагменте «Desperatii» Симеона выведен некто «мудрый Эшкот». При сопоставлении с аналогичным местом из «Lamenta» Тушиньского получаем более точную транскрипцию имени — Eskin, и таким образом выявляется имя шведского генерала Александра Эрскина, взятого после освобождения Варшавы в июле 1656 г. в польский плен и впоследствии умершего в Замойской тюрьме.

В 4-м фрагменте поэмы Симеона Полоцкого читаем о конвое к Замойской крепости плененных в Литве полковников Адама Вейгера и «молодого Леона Хаулта» (Левенхаупт — «львиная голова»). «Lament» не только уточняет дату (1656) и место пленения — «państwo Hurczynskie», но и дополняет к списку высокопоставленных шведских пленников секретаря-наместника Лавра Каптерштейна.

Так же, как и в «Lamente», первый фрагмент стихотворного произведения Симеона Полоцкого представляет собой авторский монолог, но его содержание во многом специфично. Это — довольно разернутая (12 строк) медитация об известном конфликте между Надеждой и Фортупой, который обрушивается и на «высочайшую голову» шведского короля. Сходное начало находим в пародийной псевдолирической поэме «Pikieta niestatecznej fortuny, kunsztowna gra, szwedzkiej w Polsce wojny proceder po części wyrażająca» [11, s. 199] (1656). Обратимся ко 2-у фрагменту «Desperatii»: «А Херштейн (Оксеншерн. — *В. Б., Л. З.*) Бенедикт, куда он делся? // — В Замостье с Витембергом вместе сидит, доподлинно; Яном Казимиром сослан он туда, // дабы польский язык выучил, если хочет Короной // Польской как вице-король править, но по-моему, // Не возжаждем чужого, пойдем назад, господине!».

Обыгрываемый здесь мотив абсурдного назначения узника польским «вице-королем» слишком прозрачно указывает на его источник — острую сатиру на якобы отданный указ Карла Густава о разделе Речи Посполитой между ним, Богуславом Радзивиллом, электором Бранденбургским и венгерским правителем Ракоци, известную под заглавием «Z Wolgastu 12 sierpnia A° 1657» [11, s. 222—223]. Симеон мог знать и более раннюю «Pieśń o królu szwedzkim i olicyjerach jego», где на запрос шведского короля о том, как обстоят дела по управлению поляками, Бенедикт Оксеншерн отвечает так: «Прежде, чем принять столь похвальное назначение, я хотел бы выучить польский язык» («Do tak chwalebnej postawy, // Uczę się wrzód polskiej mowy» [9, s. 511]). Как видим, у Симеона Полоцкого оба доблестных «правителя» — канцлер Оксеншерн и «вице-король» Витемберг сведены вместе — в прямом и в переносном смысле.

Литературные параллели можно продолжить и дальше, однако, думаем, приведенных наблюдений достаточно для того, чтобы убедиться в ши-

рокой осведомленности белорусского поэта в современной ему польской литературе.

Политико-сатирическая направленность содержания стихотворений Симеона, его ориентация на популярную антишведскую сатиру предполагала соответствующую манеру изложения — с построением гротескных, смешных и прямо-таки абсурдных ситуаций. Не о том ли свидетельствует упомянутый эпизод с «назначением» заключенного в польскую тюрьму Виттемберга «вице-королем Польши». Или пронизанный едкой иронией диалог Карла Густава с младшим Кенигсмарком, погибшим осенью 1656 г. Карл X зовет Кенигсмарка-сына на помощь и слышит такой ответ: «загнан я в Вислу войском Яна Казимира, короля польского, опился тут вдоволь воды, теперь с рыбами мне только являться в темных водах». Тенденциозность молодого поэта обуславливалась специфическими требованиями канона выбранного им сатирического жанра, но также, по-видимому, в немалой степени — его собственными симпатиями или антипатиями к изображаемым лицам, его негативным отношением к шведским интервентам в целом.

Таким образом, подлинные исторические события рисуются Симеоном Полоцким далеко не всегда в том виде, в каком они действительно имели место. Характерный образец гиперболизации «собственных» (т. е. польско-литовских) военных успехов представлен в диалоге из 11 фрагмента:

Король Карл X: «Генерал Витекс ⁴ в Кракове, там оборонительный замок».

Вюртц: «О, меня уже вытеснил оттуда маршалек Коронный».

Король Карл X: «Приди же сюда, генерал, с полками своими».

Вюртц: «Одни убежали, другие легли в землю: / Недель восемь сдерживал я мощную осаду, / голод терпя и мор, богом ниспосланный. / Уж слава богу, что я здоровье свое сохранил, / Больше не подниму руки на польского короля».

Между прочим, здесь идет речь о малозначительном событии начала польско-шведской войны, когда в сентябре 1656 г. войско под командованием Коронного маршалака Иеронима Любомирского осадило Краков. Согласно польской историографии эта осада шла вяло и большого урона шведскому гарнизону города, которым с 5 февраля 1656 г. по 16 мая 1657 г. командовал Павел Вюртц, она не принесла [13, с. 75—88]. Однако тогда же рассматриваемые события получили литературно-публицистическую трактовку, сходную с той, какую им дает Симеон Полоцкий.

Неизвестный автор стихотворения «Początek wojny ze Szwedami Polaków» [12, т. II, с. 504, 506] представляет блокирование Кракова как великую военную операцию:

Wojsko pod Kraków daj szczęśliwie Boże
Z Marszałkiem Koronnym, ten z łaski swej pomoże,
Nam na Szwedy już pomógł, bowiem pogromiono,
Podjazd szwedzki wybito, aż w bramie broniono
Kazimierskiej. Daj Boże, szczęście dalej,
Aby Szwedzi od szabli polskiej pozdychali

[12, т. II, с. 504].

Как видим, Симеон логически завершил в своем творении пожелание одного из своих соратников по перу; в «Desperatii» шведы уже якобы совсем побеждены — кто убежал, а кто и погиб, «лежит в земле». Гораздо больший военно-политический резонанс в пределах Речи Посполитой и во всей Европе получила знаменитая битва под Простками (в «Королевских Прусах»). Генеральное сражение развернулось неподалеку отсюда в долине реки Ленг 8 октября 1656 г. (и длилось с 8 до 13 часов дня). В нем участвовали, с одной стороны, приблизительно 4—5-тысячное войско гетмана Винцентия Корвина Гонсевского, с другой — 10-тысячная армия под командованием генерала Йозефа Вальдека, в которую входили соеди-

⁴ Имеется в виду Павел Вюртц — Paweł Würtz — комендант Кракова и Вишница (Wiśnicz) [12, т. I, с. 209, 232, 233, 239, 241, 256, 276, 277—279; т. II, с. 104, 113—115, 147, 164, 167, 168, 193, 282, 364, 444, 459, 464—466, 469].

нения под командованием Валленрода и перешедшего на шведскую службу Богуслава Радзивилла.

В неравном бою имевшие большое численное превосходство шведы и верные им поляки потерпели сокрушительное поражение [12, т. II, с. 97—99]. Это была одна из первых вдохновляющих побед Республики после периода оцепенения, когда многим казалось, что она стоит, может быть, на самой грани краха. Симеон Полоцкий в поэмах много внимания уделяет итогам исторической битвы. Примечательно, что эти его высказывания, несмотря на их общую сатирическую окраску, демонстрируют значительное приближение к исторической правде. Так, известно, что при переправе через реку Ленг полковник Валленрод был атакован татарской конницей; охваченные паникой шведы (в основном, бранденбургские наемники) бросились врассыпную, сам Валленрод едва спасся в лесу и вывел с собою лишь 500 солдат [14, с. 324—344]. У Симеона Вальдек говорит:

Pod Prostkami, kiedym miał utarczką z tatury,
Pruskie wszystko uciekło, moje zaś wycięto,
Radziwiła раннего i innym z onym wzięto.
W dzikie pola już mie bisurmanin zaprowadził,
Bodaj piekła nie uszedł, który wojne radził.

Затем, кратко сообщается о пленении Гонсевским под Богуславцем князя Бернарда Веймарского, Б. Радзивилла, Исраэля Иссаксона, Риддерхельма, братьев Энгель — Иоахима и Ганса (английские офицеры на шведской службе) и с ними Боктранека и др. Судя по известным ныне историческим документам того времени (реляциям, приказам и т. п.), все это действительно имело место 9 октября 1656 г. Безусловно интересен 12-строчный 10-й фрагмент «Desperatii», где повествуется о штурме войсками Яна Казимира г. Хойниц (в Поморье).

Взяв Хойницы 31 октября 1656 г., польский король двинул все свое 24-тысячное войско на освобождение Гданьскую. Ни в одном из указанных выше стихотворных произведений, посвященных I Северной войне, насколько нам известно, об осаде Хойниц ничего не сказано. Опять-таки Симеон Полоцкий в этом плане, возможно, оказывается оригинальным. В уста шведского коменданта крепости он вкладывает высокую оценку упорства и мужества польских воинов, а также признание:

Bogu niech będzie chwała, zem wybrał z tej toni,
Nigdy już na polaka nie dobędę broni.

Похоже, что поморская тематика вызывает особый интерес писателя. Она звучит в рассказе о взятии русскими войсками Нарвы и смерти графа Ферсена, «ktorego sam odosłał bez głowy do żony», о ретирации «князя Сен Кроя» (Де ля Кроа) из центральной Польши в Поморье, о неудачном походе шведского генерала Стенбока (у Симеона Полоцкого — «сын Гнарт») в начале 1657 г. под Биржы — родовое поместье Радзивиллов:

...ile zdrowych było,
Tych w Radziwiliszkach polskie wojsko zbiło;
Na kilka set tatarom picchoty wycięto,
Oficerów niemało z oberszterzem wzięto.

Наконец, данная тематика находит отражение и в воспроизведенной Симеоном Полоцким легендарной истории пленения маршала Кенигсмарка (т. е. старшего, Кенигсмарка-отца) жителями Гданьска, когда в их руки будто бы попала шкатулка, выброшенная на берег Балтийского моря волнами, с важнейшими секретными документами, которые касались государственной политики Швеции. Чувствуя, что сражение проиграно, шкатулку бросил в море сам Кенигсмарк, но судьба была на стороне его противников.

Так об этом повествует легенда, которая сложилась осенью (октябрь—ноябрь) 1656 г. — сразу после реально случившегося пленения высокого шведского военачальника. Он был заключен в крепости Мюндзе, в нескольких километрах от Гданьска, где пробыл почти всю войну. Из уст-

ных пересказов легенда скоро попала в польскую литературу и поэзию. Эпиграмма «Do Kernsmarka» [12, t. 11, s. 507—508], аллегорико-сатирические поэмы «Dainis: Niespodziewany upadek z nimfą Filidą» (немецкий оригинал: «Dainis. Unvermuthlicher Unfall an die Nymphę Phyllis» [11, s. 185—186, 344]), «Pieśń żalosa o sławnym Datnidzie» [11, s. 186] и другие произведения — вот наиболее вероятные источники, использованные Симеоном при написании пространного «gesponsa» Кенигсмарка своему державному сюзерену.

К «Поморским фрагментам» в поэмах Симеона Полоцкого примыкают стихи о положении в Лифляндии (Инфляндском воеводстве), содержание которых сводится в основном к настойчивому упоминанию писателем русской кампании по осаде Риги, длившейся с 23 августа по 12 октября 1656 г. Соответственно плачевно представляются дела руководителя ее обороны, главнокомандующего шведскими войсками в этом регионе графа Магнуса де ла Гарди⁵.

Между тем, известно, что де ла Гарди не только успешно руководил обороной города, но и организовал 2 октября смелую вылазку, когда рижане ударили по укреплениям осаждающих и нанесли им сильное поражение. В немалой степени из-за этой неудачи царь был вынужден снять осаду Риги и отступить в Полоцк, на чем, собственно, и завершились территориальные приобретения России в Лифляндии. Заметим, что негативный политический эффект от этой неудачи Симеон стремится приглушить и в других своих сочинениях. Так, в «Wierszach na szczęśliwy powrót cara jego miłości zpod Rygi» он много говорит об избавительной миссии Алексея Михайловича для белорусского народа, называет его «светом веры», объявляя само его присутствие на белорусской земле великим благом. Вот характерный пример его трактовки «счастливого возвращения» царя:

Придеш, вси верныи, воспещем рукамп:
Се бог господ показа милость си над нами,
Возврати царя здрава и честна повсюду,
Стерша врагом их выя горделиву люду

[7, л. 5].

Нельзя в этой связи не отметить и тот факт, что в заключительной части «Desperatii króla szwedzkiego» Симеона Полоцкого Карл X, перечисляя свои главные военно-политические неудачи (победы гетмана Гонсевского в Пруссии, измена курфюрста Бранденбургского, потеря союза с Радзивиллами, коронным подканцлером Иеронимом Радзевским и т. д.), среди прочего замечает:

Nie dość na tym, że sami są z holdu sie wybili,
Ale jeszcze moskala na kark nam wsadzili,
Dwuch państw chciałem być królem y Litwa być miała,
Moja lecz mi fortuna tego nie sprzyjała.

Словом, понятно, несмотря на то, что поэма писалась в тот период⁶, когда многие надежды и политические начинания правительства Алексея Михайловича терпели очевидный провал, несмотря на это, Симеон намеренно выставляет положение русской стороны в самом благоприятном свете.

Если вспомнить, что и в других, более ранних произведениях поэта (в таких, например, как «Wierszy na szczęśliwy powrót cara jego miłości zpod Rygi» [7, л. 5—6], «Winszowanie wzięcia Derpta», [7, л. 6 об.], «Winszowanie obrania na królestwo Polskie» [7, л. 6 об.— 7]; полоцких и витебских (1656) метрах и др. [7, л. 3—5]) его идеологическая позиция имеет совершенно аналогичный характер, то теперь мы получаем новое свидетельство его последовательной приверженности идее союза Речи

⁵ Де ла Гарди был назначен генерал-губернатором Ливонии и одновременно главнокомандующим на огромном фронте от Ладожского озера до Двины еще 1 июня 1655 г. [15, p. 209].

⁶ По-видимому, не позднее лета 1657 г.— ср. об отмеченных выше переменах в расстановке противоборствующих сил [16, с. 204].

Посполитой с Россией, причем такого союза, в котором приоритет принадлежал бы последней.

В заключение отметим два момента. Первое: разобранные политико-сатирические поэмы Симеона Полоцкого расширяют наши представления об административно-политической географии подобного рода литературной продукции, а также о социальной и конфессиональной принадлежности ее создателей⁷. Несомненный интерес должна вызвать представленная в них историческая персонография.

Например, по сравнению с анонимными польско-немецкими поэмами из цикла «Lamentownej Dymy» в поэмах Симеона Полоцкого названо наибольшее число имен разных деятелей, имевших отношение к событиям «Потопа», среди которых и такие известные, как Кромвель, трансильванский князь Дьердь Ракоци II, шведский канцлер Аксель Оксеншерна, граф Магнус де ла Гарди и де ла Круа, брат Карла X Густава маршал Адольф Йоганн и посланник крымского хана Махмуда IV Гирея субхан Сефер Гази-ага, и такие редко упоминаемые в исторических документах имена, как Леон Хауплт (шведский полковник), Сенхазен, фон Хеффен, некто Палл (так Симеоном Полоцким назван комендант шведского гарнизона Бижского замка), граф Херланд, фон Тург, фон Хеффен и др.

Второе: нельзя забывать, что поэмы Симеона Полоцкого были злободневны и, следовательно, их сатирическая форма имела в сущности остро-публицистический, пропагандистский характер. А это, в свою очередь, увеличивает ценность настоящих сочинений для исторической науки.

Ниже публикуется полный текст и перевод поэмы Симеона Полоцкого «Desperatia króla szwedzkiego» по авторскому списку ЦГАДА, ф. 381 № 1800, л. 10—13.

⁷ Симеон Полоцкий был монахом латино-униатского ордена Василия Великого (базилиан) [17, с. 166; 18, с. 311—312].

1

Nadzieją więc żyjemy, w nadziei nadzieją
 Zaczynamy wsze sprawy, acz się też nadzie,
 Według zamysłów naszych, nadziejej krolowa
 Fortuna do odmianę, a największa głowa.
 Poblądziły, acz z nadziei swojej zawiedziony
 Od fortuny narzeka król dziś opuszczony.
 Monarchów w pomoc woła, narzeka na sługi:
 «Czemu nie przybywacie, kiedy czas tak długi?
 Bawią się widząc pana w niebiespiecznej toni,
 Kędy go orzeł biały do twej toniej goni?
 Kędyś jest Witemberka, przesławny hetmanie?
 Przybądź!» — «Jako? kędy jestem więzniem, panie!»

2

«A Chersztejen Benedykt, kędy się on bawi?» —
 «W Zamościu z Witemberkiem wespół siedzi, prawie,
 Od Jana Kazimierza zesłany w tę stronę,
 Aby po polsku umiał, jeśli chce koronę.
 Polska rządzić vicerex, alie moje zdanie,
 Niepragniema cudzego, podzmy nazad, panie!».

3

«Gdzie nasz mądry Eszkot? Niech ten uam poradził» —
 «Ach za szyje mnie, panie, już polak prowadzi!
 Poki zdrowia y moja rada tobie była,
 Poki naszej fortuny nadzieja służyła».

4

«Niech że przycie nasz Więger i Leon Hault młody!» —
 «Szuka w Litwie korzyści przyszlście do szkody.
 Zamojski nas prowadzi do swojej fortocy,
 Niespodziewaj z nas, panie, już usługi więcej». //

л. 10 об.

5

«A Kenix Mark z ludem swym, dokąd on też zmierza?» —
 «Wpędzonym od Wisły od Jana Kazimierza,
 Krola polskiego, wojska opilem złę wody,
 Już z rybami mnie tylko przydzie w ciemne wody».

6

(«A gdzie generał Waldek z Wallenrodem i pruskim wojskiem?» —)⁸
 «Pod Prostkami, kiedy miał utarczką z tatarzy,
 Pruskie wszystko uciekło, moje zaś wycięto,
 Radziwiła rannego i innym z onym wzięto.
 W dzikie pola już mie bisurmanin zaprowadził,
 Bodaj piekła nie uszedł, który wojne radził!»

7

«A ty, xiąże koniuszy, zacny Radziwile,
 Ktorego ja považał y traktował miłe,
 Pośpiesz, pośpiesz, a pośpiesz jak najprędziej do mnie!» —
 «Aboś nie dał jeszcze znać o sobie y o mnie?» —

⁸ В оригинале эта строка пропущена и восстановлена нами — (В. В., З. Л.).

Izrael twój kochany pod Prostkami wzięty,
 A jam kilkakroć szablą tatarską zacięty.
 Opatszy z konia, o żywot Gonsiewskiego prosił.
 Bog mię skarał, zem ręk na krola podnosił.

«A kędyż są wielmożni bracia Anglikowie?» —
 «Jeden siedzi u tatar, drugi wzięł po głowie». —
 «Niech że przydzie Boktranek z pułkami swojemi!» —
 «Już nas szabla tatarska oddała dziś ziemi!»

«Kędyż xiąże Angielskie, pytam się o tobie, —
 Wszak z łaski bożej żyjesz, masz wszystkie przy sobie. //
 Spiesz się do nas jak najprędzej, niedosypaj nocy,
 Czekamy jako najprędzej od ciebie pomocy». —
 «Oblegli mie w Chojniczu polacy potężnie,
 Ile mi sił stawało, broniłem się mężnie.
 I gdym się już nie spodział wsparcia z żadnej strony,
 A obłęczeniem srogim będą przycieśniony.
 Przysięgam przeciwko im więcej nie wojować.
 Jeżeli chciał moj żywot z utraty salwować.
 Bogu niech będzie chwała zem wybrnął z tej toni,
 Nigdy już na polaka nie dobędę bronii!»

«General Vitex — w Krakowie, tam zamek obronny!» —
 «O, już mie wyrugował marszałek koronny!» —
 «Przydź że tu, jenerale, z pułkami twojemi!» —
 «Jedni puciekali, drudzy leżą w ziemi:
 Przez niedziel ośm potężne będąc obłożony
 Przy głodzie powietrzem od boga nawiedzony.
 Zem zdrowie mie uniosł, bogu dają dzięki,
 Nie podniosę na krola polskiego już ręki».

«W Toruniu co się dzieje?» — «Tam nasza osada.
 Trupem nas położyła miasta tego zdrada.
 Tajemną z wojskiem polskim znowę uczynili,
 Żadnemu nie tolgując na głowę nas zbili».

«Kenix Mark z wojskiem swym, ten nas posiłkuje!» —
 «Prozna, krolu, nadzieja — w Mindzy refiduje.
 Gdańszczanie mie po mozu Bałtyckim przejęli,
 Tam mie z wojskiem z armaty y z amunicyjej wzięli.
 Szkatułę z sekretami wstawiono do wody,
 Ktorą morskie wyniosli na brzeg niepogody.
 A tu już dostała gdańszczanom ta w ręce». —
 «Jakoby ostrym mieczem przeraził me serce. //
 Kiedy mie za przybyciem Jana Kazimierza
 Praefientią krolu w ręce spol ową zmierza: ⁹
 Listy moje sekretne w oczach rozwijają,
 Wszystkie nasze praktyki na świat wyjawiają!»

л. 11 об.

⁹ В рукописи текст читается невнятно.

«A graf Magnus? Niech z Inflant wojska swoje ruszy!» —
 «Moskał co nie wypędził mnie samemu z duszy:
 Rygę przez całe lato mocno infekował,
 Inne tortecy pobrał, Inflanty splondrował».

«A graf Puntus, Leon Hault?» — «Ci pomiarli oba,
 Niezliczone wojska pożarła choroba».

«A kiędź jest graf Fertum, kawaler waleczny?» —
 «Ten kwiatował już wojnę, przyjął pokój wieczny.
 Od moskala na Narcu został urożony,
 Ktorego car odoślał bez głowy do żony».

«Syn Gnart!» — «Ten szedł pod Birze, ile zdrowych było,
 Tych w Radziwiliszkach polskie wojsko zbiło.
 Na kilka set tatarom piechoty wycięto,
 Oficerow niemało z oberszterem wzięto».

«Niech Pall lud zwiedze, a niech do nas stanie!» —
 «Obłączonym z Birz wynieść już nie mogą, panie!»

«Niech wielmożny ten Herlant graf, szwager moj miły,
 Swoje dziś nam na pomoc niechaj wyszle siły!» —
 «Krolu szwedzki! ze mną się już stało podiable, //
 Rozdzielił w drobnie sztuki ciało mie przez szable
 Wielkopolanin — tyrański okrutnie me zabił.
 Twoja to jest przyczyna, tyś mi tu wyrabił.
 Chciwość w nas nasza, prawdę przyznać muszę, —
 Krolew polskim nie będziesz, a jam pozbył duszę».

«O xiążeciucy Wejmarskim spytaś się też godzi,
 Kiędę jest szczęśliwie, mu żalić się powadzi». —
 «Jabym się rad na pomoc krolu pusił w drogę,
 Rękoma już nie mogą, ani też stać moge!»

«Przydzie, grafie fon Senhazan, bywałeś nam chętny,
 A posił nas swym wojskiem jako pan majątny». —
 «Jabym rad, zacny krolu, dopomogł dziś tobie,
 Ale leżę zawarty już w podziemnym grobie».

«Przybądź, xiąże Sen Krojn, a daj swoje zdanie:
 Co nam począć?» — «Do Pomor uciekajmy, panie!»

«Kurfirszcie Brandenburski y z swemi prusami,
 Jakoś poczał do konca, stawaj oraz z nami».—
 «Ja dobrego już konca tej wojny nie tuszę,
 Małość co dopomogę, a sam zginąć muszę!

Żalując tej Ligi, zem przemował kiedy
 I sam nic nie wskaraleś nas nabawił biedy,
 Złem uczynił, zem polaków lekce sobie ważył.
 Gonsiewski, wpaşy w Prusy, wojska me poraził.
 Armaten mi odebrał, tatarow zaś chatą //
 п. 12 об. Ogniem i mieczem karał Prusy moje, za tą
 Rzekami płynęła krow w państwie moim czleca,
 Zem na kroła polskiego dobył mego miecza».—
 «Przez listy swe pochlebne tuście nas zwabili,
 Niedotrzymawszy słowa, wojskaście me zbili.
 Bym wojną, z krolem zaczął, samiście radzili,
 Zdradziliście wprzód pana i mnie też zdrarzili.
 Litewskie Xiąstwo podać też oblegował.
 Janusz Radziwił jakorz stało nam hołdował
 Z całą Zmudzią, która nas za pana przyjęła,
 Potym się zbuntowawszy ludzie mie wycięła.
 Nie dość na tym że sami są z Holdu sie wybili,
 Ale jeszcze maskała na kark nam wsadzili,
 Dwuch państw chciałem być krolem y Litwa być miała,
 Moja lecz mi fortuna tego niesprzyjała.
 Ważyłem na armatę wojsku swemu płacił,
 Chciałem nabyć cudzego, ale swoje stracił.
 Inflanly maskał spalił, tatarzyn Pomorską,
 Znaczną widzą nad sobą dzisia karą boską.
 Zachejałem z krolem polskim dostąpić pokoju,
 Straciłem wszystkie wojskie, niemam nie do boju.
 Przymi, krolu, za moj grzech prozbę mą w nagrodzie,
 Lubo we wstydze proszą, żyjma z sobą w zgodzie. //
 п. 13. Wszak wet ze wet oddano już mi y sowito,
 Arcyxiązat y grałów y wojska wybito!
 Do pańswa mego oczu pokazać nie mogą,—
 Krolu polski, twoje wojska zastąpili drogę.
 Wypuść przynamniej z duszą, dość takiej nagany
 Miedzy wszystkimi pewnie już niewyde stany.
 Sam grzech wyznawam na się y zem dziś pobładził,
 Czego grzech, krolu polski, gdym sie sam osandził!»

«Dla takowego gościu więć takowe gody.
 Kiedy cie przyciesnione w ten czas szukać zgody.
 Już nie czas, krolu szwedski,— dekret boży z nieba;
 Splondrowaleś mi państwo, zapłacić ci trzeba».

«Teraz widze wszystkiego jestem pouszczony,
 Posiłkow nie spodziewam większych z żadnej strony.
 Kancler Hersztejn umarł, Radziejowski szalieje,—
 Ostatni dziś nam w tobie, potaszu, nadzieje.
 Pomoż mi, Krune Muelu, pomożcie, łapowie,
 Pomożcie, czesi, y wy, waleczni finowie.
 Pomoż, potężny turku, y ty, tatarzynie,
 Przybądź od Rokocego na pomoc, więgrzynie.
 Już mie świat opuścił, dopomóż sam boże.
 A jeśli y ty nie chcesz, niech czart dopomoże!»

1

Надеясь ведь живем, в надежде, надеждой,
Начинаем псяческие дела, хотя они и не совершаются
По замыслам нашим. Надежды королева и высшая глава —
Фортуна их изменяет.
Сбившийся с пути, надеждой своей обманут,
На Фортуну сетует днесь король одинокий.
Монархов на помощь призывает, сетует на слуг:
«Почему не приходите столь долгое время?
Забавляются, видя Господина в опасной бездне,
Куда его белый орел гонит?
Где же ты, Витемберг, преславный гетман?
Приди!» — «Как? Ведь я — узник, господин!»

2

«А Херштейн Бенедикт, куда он делся?»
«В Замостье с Витембергом вместе сидит, доподлинно,
Яном Казимиром сослан он туда,
Дабы польский язык выучил, если хочет Коропой
Польской как вице-король править. Но, по-моему,
Не возжаждем чужого, пойдем назад, господин!»

3

«Где наш мудрый Эшкот? Пусть он нам поможет!» —
«Ах, господин, уже за шею меня поляк ведет!
Пока был в здравии и была тебе помощь моя,
Пока нам надежда на Фортуну служила».

4

«Пусть же подспеют наш Вейгер и Леоп Хаулт молодой!» —
«Ищем мы в Литве выгоды, обретаем же себе ущерб.
Замойский нас ведет в свою крепость.
Не жди уж больше, господин, от нас услуги».

5

«А Кеникс Марк с людьми своими, куда же направляется он?» —
«Загнан я в Вислу войском Яна Казимира,
Короля польского, упился злой водою,—
Уж с рыбами только в темные воды могу идти».

6

«А где генерал Вальдек с Валленродом и с прусским войском?»
«Под Простками, когда имел я схватку с татарами,
Прусаки многие бежали, моих же всех порубили.
Радзивилла раненого и других с ним захватили.
В дикие поля уж басурманин меня завел.
Хоть бы ада не избежал тот, кто за войну ратовал!»

7

«А ты, князь конюший, благородный Радзивилл,
Которого я уважал и милостями одаривал,
Поспеши, поспеши, поспешит же, как можно скорее, ко мне!» —
«Разве ты еще не знаешь о себе и обо мне? —

Израэль твой любимый под Простками взят,
А я саблей татарской несколько раз пораненый,
Упав с коня, оставить жизнь мне Гонсевского просил.
Бог меня покарал за то, что я поднял руку на короля».

9

«А куда же делись вельможные братья англичане?» —
«Один сидит у татар, другой получил по голове». —
«Пусть же придет Боктранек с полками своими!» —
«Нас уже сабля татарская предала земле!»

10

«Где же ты, князь английский? справляюсь о тебе, —
Ведь ты по милости божьей живешь, все при себе имеешь.
Поспеш к нам, как можно скорее, не досыпай ночи,
Ждем побыстрее от тебя помощи». —
«Окружили меня в Хойницах мощно поляки,
Пока сил у меня хватало, оборонялся я мужественно,
Даже, когда я уж не надеялся на поддержку ни с какой стороны.
Будучи тесним плотным окружением,
Клянусь больше против них не воевать,
Чтобы живота своего не лишиться.
Бог, да будет благословен, что выбрался я из этой бездны,
Никогда уже на поляка не подниму оружия!»

11

«Генерал Витекс — в Кракове, там оборонительный замок!» —
«О, меня уже вытеснил оттуда маршалек Коронный!» —
«Приди же сюда, генерал, с полками своими!» —
«Одни убежали, другие — легли в землю:
Недель восемь сдерживал я мощную осаду,
Голод терпя и мор, богом ниспосланный.
Слава богу, что я здоровье свое сохранил,
Больше не подниму руку на короля польского».

12

«В Торуня что делается?» — «Там нас осадили.
Трупом нас положила горожан измена.
Тайный сговор с войском польским они учинили,
Не давая никакой передышки, наголову нас разбили».

13

«Кеникс Марк со своим войском, вот кто нам поможет!» —
«Тщетная то, король, надежда — в Мюндзе я пребываю.
Гданчане меня в море Балтийском перехватили,
Там меня с войском, с пушками и со всей амуницией взяли.
Шкатулка с секретными документами была брошена в воду,
Но ее морской шторм выбросил на берег.
А здесь уж она попала в гданчанам в руки». —
«Словно острым мечом поразил ты мое сердце.
По прибытии Яна Казимира, самопадеянностью своей в руки
короля,

Меня вместе с нею предал:
Письма мои секретные представлены на обозрение,
Все наши планы перед всем миром раскрылись!»

«А граф Магнус? Пусть из Инфлянт войска свои двинет!» —
 «Москаль из меня самого чуть не выбил душу:
 Ригу целое лето мощно атаковал,
 Другие крепости захватил, Инфлянты разграбил».

«А граф Пунтус, Лен Хаулт?» — «Померли оба,
 Несметное их войско пожрала болезнь».

«А где же граф Фертум, доблестный кавалер?» —
 «Он уж оставил войны, отошел к вечному покою.
 От москаля под Нарвой получил ранение,
 И царь его без головы к жене отослал».

«Сын Гнарт!» — «Этот шел под Бижу, сколько с ним здоровых было,
 Столько в Радзивилишках польское войско побилло.
 Несколько сот пехотинцев у татар порублено,
 Немало офицеров с полковником в плен взято».

«Пусть Палл людей своих поднимет и к нам ведет!»
 «Окруженный, я из Биж выбраться уж не могу, господин!»

«Пусть же вельможный сей Херланд граф, шурия мой милый,
 Свои ныне нам на помощь пошлет силы!» —
 «Король шведский! Черт уж меня побрал на тот свет:
 Раздробил тело мое на части саблей
 Великополянин — тиран жестоко меня убил.
 Твоя в этом вина, ты мне это устроил.
 Жадность нас губит, по правде признать надо,—
 Королем польским ты не будешь, а я из-за этого дух испустил».

«О князе Веймарском узнать также следует,
 Коль он счастлив, ему плакаться станем», —
 «Я бы рад отправиться в дорогу на помощь королю,
 Да ни руками уж, ни ногами двигать не могу!»

«Приди, граф фон Сенхазен, ты был нам предан,
 Пособи нам своим войском как состоятельный господин». —
 «Я бы рад, благородный король, помочь ныне тебе,
 Но уж под землю лежу в гробе».

«Прибуди, князь Сен-Кройн, выскажи свое мнение:
 Что нам делать?» — «К Поморью бежим, господин!»

«Курфюрст Бранденбургский со своими пруссами,
Коль начал, так уж будь до конца с нами». —
«Я хорошего конца этой войне уже не чаю, —
Даже немного тебе помогая, сам погибнуть могу!

Жалею, что вступил я в ту лигу,
И сам ты ничего не достиг, и на нас навлек беду.
Плохо я сделал, что поляков не дооценивал:
Гонсевский, вторгшись в Пруссию, войска мои разбил,
Артиллерию у меня отобрал, татарскими же полчищами
Огнем и мечом Пруссию мою карал, поэтому
Реками текла кровь человеческая в моем государстве,
Из-за того, что я на короля польского поднял свой меч». —
«Письмами своими льстивыми вы сюда нас заманили,
Нарушив обещание, войско мое погубили,
Чтобы я войну с королем начал, вы сами же советовали, —
Изменили сперва богу и мне также изменили.
Даже Литовское княжество, и его осадил
Ян Радзивилл, который прежде был нашим союзником
Со всей Жмудью, каковая нас государем признала,
Да потом, взбунтовавшись, людей моих посекала.
Мало того, что сами же от присяги своей отреклись,
Так еще москаля на голову нам посадили.
Двух государств хотел я быть королем, и Литва должны была
быть

Моею, но Фортуна мне в том не благоприятствовала.
Рассчитывал я на пушки, войску своему платил,
Хотел приобрести чужое, а утратил свое.
Инфлянты москаль спалил, татарин — Поморье;
Значительную вижу над собой нынче кару божью.
Хочу с королем польским договариваться о мире,
Потерял я все войска, не с чем воевать.
Прими, король, за мой грех просьбу мою в награду,
Покорно со стыдом прошу, будем меж собой жить в согласии.
Ведь уже воздано мне око за око и щедро
Князей и графов, и войска побито!
В государстве своем я не могу показаться на глаза, —
Король польский, твои войска перекрыли дорогу.
Выпусти, по крайней мере, живого, довольно такого наказанья.
Я уже ни на кого не пойду войной.
Сам свой грех признаю и то, что ныне я был не прав.
Да что грех, король польский, когда я сам себя осудил!»

«Каков гость, таков, стало быть, и прием.
Как тебя прижали, — тогда стал искать мира.
Теперь уж не время, король шведский, на то — указ божий с неба;
Разграбил ты мое государство, расплатиться тебе надо».

«Теперь мне все ясно, теперь я всего лишен,
Поддержки больше не ожидаю ни с какой стороны.
Канцлер Херштейн умер, Радзеовский душит —
На тебя, яд, последняя нам надежда ныне осталась.
Помоги мне, Кромвель, помогите, лопари,
Помогите, чехи, и вы, доблестные финны,
Помоги, могучий турок, и ты, татарин,
Приди от Ракоци на помощь, венгр.
Весь мир уж меня покинул. Помоги же ты, боже,
А если и ты не хочешь, пусть черт мне поможет!»

ЛИТЕРАТУРА

1. *Татарский И.* Симеон Полоцкий (его жизнь и деятельность). М., 1886.
2. *Еремин И. П.* Симеон Полоцкий. Избранные сочинения. М.—Л., 1953.
3. *Прашкович М. Г.* Паззія Сімяона Полацкага. Ранні перыяд (1648—1664). Дыссертацыя на соискание ученой степени кандидата филологических наук.—ГБЛ, машинопись, б. п. Мінск, 1964.
4. *Панченко А. М.* Русская стихотворная культура XVII в. Л., 1973.
5. Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982.
6. *Dębsky J.* Tworczosc rosyjskich sylabistów i tradycje literackie. Wrocław, 1983.
7. ЦГАДА, собрание библиотеки Синодальной типографии, ф. 381, № 1800.
8. *Commemoratio brevis poeticae.* Capit.: «Modus eruendi conceptum».—ЦГАДА, ф. 381, № 1791.
9. *Libiszowska S.* Antyszwedzka literatura propagandowa z czasów «Potopu» —In: Polska w okresie drugiej wojny północnej 1655—1660, t. II, Warszawa, 1957.
10. Два памятники з XVII wieku (Jana Cedrowskiego i Jana Floriana Drobysza Tuszyńskiego). Wyd. i wstęp. A. Przyboś. Wrocław — Kraków, 1954.
11. *Nowak-Dłużewski J.* Okolicznościowa poezja polityczna w Polsce (Dwaj młodzi Wazowie). Warszawa, 1972.
12. Polska w okresie drugiej wojny północnej 1655—1660, Warszawa, 1957, t. I—II.
13. *Sikora L.* Szwedzi i Siedmiogrodzianie w Krakowie 1655—1657. Kraków, 1908.
14. *Majewski M.* Bitwa pod Prostkami — In: Studia i materiały do historii sztuki wojennej, t. II, Warszawa, 1956.
15. *Rystad G.* Magnus Gabriel De la Gardie.— In: Sweden's age of greatness. 1637—1718, 1 publ., London, 1973.
16. *Кан А. С.* История Швеции, М., 1974.
17. *Киселев Н. П.* О московском книгопечатании XVII в.— книга. Исследования и материалы. Сб. 2, М., 1960.
18. *Быликин В. К.* Неизученная школьная пьеса Симеона Полоцкого.— В кн.: Симеон Полоцкий и его книгоиздательская деятельность. М., 1982.

СЕМЕНОВА М. Ю.

ПРОДУКТИВНЫЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ СЛОВОЭЛЕМЕНТЫ С АТРИБУТИВНЫМ ЗНАЧЕНИЕМ В СОВРЕМЕННЫХ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ И ПРОБЛЕМА СЛОЖНОГО СЛОВА (на материале словацкого языка)

Наблюдаемый в последние десятилетия интенсивный приток в славянские языки так называемых интернационализмов — слов и словоэлементов, принадлежащих к фонду «международной» лексики, правомерно связывается в лингвистической литературе с фактором действия на славянской почве общей тенденции языковой интернационализации. Обусловленная целым комплексом объективных явлений внеязыкового порядка, эта тенденция тесно связана с рядом других, параллельно действующих общезыковых процессов, характерных для современной языковой ситуации: с сильным влиянием терминосистем на литературные языки, нейтрализацией большого числа терминов, демократизацией литературных языков, тенденцией к унификации коммуникативных средств, увеличением арсенала и удельного веса различных «стандартизированных» моделей и конструкций в рамках определенных функциональных стилей, интеллектуализацией и специализацией этих стилей и т. д. Процесс освоения интернационализмов, в свою очередь, не сводится к простому количественному росту интернациональных единиц в фонде того или иного языка, но и оказывает определенное воздействие на изменения, происходящие внутри отдельных систем и подсистем принимающей языковой базы. Рассматриваемые ниже некоторые продуктивные типы новообразований с препозитивными словоэлементами интернационального характера являются в этом смысле очень показательным примером освоения славянскими языками агглютинативных знаменательных отрезков слов на лексико-грамматическом, морфологическом и структурно-словообразовательном уровнях. Рост регулярности в современном словацком языке именных образований с первыми иноязычными компонентами типа *aero-*, *agro-*, *amino-*, *auto-*, *bio-*, *disko-*, *elektro-*, *energo-*, *extra-*, *fono-*, *foto-*, *geo-*, *hydro-*, *kino-*, *kvázi-*, *mikro-*, *mini-*, *mono-*, *moto-*, *neo-*, *pseudo-*, *psycho-*, *rádio-*, *servo-*, *stereo-*, *termo-*, *video-* и др. обусловлен, как и в других славянских языках, главным образом общими потребностями в номинации новых явлений, реалий, предметов, связанных с развитием определенных областей знания. Закономерно поэтому, что и в механизме образования конструкций с этими компонентами, и в типах словообразовательных моделей, и в сферах их функционирования в целом наблюдается заметное сходство по славянским языкам, ср. например:

руск. *авиапочта*, *энергоснабжение*, *автоприцеп*, *велошлем*, *агрокомплекс*, *микромашина*, *аэрофотосъемка*, *биоэцита*, *мотогонка*, *фотопринадлежности*, *микروпроцессор*, *мини-рецензия*, *стереопроектор* и др.,

слжк. *agrolietadlo, autodoprava, elektroodlučovač, autotunel, stereo-produkcia, fotoamatér, fotod'alekohl'ad, energojednotka, bioplyn, mikro-výskum, minipublicistika, gramoplatňa, hydtovosk* и др.,

чешск. *makroprostředí, motosvítilna, elektroprodejna, gramojehla, auto-bazár, kinopředstavení, mikroreportáž, miniantologie, turbodmychadlo, servořízení, pseudovlastenec, krimiseriál* и др.,

польск. *radionadajnik, mikrosamochód, motowozownia, agrolotnictwo, autopompa, biopierwiastek, monozespół, mikrosluchowisko, teleredaktor, pseudospecialista, fotodepesza, mini-ruch* и др. Стандартность значения, легкая выделяемость и структурная автономность подобных препозитивных компонентов способствовали в свое время их обособлению из состава заимствований и осознанию их носителями заимствующего языка как морфологически вычленимых единиц. Это обеспечило им в дальнейшем и возможность относительно свободного соединения не только с иноязычными, но и со славянскими основами, как это видно из приведенных примеров. Выступая в сочетаниях со славянскими основами (в составе «гибридных слов»), интернациональные компоненты оказываются, таким образом, непосредственно включенными в процессы номинации и слово-производства, происходящие уже собственно на славянской почве, что дало основание лингвистам охарактеризовать подобные образования как «наиболее характерное проявление интернационализации словообразовательных систем современных славянских языков» [1, с. 59].

Исходной базой появления и формирования класса гибридных слов с первыми интернациональными компонентами, бесспорно, следует признать терминологию, профессиональные языки. В связи с этим в лингвистической литературе (в частности, чехословацкой) долгое время преобладало мнение, что употребление терминологических элементов интернационального характера в составе гибридных образований ограничено лишь областью узко специальной лексики и профессионального сленга и не может стать средством номинации в литературном языке (см., например [2, с. 36—40; 3, с. 394]). Факты реального употребления и использования таких лексико-структурных единиц в текстах различных жанров, однако, ставят сегодня под сомнение данную точку зрения. Конечно, интернациональные элементы, выступающие в сочетаниях со славянскими основами, неоднородны по степени освоения, продуктивности, а главное, по их распределению в отдельных функциональных сферах. Часть из них продолжает оставаться принадлежностью сугубо терминологической лексики, и в этом случае сочетаемостные возможности таких элементов строго ограничены и регламентированы (ср., например, функционирующие в словацком языке терминологические элементы *amino-, ferro-, nitro-, hydro-, turbo-* и др.). В то же время возрастающее влияние терминологической лексики на общелитературную, тенденция пополнения словарного состава современных языков за счет слов-терминов приводят к тому, что и целый ряд терминологических элементов, в первую очередь интернациональных, постепенно преодолевает стилистическую ограниченность в употреблении и становится строительным материалом для производства одноструктурных типов образований, не носящих выраженной специализированной окраски. Об этом свидетельствует широкое использование, например, в словацком языке, словообразовательных моделей с интернациональными компонентами в качестве способа номинации самого широкого круга явлений: действий и процессов (*elektroliečba, stereopremietanie, autoprevoz*), различных механизмов, устройств, приборов (*fotopuška, autonakladač, energozbierač*), бытовых предметов (*radioprijímač, elektrovarič, stereoprístroj*), названий лиц по профессиональной принадлежности (*autodopravca, elektrozámočník*) и др. Удобство таких моделей, их регулярность, строгая формальная и семантическая упорядоченность в соотношении составных компонентов обеспечила широкое распространение гибридных слов не только в научных и научно-популярных текстах, но и в газетном, публицистическом стилях, в языке периодической печати. В результате нередко бывает трудно определить принадлежность того или иного новообразования к специальному или «неспециальному» стилю. Многочисленные примеры таких образований, встре-

чающихся за пределами узкоспециальных текстов, могут вовсе не являться словесным оформлением новых понятий, а выступают в качестве стилистически маркированных синонимов уже имеющихся в языке слов или словосочетаний или же как более экономичные их заменители. Все это создает предпосылки для проникновения слов, включающих в свой состав интернациональные компоненты, в общелитературную лексику. Степень освоения отдельных препозитивных элементов и соответствующих словообразовательных моделей литературным языком различна, однако сам факт такого освоения является свидетельством общего процесса демократизации литературных языков, проявляющейся, в частности, и «в более широкой сочетаемости элементов разных стилей в пределах одного слова» [4, с. 20]. Особенно показательны в этом отношении случаи многочисленных окказиональных образований, встречающихся в газетных, публицистических и художественных текстах: ср. слцк. *fotozáhada*, *mikrozhovor*, *minibeseda*, *diskooblečenie*, *pseudovůčapník*, *videopreludu* и многие др.

С учетом сходства функционирующих в современных славянских языках гибридных образований с первыми интернациональными компонентами в лингвистической литературе предпринимались попытки выработать общие принципы характеристики и оценки их места в системе традиционных для славянских языков словообразовательных типов. Однако до сих пор в плане теоретической их трактовки как с формальной, так и с лексико-семантической стороны в науке не сложилось единого мнения. Наиболее спорной оказалась, пожалуй, самая многочисленная и продуктивная группа гибридных образований, где в качестве опорного компонента выступает самостоятельное слово (имя существительное). В общем виде, в соответствии с лексико-семантической функцией определяющего компонента в рамках этой группы можно выделить два типа образований:

I — конструкции, в которых первый (интернациональный) компонент выступает в роли своеобразного классификатора, относящего определяемое слово к определенному кругу наименований, объединяемых общим родовым признаком, ср. слцк. *autopotreby*, *elektropotreby*, *fotopotreby*, *autosúčiastka*, *motosúčiastka*, *motoslužba*, *rádioslužba* и др.

II — конструкции с первым (интернациональным) компонентом, выступающим в общеоценочной функции по отношению к определяемому слову, ср. слцк. *pseudoumenie*, *monočlánok*, *minipodmienky*, *kváziodborník*, *makroprostredie*, *mikroprostredie*, *minihodinky* и др.

В число препозитивных компонентов, представленных в данной группе гибридных образований, входят как элементы, возникшие в результате усечения производящего заимствованного слова (*bioplyn* ← *biologický plyn*, *autozvárač* ← *automatický zvárač*, *stereo-zvuk* ← *stereofonický zvuk* и др.), так и элементы, не связанные с собственно усечением, а возникшие путем отвлечения из состава заимствований (*aero-*; *hydro-*; *mono-*; *pseudo-* и др.).

Существующие разногласия в оценке места таких конструкций в словообразовательных системах славянских языков касаются именно подхода к рассмотрению морфолого-грамматического, лексико-грамматического и словообразовательного статуса интернациональных компонентов в их составе. Об этом свидетельствует прежде всего довольно сильный разбой в терминологическом обозначении данных единиц. В современной лингвистической литературе встречаются такие их обозначения, как «префиксоиды», «морфемы, приближающиеся к аффиксальным», «квази—префиксы», «агглютинативные элементы», «прилагательные морфемы», «терминоэлементы», «аналитические прилагательные», «связанные компоненты сложений» и т. д. Одна из причин подобного многообразия терминов коренится, вероятно, в нечеткости разграничения синхронного и генетического анализа. С другой стороны, здесь сказывается и отсутствие единого взгляда на проблему сложного слова. Приведем лишь некоторые, наиболее характерные примеры встречающихся трактовок.

Согласно одной из существующих точек зрения, указанные корневые морфемы с атрибутивным значением рассматриваются как один из типов префиксальных морфем или морфем, приближающихся к префиксальным. Так, например, А. Загородникова, анализируя данный класс новообразований на материале современного польского языка, считает, что коль скоро интернациональные словоэлементы, представленные в них, были заимствованы польским языком в составе иноязычных слов, из которых они впоследствии выделились, т. е. заимствованы флективно, то при отсутствии мотивированности самостоятельным словом они могут рассцениваться как словообразовательные форманты, т. е. префиксы [5, с. 59]. К аналогичному выводу приходит и чехословацкая исследовательница О. Мартинцова. Исходя из критерия соотносительности/несоотносительности сложного слова с мотивирующим словосочетанием, она подразделяет гибридные образования с первыми интернациональными морфемами на мотивированные и «механические» (т. е. аналогические). В последних, по ее мнению, продуктивность иноязычных корневых компонентов, в силу их формальной и семантической роли по отношению к определяемому слову, ограничена чисто словообразовательной функцией (например, чешск. *kinoherec*, *hydrotěžba*, *fotoobchod*, *elektrovod*, *mikrosvět* и др.), что приближает такие образования к разряду аффиксальных [6, с. 183]. Другие исследователи, основываясь на частотность и стандартность значения препозитивных элементов интернационального характера, считают данный способ образования промежуточным между словосложением и префиксацией [1, с. 62; 7, с. 475]. Обычно подобная точка зрения рассматривается в контексте общей проблематики, связанной с превращением знаменательных морфем в аффиксы или полуаффиксы, [8, с. 47 и сл.]. Однако применительно к данному типу морфем нельзя не учитывать, что все они, несмотря на словообразовательную активность соответствующих моделей, продолжают сохранять свое исходное реально-вещественное значение. Своеобразие, например, усеченных элементов, как отмечал Г. О. Винокур, заключается в том, что они «являются лишь частью „нормального“ слова, но несут все же полное материальное значение тех слов, из которых они выделены» [9, с. 126]. В случае интернациональных усеченных словоэлементов это обстоятельство особенно важно, так как само по себе усечение здесь носит, так сказать, межъязыковой характер, что сохраняет за ними закрепленность данного конкретного значения. Поэтому апелляция к высокой словообразовательной активности таких элементов еще не может служить достаточным основанием для отнесения их к категории словообразовательных формантов или полуаффиксов, хотя их активность и повторяемость может приближаться (в количественном отношении) к аффиксальной. То же относится и к вопросу о позиционной закрепленности этих морфем. Природа их закрепленности иная, чем у аффиксов, она скорее синтаксическая, чем структурная: в препозиции оказывается определяющий член конструкции, а в постпозиции — определяемый. В свою очередь, выделение в классе гибридных слов группы так называемых «механических» образований, не мотивированных синтаксическим оборотом, также не доказывает их принадлежность к префиксальным дериватам. Сам факт серийного производства аналогических образований по исходному образцу — модели говорит не столько о потере корневыми препозитивными элементами знаменательности, сколько о росте продуктивности данной словообразовательной модели.

В соответствии с более традиционным взглядом, сложившимся в современной лингвистической науке и представленным прежде всего в грамматиках и словарях славянских языков, рассматриваемый класс образований причисляется к разряду словосложений определительного типа. С нашей точки зрения, такой подход в большей степени отражает природу структурной и лексико-семантической связи между составляющими компонентами этих инноваций. Однако следует отметить, что практически все существующие классификации данного типа сложений строятся на основании генетических связей интернациональных морфем,

их происхождения, что мешает выявлению их новых связей, возникших в процессе освоения тех или иных моделей. Так, например, в грамматиках русского языка в рамках этого типа принято выделять образования со связанными первыми элементами (такими, как *авто-*, синонимичным морфеме *само-*, *гидро-* в значении 'относящийся к воде', *видео-* 'относящийся к передаче изображения на расстоянии', *квази-* 'мнимый, ложный', *мини-* 'маленький, осуществляемый в малых размерах' и др.) и образования с первым компонентом — усеченной основой (например, *авиа-* от *авиация*, *авиационный*, *авто-* от *автомобиль*, *автомобильный*, *авто-* от *автоматический*, *космо-* от *космос*, *космический* и др.) [10, с. 243—244]. При этом очевидно, что с синхронной точки зрения степень связанности интернациональных элементов внутри первой группы образований сильно различается, ср. *автобиография*, *изолиния*, *геомагнетизм*, с одной стороны, и *мини-рецензия*, *псевдонаучный*, *видеокассета*, — с другой. Фразеологичной связанности компонентов в трех первых случаях явно противостоит характер связи, наблюдаемый в трех последних примерах, приближающихся к свободным нефразеологичным сочетаниям (см. ниже).

Словосложения с первыми интернациональными элементами часто классифицируют и на основе критерия соотношенности/несоотношенности с мотивирующим синтаксическим комплексом [6; 11]. Данный принцип разграничения таких сложений, и в первую очередь гибридных, обосновывается тем, что многие из них функционируют в современных славянских языках параллельно с синонимичными словосочетаниями, представляющими собой двучленную конструкцию: «согласованное определение + определяемое существительное», ср. слзк. *autodoprava* = *automobilová doprava*, *elektropotreby* = *elektrotechnické potreby*, *veloplášť* = *velocipédový plášť* и т. п. Выявление подобных соотносительных пар, как принцип классификации гибридных сложений вряд ли, однако, можно признать продуктивным. Безусловно, распространение однословных конструкций с усеченными первыми компонентами тесно связано с общей тенденцией к универбизации, выбору более экономичных средств выражения. На это справедливо указывал в одной из первых статей, посвященных данному типу образований, чешский лингвист М. Гелцл, говоря о том, что «образование новых слов с помощью гибридизации используется при назывании там, где говорящий хочет назвать явление, сложное уже в самом своем семантическом единстве, однословной конструкцией» [2, с. 34]. Однако факт наличия в языке эквивалентных многословных и однословных групп наименований не следует смешивать с вопросом словообразовательной мотивированности. В процессе освоения и роста регулярности моделей гибридных слов происходит накопление все большего числа единиц, не связанных с собственно конденсацией синтаксических сочетаний и представляющих собой чисто аналогические образования. Аналогия, воспроизводство одноструктурных соединений по определенным моделям — главная отличительная особенность способа образования гибридных сложений, где фактор соотносимости с эквивалентным словосочетанием играет второстепенную роль. Возникшие уже на собственной основе, по аналогии, а не на базе сокращения, такие конструкции, по верному замечанию Л. В. Воронцовой, «только могли бы быть трансформированы в определенного типа сочетания» [12, с. 101]. Добавим, что нередко подобные сочетания оказываются просто развернутыми описаниями слов, уже имеющих целостную словообразовательную и семантическую структуру, и не связаны с ними как производящее и производное. Усеченные морфемы, «вступая уже самостоятельно в более или менее длинные ряды соединений (что обусловлено в конечном итоге социальными факторами), образуют в результате целые серии только по виду сложносокращенных слов, в действительности не имеющих за собой реально сокращаемых сочетаний» [12, с. 101]. Характерной особенностью таких образований является также и то, что, выступая в функции классификатора, интернациональные элементы в их составе определяют значение опорного

слова лишь в общем виде, категориально, в результате чего фактическое смысловое наполнение того или иного сложения в целом иногда трудно угадывается вне контекста. Так, например, слову *autoslužba* в словацком языке соответствует по крайней мере три возможных значения: 1) 'мастерская по ремонту автомобилей', 2) 'служба по транспортировке пассажиров', 3) 'служба, контролирующая движение автомобильного транспорта'. Таким образом, лексико-семантическая связь между классифицирующим и определяемым компонентами внутри слова оказывается сложнее, чем отношения предмета и признака и далеко не всегда выводима из самой структуры сложения. То же относится и к соединениям с неусеченными основами, ср. слцк. *hydrovosk* 'vosk rozpustný vo vode' (а не 'vodný vosk'), *elektroocel'* 'ocel' vyrobená v oblúčkovej alebo indukčnej oceliarkej peci' (а не 'elektrická ocel') и т. д.

При анализе образований с интернациональными компонентами как разновидности сложных слов возникает и вопрос о категориальной принадлежности этих компонентов, т. е. вопрос о том, какую часть речи они замещают в составе сложений. Ввиду отсутствия у них морфолого-грамматических признаков эта проблема решается исследователями по-разному. Некоторые, отмечая сходство образований с интернациональными классифицирующими морфемами и сложными словами со славянскими субстантивными основами в препозиции (ср. слцк. *drevopriemysel*, *vzduchotechnik* и т. п.), по аналогии рассматривают эти морфемы как субстантивные. Так, например, Вл. Шмилауэр относит гибридные сложения, представленные в современном чешском языке, к традиционному типу «*zeměluč*» [13, с. 99—100]. Другие исследователи считают, что такие морфемы совмещают в себе признаки и субстантивных, и атрибутивных основ, что проявляется в возможности их двойной мотивации в составе сложений, ср. слцк. *auto-* от *automobil* или *automobilový*, *elektro-* от *elektrina* или *elektrický* и т. п. В связи с этим Вл. Мейстрик, например, характеризует сложения с компонентами типа *energo-*, *hydro-*, *servo-* и другими как промежуточный тип образований, стоящий на стыке двух чешских типов «*vzducholod'*» и «*maloměsto*» [11, с. 9—10]. Чаще всего в разряде субстантивных элементов сложных слов рассматриваются те морфемы, которым соответствуют имена существительные, возникшие в результате лексикализации этих морфем, ср. слцк. *auto*, *foto*, *kino*, *rádio*, русск. *авто*, *кино*, *радио*, *фото* [11, с. 9—10; 14, с. 87].

Особого внимания заслуживает точка зрения, согласно которой интернациональные компоненты (как с категориальным, так и с общеоценивающим значением) классифицируются как отдельный тип «прилагательных морфем», отличающихся постоянством и стандарстностью значения в соединениях с определяемыми существительными. При этом отмечается, что в результате постепенного накопления в языке таких определительных конструкций наиболее продуктивные из «прилагательных морфем» получают возможность вступать во все более многочисленные, фразеологически не связанные сочетания, а тем самым приобретают основной признак слова [4, с. 289]. Взаимодействие количественных и качественных показателей (незамкнутость ряда сочетаний, образованных по данной модели, и самостоятельность лексического значения) предопределяет и изменение внутренней структуры таких элементов, что приводит к превращению их из морфем, отрезков слов в слова, ср. в русском языке сочетания *аэроклуб*, *автокросс*, *авиабензин*, *агротехника*, *велопробег*, *гидродобыча*, *мотогонка*, *телеэкрэн*, *электропроводка*, *микророман*, *монопьеса* и многие др. Последовательное обоснование этой точки зрения закономерно приводит ее сторонников к выводу о том, что подобные соединения являются уже не сочетаниями морфем в пределах слова, а свободными сочетаниями слов, где отнесенность определяющего слова к определяемому выражается «простым примыканием, аналитически» [4, с. 289 и сл.]. В свою очередь, атрибутивная функция этих слов позволяет отнести их к разряду прилагательных. Рассмотрение такого рода аналитических определителей именно в ка-

честве имен прилагательных, как считает М. В. Панов, целесообразно и оправдано потому, что «их объединяет такой признак: они все неизбежно присуществительны, т. е. указывают на признак предмета» [15, с. 251]. Непризнание за этими единицами новых и прочных связей, выделяющих их в новый грамматический класс аналитических прилагательных, объясняется, с его точки зрения, главным образом тем, что «сознание многих языковедов агрессивно диахронично...», «мешает неумение разграничивать синхронную и диахронную» [15, с. 252]. Данный подход представляется перспективным прежде всего потому, что он выявляет одно из существенных свойств определительных интернациональных элементов, обнаруживаемых ими в процессе функционирования, — тенденцию к структурной и лексико-семантической автономии. Этот процесс можно наблюдать сегодня не только в русском, но и в других славянских языках, хотя в них и нет такого разнообразия форм аналитических (неинтернациональных) прилагательных, как в русском языке¹. Аналогичная тенденция затрагивает, например, целый ряд интернациональных морфем в словацком языке, прежде всего такие, как *auto*₁₋, *elektro*₁₋, *foto*₁₋, *rádio*₁₋, соединяемые с которыми насчитывают десятки, а иногда и сотни (с *auto*₁₋) единиц; кваггитативные элементы *mikro*- и *mini*- (в значении 'malý, krátky'), на самостоятельный статус которых указывает и их синтаксическая функция, ср. *minisukňa — moderná sukňa, mikrozhovor — krátky, krátkodobý rozhovor* и т. п. В случаях изолированного употребления некоторые из этих элементов могут выступать в функции субстантивов, омонимичных соответствующим определительным морфемам: *Kúpila si mini; Dostal si stereo* (в разговорной речи), *Kúpíte moto* Руну́т (в рекламе) и т. п. Характерны также случаи раздельного написания определительного элемента: *stereo program, stereo nahrávka, stereo vysielanie* и другие, что свидетельствует о сознательном обособлении первого члена подобных конструкций, т. е. об осмыслении его в качестве самостоятельного слова — неизменяемого прилагательного.

Конечно, вопрос об изменении внутренней структуры той или иной «прилагательной морфемы», о том, является ли она атрибутивным компонентом в составе сложения или может быть отнесена к разряду аналитических прилагательных, должен решаться с учетом реального функционирования каждой модели в отдельности. Важно также иметь в виду, что судьба отдельных интернациональных элементов и соответствующих гибридных моделей и их фактическая употребительность неоднородны по языкам. Так, например, в словацком языке, по данным периодической печати последних лет, практически не представлены примеры конструкций с компонентом *tele*- (в значении 'относящийся к телевидению'). Характерно, что даже в тех случаях, где вероятнее всего было бы ожидать употребление более экономичной однословной конструкции (в газетных заметках, программе телевидения и т. п.), мы встречаемся с использованием двусловного сочетания с прилагательным *televízny*: *televízny program, televízne vysielanie, televízna kamera, televízna hra, televízna vysielacia, televízny prijímač, televízny seriál, televízny divák, televízna obrazovka, televízne noviny*. Как известно, в русском языке в тех же позициях модель с элементом *теле*- отличается высокой активностью как в письменном, так и в устном употреблении (ср. *телевещание, телепередача, телепрограмма, телеспектакль, тележурнал, телестудия, телерепортаж, телепреьера, телеэкран* и т. д.). Сходная ситуация наблюдается и с функционированием модели с элементом *кино*- в значении 'относящийся к кинематографии'. Если в русском языке эта модель стала основным (если не единственным) средством для обозначения понятий данного лексического ряда (ср. *кинофильм, киноактер, кинозритель, кинокамера, кинопрокат, киноприложение, киножурнал, кинороман, киноискусство, кинокритика, кинолента* и т. д.), то в словацком и чешском языках функционирование модели с элементом «кино-» огра-

¹ М. В. Панов выделяет в русском языке 19 групп различных по происхождению аналитических прилагательных [15, с. 241—250].

ничено лишь несколькими примерами: слцк. *kinoheres*, *kinohereška*, *kinohviezda*, *kinopredstavenie*. При этом в словарях и лингвистических работах данные образования оцпваются обычно как устаревшие (см., например, [11, с. 10; 16]). В подавляющем же большинстве случаев номинация явлений, связанных с кино, осуществляется посредством устойчивого оборота с препозитивным прилагательным *filmový*, практически вытеснившего конструкции с элементом *kino-*: ср. слцк. *filmová hviezda*, *filmové predstavenie*, *filmová súťaž*, *filmový herec* и т. д. Эти и некоторые другие факты неравномерного освоения отдельных моделей с интернациональными компонентами свидетельствуют о существующих различиях между продуктивной и репродуктивной способностью того или иного языка, между возможностями системы (само по себе распространение таких моделей в языке в структурно-словообразовательном плане не имеет ограничений) и их фактической реализацией в речи. Это лишний раз подтверждает тезис о том, что действие и реализация тех или иных общих процессов (как в разных языках, так и в пределах одного языка) всегда носит характер тенденции, а не строгой закономерности.

Как показывает краткий обзор представленных в исследованиях по славянским языкам принципов оценки лексико-структурных единиц, включающих в свой состав определительные интернациональные компоненты, характеристика их формального и лексико-семантического статуса варьирует в довольно широком диапазоне (от образований, близких к префиксальным дериватам, до свободных синтагматических сочетаний). Предельная агглютинативность первых компонентов таких конструкций оказалась для многих исследователей в какой-то мере камнем преткновения при определении места данного сравнительно нового средства выражения атрибутивных отношений в системе синтетических славянских языков. Отсутствие морфолого-грамматических показателей у этих элементов как бы лишает их семантической законченности и определенности, однако еще не свидетельствует о потере ими знаменательности. Об этом, в частности, говорит тождественность в значении, например, усеченных основ и тех исходных лексических единиц, с которыми они связаны генетически. Главным дифференцирующим признаком и критерием в анализе конкретных моделей, вероятно, должно быть разграничение по степени связанности отдельных морфем со славянскими основами и их словообразовательной активности, что позволит более четко выявить цельнооформленность одних конструкций (не только принадлежащих к разным моделям, но и в пределах одной модели) и относительную свободу сочетаемости элементов в других. В первом случае можно говорить о гибридных сложных образованиях, цельнооформленность которых подкрепляется, помимо единства лексико-семантического значения, также наличием гласной финали на стыке двух компонентов, выступающей в функции интерфикса. Что же касается сочетаний, в которых интернациональные элементы «претендуют» на статус самостоятельных лексических единиц, то для определения категориальной принадлежности этих элементов наиболее существенным следует признать выявление их синтаксических признаков, так как «за каждым разрядом в составе словосочетания или предложения исторически закреплена строго очерченный круг синтаксических значений и функций» [17, с. 12]. Как было показано, главной функцией интернациональных словоэлементов оказывается атрибутивная функция. Однако процесс оформления таких единиц в новый грамматический класс аналитических прилагательных нельзя считать равномерным. Значительная часть конструкций данного типа, даже в рамках одной модели, продолжает оставаться как бы на стыке словообразования (словосложений) и синтаксиса (словосочетаний). Поэтому в каждом отдельном случае этот вопрос будет решаться по-разному.

Анализ на материале конкретного языка позволит также более детально рассмотреть вопросы, связанные с избирательностью в сочетаемости отдельных интернациональных морфем с заимствованными и славянскими лексическими единицами и основами, с их продуктивностью,

развитием значения и др. В основе такого анализа, безусловно, должно лежать последовательное рассмотрение каждой модели в отдельности, с учетом ее реального функционирования в данном языке.

Сам факт распространения в современных славянских языках конструкций с агглютинативными определенительными компонентами интернационального характера, несмотря на то, что многие из них являются в большей степени фактом речи, нежели языка, служит наглядным примером взаимодействия различных морфологических систем, с одной стороны, и сближения терминологических средств и средств общелитературного языка — с другой.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Buttler D.* Innowacje leksykalne we współczesnej polszczyźnie i sąsiednich językach słowiańskich.— Poradnik językowy, 1984, zes. 2.
2. *Helcl M.* Hybridné složené slova jako elektromotor, autodoprava.— Naše řeč, 1951, čís. 1—2.
3. *Trávníček Fr.* Mluvnice spisovné češtiny 1. Praha, 1951.
4. Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968.
5. *Zagrobnikowa A.* Nowe wyrazy i wyrażenia w prasie. Kraków, 1982.
6. *Martincová O.* Tzv. hybridní složeniny jako lexikální inovace.— Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, rocz. 13, 1974.
7. *Zduvický T.* Wyrazy złożone czy derywaty prefiksalne?— Poradnik językowy, 1982, zes. 7.
8. *Maliková M. O.* K otázke vymedzenia zložených slov a frekventovaných prvých a druhých častí zloženín.— In: Studie z porovnávej gramatiky a lexikológie. Bratislava, 1974.
9. *Винокур Г. О.* Культура языка. Изд. 2-е. М., 1929.
10. Русская грамматика. Т. I. М., 1980.
11. *Mejstřík V.* Tzv. hybridní složeniny a jejich stylová platnost.— Naše řeč, 1965, čís. 1.
12. *Воронцова Л. В.* Процесс развития морфологических элементов, стоящих на грани морфемы и слова.— В кн.: Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.
13. *Smilauer Vl.* Novočeské tvoření slov. Praha, 1971.
14. *Лазутова Е. Н.* Образования сложных слов на базе несклоняемых имен существительных с гласными финалями.— В кн.: Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1978.
15. *Панов М. В.* Об аналитических прилагательных.— В кн.: Фонетика. Фонология. Грамматика. (К 70-летию А. А. Реформатского). М., 1971.
16. *Slovník slovenského jazyka*, 1—3. Bratislava, 1959—1963.
17. *Арутюнян В. Н.* Неизменяемые прилагательные в современном русском языке (на материале заимствованных слов). АКД. Баку, 1983.

ЮГОСЛАВСКАЯ ПАЛЕОСЛАВИСТИКА

Несомненно, основополагающей задачей палеославистики как комплекса наук, занимающихся древней письменной культурой славян (палеография, инкунабулистика, кодикология и другие, которые, в свою очередь, используют результаты таких научных дисциплин, как филигранология, орнаментология, текстология, история языка и т. д.) является собирание (регистрация) и описание древнего рукописного наследия, т. е. археографическая работа. Эта работа в последние два десятилетия заметно оживилась во всех славянских странах; обозначились и ее основные направления: всеохватывающее упорядоченное описание рукописей и разработка новых, более совершенных методов и приемов работы с рукописными памятниками.

Югославские исследователи в послевоенный период одними из первых приступили к систематическому выявлению и описанию кириллических рукописей и поискам новых методологий обработки материала, достигнув важных результатов, которыми пользуются специалисты в других странах. Развитие археографических исследований в Югославии связано прежде всего с именем Владимира Алексеевича Мошина (1894—1987), русского ученого, с 1924 г. работавшего в Югославии и получившего после войны советское гражданство.

В. А. Мошин был организатором трех основных центров археографических исследований в Югославии: в 1947 г. — в Загребе, в 1961 г. — в Белграде в Народной библиотеке и в 1967 г. в Скопье, где им были выращены высококвалифицированные кадры национальных археографов, среди них выдающийся ученик В. А. Мошина — академик Димитрий Богданович (1930—1986), возглавлявший с 1968 г. работу по составлению генерального каталога, изучению и описанию южнославянских кириллических рукописей, хранящихся в Югославии и за рубежом [1—5]. Именно усилиями В. А. Мошина были определены и начали успешно разрабатываться основные направления югославской палеославистики. Им были созданы, начиная с пятидесятых годов, такие фундаментальные труды, как описание и палеографический альбом кириллических рукописей Югославянский академии [6], альбомы водяных знаков [7; 8], палеографический альбом южнославянского кириллического письма [9], описания важнейших рукописных собраний Боснии и Герцеговины, монастыря Грачаницы, Печской Патриархии, Македонии, Хорватии и Любляны [10—14] и др. В. А. Мошин занимался и монографическим изданием древнеславянских рукописных памятников [15; 16]. В последний период своей деятельности В. А. Мошин возглавлял регулярное издание македонских средневековых памятников делового письма [17].

В процессе этого огромного поискового, описательского и издательского труда В. А. Мошиным был разработан целый ряд теоретических и методологических посылок, открывших новые, более четкие принципы датировки, локализации и атрибуции рукописных памятников. Так,

значительное увеличение объема информации по водяным знакам и применение новой методики работы с ними дали В. А. Мошину и его ученикам надежное орудие для максимально точной (до четверти века) датировки бумажных рукописей [18]. Им была проведена передатировка всех старых южнославянских рукописей (см. например, [19]). Для пергаменных рукописей (как, впрочем, и бумажных) В. А. Мошиным были с успехом применены разработки по морфологии письма, т. е. по особенностям начертания отдельных букв и их элементов прослеживалась не только эволюция письма, но определялась хронологическая привязанность типов письма [20; 21]; при этом важный опорный материал В. А. Мошин нашел в эпиграфических памятниках, никогда до того для этой цели не привлекавшихся [22].

В. А. Мошин стимулировал развитие и таких немаловажных для всестороннего изучения рукописей дисциплин, как орнаменталистика [23] и иллюминация [24], а также впервые обратил пристальное внимание на надстрочные знаки как сигнальные системы при определении известных писцовых школ, диалектной принадлежности памятника (если надстрочными значками отмечено ударение), чем оказал важную услугу специалистам по славянской исторической акцентологии.

Обширные византологические познания В. А. Мошина определили пути изучения влияния византийской книжной традиции на славянскую письменную культуру [25; 26]. Важными оказались также аспекты межславянских культурно-письменных связей, особенно южнославяно-русских [27]. Внимание В. А. Мошина к текстологическим исследованиям открыло несколько направлений изучения рукописного наследия: эволюция жанров в древнеславянской литературе, выявление релевантных признаков для хронологической атрибуции текстов и др. Эти последние области были блестяще разработаны учеником и последователем В. А. Мошина Д. Богдановичем, который сформулировал и воплотил в своих исследованиях отношение к рукописному наследию как к собранию литературных текстов, что открыло новые возможности объяснению места и функций рукописных памятников в культурно-исторической жизни средневекового общества [28; 29]. Специальное изучение текстологических аспектов отдельных жанров средневековой литературы обеспечивало дополнительные опорные элементы при датировке текстов. Особенно подробно Д. Богданович разработал текстологические основы хронологической атрибуции юридических памятников [30] (следует отметить два осуществленных в Югославии ценнейших издания основного юридического памятника средневековой Сербии — Законника Стефана Душана, известного в нескольких списках [31; 32]).

Наиболее важные достижения югославской палеославистики за тридцать лет нашли практическое воплощение в фундаментальном труде Д. Богдановича — описании собрания кириллических рукописей афонского Хиландарского монастыря [33]. В результате фронтального кодикологического изучения всего рукописного фонда Хиландарской библиотеки (насчитывающего около 900 рукописей XII — начала XX в.) Д. Богданович получил материал, не только уточняющий данные о конкретных текстах и помогающий воссоздать историю одного из древнейших собраний рукописных памятников, но значительно дополняющий общую картину сербской средневековой культуры в контексте греко-славянского культурного симбиоза. Важно отметить, что Богданович в своем исследовании опирался на идеи советских ученых — академиков А. С. Орлова, Д. С. Лихачева и их последователей Я. С. Лурье, Л. А. Дмитриева, А. М. Панченко¹. В описании проведено два основных принципа: четкое кодикологическое выделение групп рукописей по хронологическим и текстологическим признакам, с одной стороны, объедине-

¹ См. рецензию на «Каталог» Д. Богдановича [34]. Отметим также влияние на Д. Богдановича трудов Д. С. Лихачева по текстологии и поэтике древнерусской литературы (книга «Поэтика древнерусской литературы» была переведена им на сербохорватский язык).

ние (если таковое возможно) и последовательное расположение их по историко-литературной структуре текстов — с другой. Предельная краткость в подаче материала, продиктованная каталожным типом описания, скрывает ту гигантскую текстологическую работу, которую проделал Д. Богданович. Детально разработанные и выделенные им релевантные особенности, сообщающие о большей или меньшей древности текста, новой редакции и т. п., содержатся прежде всего в принципе и последовательности подачи памятников всех жанров. Важные сведения и разнообразную информацию, которая может служить путеводной в дальнейших историко-культурных исследованиях сербского средневековья, читатель может почерпнуть из приводимых указателей — писцов, личных имен и географических названий (из приписок), индексов содержания по жанрам, языка рукописей (сербский, русский и т. д.), хронологического указателя. Для палеографического альбома тщательно отобрано 250 текстов, являющихся наиболее характерными представителями определенных хронологических периодов и типов письма. Труд Д. Богдановича, основанный на тщательно разработанной научной концепции и четких методологических принципах, намного превзошел те задачи, которые обычно решали составители каталогов древних рукописей, он дал науке новый, совершенный тип описания.

Народная библиотека Сербии в Белграде, ее археографический отдел, основанный в 1961 г. В. А. Мошиным, руководимый затем (с 1968 по 1974 г.) Д. Богдановичем и теперь Иреной Грицкат, явились аккумулятором и проводником всех важнейших результатов палеославистических исследований, и прежде всего идей В. А. Мошина и Д. Богдановича. Более чем двадцатилетний труд сотрудников этого отдела увенчан выходом в свет в минувшем году «Описания кириллических рукописей Народной библиотеки Сербии» [35]. Возраст данного собрания рукописей невелик (его начало было положено в 1942 г.), число памятников (XIII—XIX вв.) тоже небольшое — 180 единиц. Гетерогенный его характер объясняется тем, что оно собиралось после гибели (в результате бомбежки Белграда в апреле 1941 г.) старого богатейшего собрания этой библиотеки.

Описатели этого собрания использовали весь положительный опыт археографической работы в области палеографии, филигранологии, текстологии и лингвистики. Их способ подачи материала (при той же схеме описания: шифр, название, состояние рукописи, писец, место и время написания, письмо, язык, иллюминация, переплет, содержание, записи, внешняя история, литература о памятнике) отличается от того, что видим у Д. Богдановича в Хиландарском каталоге. Хотя в основу этого описания положен тот же принцип кодикологического подхода к рукописям (кодикология, рассматривающая рукопись как единое целое с ее индивидуальными особенностями и своей судьбой — в соотношении с другими рукописями в рамках собраний, библиотек, архивов и т. д., выделилась как отдельная дисциплина сравнительно недавно), но составители из Народной библиотеки приняли более пространную форму описания каждой рукописи. Проведенные по каждому памятнику основательные исследования с привлечением материала всех известных югославянских рукописей, находящихся в Югославии и за рубежом, включают новые в сравнении с традиционными описаниями разделы и по-новому разрабатывают привычные аспекты. Так, характеристика орфографических особенностей каждой рукописи дается не только в рамках отдельного текста, но шире — привлекаются к сравнению рукописи с аналогичным или близким правописанием. Описание орфографических норм дается с выделением зетско-хумского, рапского (раннерапского, звятосавского и нормированного рапского) и ресавского (раннересавского, ресавского и позднересавского) типов правописания. Впервые фиксировались и кратко описывались надстрочные знаки. По экономной схеме приводится описание языковых особенностей, охватывающее основные фонетические и морфологические характеристики каждого памятника. В этом проявилось направление, разрабатываемое под руководством

И. Грицкат, крупнейшего исследователя языка древнеславянских текстов. Подробно описано содержание рукописей, причем были выработаны принципы такого описания для каждого жанра и вида памятника.

Тщательно проанализированы филигранные рукописи. И здесь выход за пределы одного текста открыл новые возможности получения сведений по истории и происхождению рукописей, возможность обнаружения частей разрозненной рукописи и рукописей одной скриптории, а также получения новых данных по истории бумажного дела в средневековой Сербии. Эта работа была проделана М. Грозданович-Паич и представлена в книге альбомом водяных знаков и обобщающим текстом (с. 417—470). Правда, отказ от хронологической подачи водяных знаков и расположение их в соответствии с алфавитным порядком наименований филиграней кажется менее удобным для читателя.

Описание каждой рукописи завершается кратким изложением ее внешней истории и списком имеющейся литературы по данному памятнику — это, как правило, статьи сотрудников археографического отдела, содержащие результаты их работы над собранием в течение многих лет. Описание рукописей Народной библиотеки Сербии снабжено важными и весьма полезными указателями, которые сделаны по образцу тех, что имеются у Богдановича в его Хиландарском каталоге (см. выше).

Итак, успехи югославской палеославистики связаны прежде всего с использованием метода «...проф. В. Мошина, который представляет собой разработку и применение методологических основ великих русских палеографов — Щепкина, Карского и Кульбакина...» [2, с. 363]. Метод описания рукописного наследия покоится на следующем принципе: описание должно быть таким, чтобы различные специалисты, для которых рукопись является предметом исследования, нашли в нем необходимые для них сведения. В этом и состоит главное содержание работы югославских археографов.

В заключение отметим, что в Югославии, кроме давних периодических изданий, в которых помещаются работы археографов, таких как «Библиотекар» (Друштво библиотекара Србије, Београд), «Slovo» и «Radovi» (Старославянский Институт в Загребе) и др., с 1979 г. стал выходить специальный ежегодник под редакцией А. Младеновича «Археографски приloзи» («Археографические исследования»), где публикуются результаты научных исследований не только югославских, но и зарубежных исследователей. Определился состав этого издания: обычно каждый выпуск включает три—четыре раздела: I. Статьи и исследования; II. Хроника; III. Рецензии и аннотации; IV. Археографические вести. В вышедших за эти годы восьми выпусках было опубликовано немало интересных работ об отдельных памятниках (В. А. Мошин о Новгородских листках и Остромировом евангелии — вып. 5, 1983), исследования по филигранологии (М. Грозданович-Паич — вып. 4, 1982; вып. 6—7, 1984—1985), текстологии (Б. Йованович-Стипчевич — вып. 3, 1981), по изучению древней лексики (Г. Йованович — вып. 2, 1980), морфологии (Д. Трибоевич — там же), фонетики (Л. Штавлинин-Джорджевич — вып. 3, 1981), о старых писцах и писцовых школах (Л. Цернич, А. Младенович и Л. Штавлинин-Джорджевич — вып. 4, 1983). Отметим исследования Л. Васильева (вып. 6—7, 1984—1985), Д. Богдановича (вып. 1, 1979), А. Младеновича (вып. 6—7, 1984—1985), Дж. Трифуновича (вып. 3, 1981) и других по важным теоретическо-методологическим проблемам археографии. Были отрецензированы советские издания: каталог книг XV—XVII вв. из собрания Государственной Публичной библиотеки Ленинграда (сост. В. И. Лукьяненко) и описание Я. Н. Щапова восточнославянских и южнославянских рукописей из хранилищ ПНР (вып. 2 1980).

ЛИТЕРАТУРА

1. Mošin V. Pitanje generalnog kataloga južnoslavenskih rukopisa.— In: Zbornik u čast Stjepana Ivšića. Zagreb, 1963, s. 271—279.
2. Богдановић Д. Метод описа рукописа у Археографском одељењу Народне библиотеке СР Србије у Београду.— Библиотекар, XX. Београд, 1968, с. 361—390

3. *Богдановић Д.* Ђирилска палеографија и кодикологија у Југославији.— Археографски прилози, 1, 1979, с. 39—44.
4. *Богдановић Д.* Археографски пројекти у Србији.— Археографски прилози, 3, 1981, с. 351—360.
5. *Богдановић Д.* Инвентар ћирилских рукописа у Југославији (XI—XVII век) (Зборник за историју, језик и књижевност српског народа, I, одељење, књ. XXXI).— Београд, 1982, X + 289 с.
6. *Mošin V.* Ćirilski rukopisi Jugoslavenske akademije. I dio. Opis rukopisa. Zagreb, 1955, 257 s.; II dio. Reprodukciје. Zagreb, 1952, 149 s.
7. *Mošin V., Traljić S.* Filigranes des XIII-e et XIV-e siècles. т. I—II. Zagreb, 1957, 173 p. + 854 tabl.
8. *Mošin V., Grozdanović-Pajić M.* Agneau pascal (Albums des filigranes. I. Editions.). Belgrade, 1967, 62 p. + 56 tabl.
9. *Мошин В.* Палеографски албум на јужнословенското кирилско писмо. Скопје, 1966, 164 с.
10. *Mošin V., Traljić S.* Ćirilski spomenici u Bosni i Hercegovini.— Naše starine, VI. Sarajevo, 1959, s. 63—104.
11. *Мошин В.* Рукопис манастира Грачанице.— Старине Косова и Метохије, књ. I. Приштина, 1961, с. 17—84.
12. *Мошин В.* Рукописи Пећке патријаршије.— Старине Косова и Метохије, књ. IV—V. Приштина, 1968—1971, с. 5—136.
13. *Мошин В.* Словенски ракописи во Македонија. Т. I—II. Скопје, 1971, 429 с. + 174 табл.
14. *Мошин В.* Ђирилски рукописи у Повијесном музеју у Хрватске. Копитарева збирка словенских рукописа и Цојсов ћирилски одломак у Љубљани (Опис јужнословенских ћирилских рукописа, т. I. 1—2. Београд, 1971, VII + 209 с., 12 с. + 202 табл.
15. *Мошин В.* Македонско евангелие на поп Јована. Скопје, 1954, 515 с.
16. *Мошин В.* Житије краља Милутина према архиепископу Давиду II и Милутиновој повели — аутобиографији.— САНУ, Зборник историје књижевности, књ. 10. Београд, 1976, с. 101—136.
17. Архив на Македонија. Споменници за средновековната и поновата историја на Македонија. Т. I—V. Скопје, 1975—1985.
18. *Mošin V.* Filigranologija kao pomoćna historijska nauka.— Zbornik Historijskog instituta Jugoslavenske akademije, I. Zagreb, 1954, s. 25—93.
19. *Mošin V.* К датировке рукописей из собрания А. Ф. Гильфердинга Государственной публичной библиотеки.— ТОДРЛ, XV. М.—Л., 1958, с. 409—417.
20. *Mošin V.* Metodološke bilješke o tipovima pisma u ćirilici.— Slovo, XV—XVI. Zagreb, 1965, s. 150—182.
21. *Mošin V.* Палеографско-правописне нормe за јужнословенске рукописе пергаментног раздобља.— В кн.: Симиојум 1100-годишнина од смртта на Кирил Солунски. 2. Скопје, 1970, с. 229—237.
22. *Mošin V.* Најстара кирилска епиграфика.— Словенска писменост. 1050-годишнина на Климент Охридски. Охрид, 1966, с. 34—44.
23. *Mošin V.* Ornament južnoslovenskih rukopisa XI—XIII vijeka: ornamentika staroslovenskih rukopisa i teratološki ornament.— Radovi Naučnog društva Bosne i Hercegovine, VII. Sarajevo, 1957, s. 1—79.
24. *Mošin V.* Minijatura ćirilskih rukopisa.— In: Minijatura u Jugoslaviji. Zagreb, 1964, s. 33—38.
25. *Mošin V.* А Русские на Афоне и русско-византийские отношения в XI—XII веке.— Byzantinoslavica, IX. Praha, 1947, p. 54—85, XI, 1950, p. 75.
26. *Богдановић Д.* Византијски књижевни канон у српским службама средњег века.— В кн.: Србљаку. Београд, 1970, с. 95—125.
27. *Мошин В.* К вопросу о периодизации русско-южнославянских литературных связей в X—XV вв.— ТОДРЛ, XIX. М.—Л., 1965, с. 28—106.
28. *Богдановић Д.* Развој жанрова у српској књижевности XIII века.— Богословље, н. с. 22 (37). Београд, 1981, св. 1—2, с. 67—74.
29. *Богдановић Д.* Историја старе српске књижевности. Београд, 1980, VII + 311 с.
30. *Богдановић Д.* Текстолошко изучавање правних споменика средњовековне Србије.— В кн.: Текстологија средњовековних јужнословенских књижевности (САНУ. Научни скупови. X. Одељење језика и књижевности. 2). Београд, 1981, с. 49—64.
31. Законик цара Стефана Душана. Књ. I. Струшки и Атонски рукопис. Уредник М. Беговић. Београд, 1975, 272 с.
32. Законик цара Стефана Душана. Књ. II. Студенићки, Хиљандарски, Ходошки и Бистрички рукопис. Уредник М. Беговић. Београд, 1981, 299 с.
33. *Богдановић Д.* Каталог ћирилских рукописа манастира Хиљандара. Т. I—II. Београд, 1978, 324 с., 251 с.
34. *Јовановић-Ступчевић Б.* Зборник за филологију и лингвистику, XXIII/2. Нови Сад, 1980, с. 191.
35. *Штаљанин-Ђорђевић Љ., Гроздановић-Пајић М., Цернић Л.* Опис ћирилских рукописа Народне библиотеке Србије. Књ. I. (Опис јужнословенских ћирилских рукописа, т. II). Ред. Д. Богдановић и И. Грицкат. Београд, 1986, 470 с.

К 40-ЛЕТИЮ НАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ АН СССР

Институт славяноведения и балканистики АН СССР отметил в 1987 г. свое 40-летие. К этой дате была приурочена прошедшая в Москве 17—18 февраля 1987 г. Всесоюзная научная конференция «Комплексные проблемы славяноведения и балканистики. Состояние и перспективы исследований», организованная Научным советом по комплексным проблемам славяноведения и балканистики и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ). В ней приняли участие более 150 специалистов в области изучения истории, языков, культуры славянских и балканских народов (подробнее см. в «Рекомендациях» конференции).

Конференцию открыл директор Института акад. Д. Ф. Марков. Он подчеркнул значение исследований советских ученых по славяноведению и балканистике, отметив как наиболее значимые сравнительно-исторические, комплексные, междисциплинарные работы, а также разработку методологии и методики подобных трудов. Подчеркнув определенные достижения Института, Д. Ф. Марков указал и на нерешенные проблемы, выявляемые начавшейся в стране, в общественных науках перестройкой, призвал поставить заслон в научной работе устаревшим взглядам, компиляторству, описательности и т. п., содействовать притоку молодых сил в Институт; высказал пожелание об улучшении журнала «Советское славяноведение».

К участникам конференции обратился с приветствием академик-секретарь Отделения истории АН СССР С. Л. Тихвинский, поздравивший сотрудников ИСБ с юбилеем, вручивший адрес от Отделения истории и приветственную телеграмму Президиума АН СССР, подписанную акад. П. Н. Федосеевым. Оратор подчеркнул, что сейчас, в период ломки старых стереотипов, необходимо серьезно задуматься над стоящими перед наукой проблемами, творчески, инициативно подойти к решению насущных вопросов, преодолеть инерцию и апатию. Указал также на необходимость более углубленного и комплексного изучения проблем социального сотрудничества, всемерной популяризации научных достижений в нашей стране и за рубежом, раскрытия потенциалов творческой молодежи, улучшения координации научных работ, активной борьбы с идеологическими противниками.

Затем был заслушан доклад Д. Ф. Маркова и д-ра ист. наук В. Н. Виногоорова «Изучение истории и истории культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы в свете решений XXVII съезда КПСС». Исходя из установок партии о связях науки с актуальными проблемами нашего времени, коллективом института придается большое значение проведению комплексных исследований, поскольку проблемы общественного развития чрезвычайно сложны. ИСБ, отметили докладчики, в последнее время создал ряд крупных работ сравнительно-исторического плана,

в том числе об антифашистской освободительной борьбе и революциях 1940-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, о международных отношениях на Балканах, о развитии этнического самосознания славянских народов в период раннего средневековья, а также многотомное исследование о переходе от феодализма к капитализму. Высказано мнение о сохранении и расширении основных направлений в деятельности ИСБ, о повышении теоретического уровня, качества и эффективности исследований.

В дальнейшем доклады и сообщения на конференции были разделены на четыре тематические группы.

В первой группе (проблемы истории и истории культуры периода социализма) с докладом «Изучение актуальных проблем истории социалистического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы» выступил канд. ист. наук М. Н. Кузьмин. Докладчик дал ретроспективный обзор исследований по этой проблематике, выделив период с начала 70-х годов, когда в ИСБ стало заметно расширяться и углубляться изучение проблем социализма. Как отмечалось, в ходе работы над исследованиями социально-политических процессов, совершавшихся в странах региона в годы войны, в послевоенный период, а также в 60—70-е годы, были внесены существенные уточнения в периодизацию отдельных процессов. По самым сложным вопросам были организованы дискуссии. Среди актуальных научных задач двенадцатой пятилетки М. Н. Кузьмин назвал исследования социальной структуры социалистического общества, политической системы, системы культуры (в широком смысле), роли человеческого фактора и др.

Д-р ист. наук В. К. Волков в своем докладе проследил отражение в советской историографии процесса формирования мировой социалистической системы и международных отношений нового типа. На конкретных примерах докладчик показал степень изученности вопросов и критически охарактеризовал состояние исторических знаний в этой области; отметил негативные явления, влиявшие в 40—50-е годы на развитие науки. Укрепление теоретической базы исследований со второй половины 50-х годов не гарантировало, тем не менее, от ряда методологических ошибок (отождествление опыта СССР и европейских социалистических стран, понятий «мировая социалистическая система» и «коммунистическая формация», неверное определение начального этапа складывания мировой системы социализма и т. д.). Открытие советскими учеными в конце 60-х годов наличия двух рядов закономерностей развития социализма — как общественного строя и как мировой системы — не стало достоянием широкой исследовательской практики. По-прежнему в исторических трудах преобладают упрощенные взгляды и представления, отрицательно сказывается действие механизма торможения при внедрении научных открытий в историографических исследованиях. Докладчик подверг критике такие распространенные недостатки исторических трудов, как фактографичность, низкий теоретический уровень, замалчивание «неудобных» фактов, недостаточное использование архивных материалов. Изучение истории мировой социалистической системы и взаимных отношений между ее странами, подчеркнул В. К. Волков, необходимо для повышения уровня сотрудничества между ними на современном этапе.

В докладе канд. фил. наук М. Б. Ешича, посвященном рассмотрению итогов и актуальных задач исследований в области социалистической культуры, отмечалось, что Институтом в изучении этой проблематики сделаны первые, но очень важные шаги: разработана теоретическая основа исторических исследований культуры как единого целого и проведены первые системно-комплексные исследования развития культуры периода строительства основ социализма в европейских социалистических странах. Предстоит детально разработать методологию и методику исследований культуры социализма, проблемы культурной революции (содержание, периодизация). Необходимо учитывать двуединый характер культуры (духовное освоение действительности и духовное формирование людей), социокультурные изменения в обществе. Комплексное решение этих проб-

лем пуждается в соответствующих кадрах, чему способствовало бы создание в ведущих университетах страны кафедр для подготовки историков культуры.

В докладе д-ра ист. наук А. Я. Манусевича был поднят вопрос об освещении в современной марксистской историографии влияния Великого Октября на народы Центральной и Юго-Восточной Европы. Как отмечалось, развитие марксистско-ленинской науки проходит не всегда гладко. Наряду с пониманием сущности и значения Октябрьской революции, отдельные работы историков грешат недопониманием этого эпохального события, а также другими недостатками, связанными, по мнению докладчика, с пепанучным, субъективистским подходом к анализу истории. В подобных случаях следует усилить обстоятельную, аргументированную критику.

В докладе д-ра филолог. наук С. А. Шерлаимовой рассматривались проблемы общности и многообразия литератур европейских социалистических стран. Изучение отдельных славянских литератур интенсивно шло в 50—60-е годы, а в 70—80-х годах большой размах получили сравнительно-типологические исследования литератур всего региона. В ИСБ в одиннадцатой пятилетке успешно осуществлен многосторонний целевой проект по проблемам современных литератур социалистических стран Европы. Намечено дальнейшее совместное изучение закономерностей литературных процессов 70—80-х годов; при изучении важен учет диалектики национального своеобразия и типологического сходства социалистических литератур, сложностей их развития, в том числе острых вопросов. Следовало бы, подчеркнул докладчик, повысить ответственность за оценки литературных процессов и явлений и всячески способствовать укреплению единства социалистических литератур.

Выступление д-ра филолог. наук Л. Н. Смирнова было посвящено изучению функционирования славянских литературных языков в социалистический период. Исследование социально мотивированных языковых процессов — сравнительно новое направление деятельности лингвистов ИСБ. Социолингвистика связана со сложными, порой противоречивыми явлениями в общественно-политической жизни и идеологии. Овладев новой методикой исследования, они выявили типологически сходные тенденции (прежде всего демократизации и интернационализации) в развитии современных литературных языков, осветили проблемы языковой политики, языкового строительства, языковой культуры, закономерностей языкового развития в соотношении с общественной жизнью социалистических стран. В перспективе, сообщил докладчик, намечено создание обобщающих, комплексных социолингвистических трудов совместными усилиями советских и зарубежных специалистов.

Д-р филолог. наук В. А. Хорев рассмотрел итоги и задачи разработки темы «Октябрьская революция и становление социалистической литературы в 20—30-е годы в странах Центральной и Юго-Восточной Европы». Начатое в 50—60-х годах изучение отдельных литератур, литературных направлений, творчества писателей, было продолжено в 70-е годы на качественно ином уровне: в подготовленных и изданных трудах сопоставительного характера выявление закономерностей литературных процессов проводилось на основе сравнительного анализа формирования социалистического реализма в славянских странах, становление которого закономерно вытекало из длительного литературного развития, уходящего корнями в революционную литературу прошлого. Историко-литературный и теоретический аспекты данной проблематики — предмет острой идеологической борьбы. В новых обобщающих трудах предполагается исследование неславянских литератур, их связей с советской литературой; изучение проблем взаимодействия революционно-пролетарского и авангардистского течений, диалектики социалистической и демократической тенденций в литературе и т. д.

Вторая группа докладов была посвящена проблемам формирования наций и национальных культур.

В совместном докладе д-ра ист. наук А. С. Мыльников (Ленинград)

и др. ист. наук В. И. Фрейдзона были рассмотрены основные вопросы изучения формирования наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Отмечалось, что серия коллективных, обобщающих работ по этой проблематике, подготовленная в ИСБ при участии широкого круга советских специалистов, получила положительную оценку научной общественности. При создании этих трудов были выделены основные исследовательские проблемы: критерии начального и завершающего этапов формирования наций, генезис национального самосознания, национальная культура, проблема исторического региона, этносоциальная структура, типологические аспекты, выявление закономерностей и др. Требуют дальнейшего изучения межэтнические связи, демографические процессы, воздействие классовых интересов на национальную идеологию.

Д-р филолог. наук В. И. Злыднев в докладе «Проблемы изучения истории культуры в эпоху формирования наций в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» рассказал о развитии историко-культурных исследований в ИСБ, остановившись на комплексных работах последнего десятилетия, посвященных вопросам культуры народов региона в период национального возрождения. В настоящее время подготовлен труд по истории культуры эпохи Просвещения, показывающий общее и специфическое в проявлении национальных идей на первом этапе становления национальной культуры. Особое внимание было обращено на плодотворный опыт международной координации культурологических исследований (деятельность МАИРСК). Названы некоторые постановочные проблемы: выяснение этапов становления, смены типов культуры, взаимодействие идеологических и эстетических факторов культурного процесса и т. д.

Д-р филолог. наук С. В. Никольский остановился на вопросах изучения литературного процесса в системе национального развития народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Сравнительно-исторические исследования привели, в частности, к выводу о двух путях развития литератур региона в эпоху формирования наций, позволили осветить различные аспекты ускоренного литературного процесса, проанализировать особенности Просвещения, романтизма и перехода к реализму. Прделана большая работа по исследованию русско-славянских литературных связей. К перспективным задачам относятся: создание истории литератур западных и южных славян, особенно древнего периода; продолжение углубленного изучения литератур Центральной и Юго-Восточной Европы в общеевропейском контексте и их художественных формах; дальнейшая разработка теоретико-методологических вопросов литературных связей в целях сближения их исследования с историей литературы и преодоления все еще не редкого в этой области эмпиризма и случайных выводов. Выполнение этой программы предполагает еще более тесное творческое сотрудничество с учеными социалистических стран.

В докладе канд. филолог. наук Г. К. Венедиктова были подняты вопросы изучения литературных языков зарубежных славян в эпоху их национально-культурного возрождения. Подчеркивалось, что проблема литературного языка была одной из центральных в движении за национальное возрождение. Докладчик дал оценку коллективным, обобщающим трудам, подготовленным по этой тематике. Он отметил недостаточную изученность литературных языков зарубежных славян, а также социолингвистических процессов, констатируя не только научную, но и политическую значимость подобных исследований.

В третьей тематической группе обсуждена проблема «Этногенез и этническая история».

Д-р ист. наук Г. Г. Литаврин в своем докладе сосредоточил внимание на исследованиях, проводимых в ИСБ в области этнической истории зарубежных славян в средние века (на протяжении почти тысячелетия). С 70-х годов разработка этой проблематики приобрела комплексный характер и осуществляется в сотрудничестве с лингвистами, археологами, этнографами. Была выработана методика, предполагавшая, прежде всего, сквозной анализ всех сохранившихся памятников с точки зрения этни-

ческой истории. Проблема этнического самосознания представляет особую сложность также потому, что недостаточно выяснены социально-экономический, политический, культурный аспекты истории изучаемых в ИСБ регионов. В ближайшем будущем предстоит исследование этнических процессов в более широком плане — изучение раннефеодальных народностей в целом; ставится задача уточнения периодизации этнического самосознания, выявления отличительных черт каждого периода. В решении проблем этногенеза важен не только страноведческий, но и региональный подход.

В докладе д-ра филолог. наук Вяч. Вс. Иванова речь шла об осуществлении программы балто-славянских исследований. Были подведены итоги деятельности в этом направлении за три с лишним десятилетия. Большие результаты достигнуты в сравнительно-исторической акцентологии. Проведенные исследования позволили ИСБ занять ведущие позиции в мире в этой области знаний. Взаимодействие балтийских и славянских языков и диалектов, отмечалось в докладе, должно исследоваться от древнего периода до современности, при этом необходимо сопоставление с другими индоевропейскими языками, использование данных лингвистической географии, позволяющих установить наличие языкового союза в области балто-славянского пограничья. В рамках комплексных исследований по этногенезу особую важность приобретают проблемы реконструкции раннего праславянского, предистории и становления общеславянского языка. Намечена разработка нового направления — лингвистики текста.

Чл.-корр. АН СССР П. И. Толстой в докладе «Архаические формы славянской культуры и их древняя общеславянская общность», отметив отсутствие памятников духовной культуры праславянского периода, остановился на проблемах и методах ее реконструкции, уделил внимание возможностям использования близкого к современности материала (XIX—XX вв.) по фольклору, поверьям, обрядам, одежде, жилищам для этнокультурных реконструкций. На конкретных примерах было показано территориальное совпадение разных форм народной духовной культуры с языковыми диалектными различиями. Итогом большой работы будет атлас духовной культуры Полесья и Словарь славянских народных древностей.

В совместном докладе д-ра филолог. наук А. А. Зализняка и чл.-корр. АН СССР В. Л. Янина были рассмотрены проблемы изучения берестяных грамот. Значение этих находок не ограничивается историей русского языка, а охватывает интересы славистики в целом, так как проливает свет на ряд общественных проблем. Изучение языковых особенностей грамот дало много нового для историков языка и повлияло на исследование этногенеза. Лингвистическая и филологическая ценность этих документов в том, что они представляют собой источники нового типа (бытовые тексты), по времени своего создания близкие к праславянской эпохе; они позволяют судить не только о грамматическом строе языка, но и об уровне грамотности населения, о связях новгородского диалекта с западнославянской и западноюжнославянской языковыми областями. Результаты исследований, в сочетании с историческими и археологическими данными, опровергают тезис о полном исходном диалектном единстве восточных славян, указывая на особое место древненовгородского диалекта среди славянских диалектов.

Последняя, четвертая, группа докладов представлена проблемами истории и организации исследований по славяноведению и балканистике.

В докладе д-ра ист. наук В. Г. Карасева и канд. ист. наук А. М. Орехова рассматривались некоторые вопросы координации научных исследований по истории и истории культуры народов Центральной и Юго-Восточной Европы. Говорилось о деятельности Научного совета по комплексным проблемам славяноведения и балканистики и его серийных изданиях. Усиление внутриакадемической координации позволило выйти на междисциплинарный уровень исследований. В последнее время этот процесс принял более целенаправленный характер. Периодически про-

видимые всесоюзные конференции историков-славистов приобрели значение методического центра. Координация положительно влияет и на уровень подготовки учебников и учебных пособий для вузов. В разнообразных формах осуществлялось сотрудничество ученых СССР и зарубежных специалистов (конференции, рабочие встречи, круглые столы, экспертные советы, дискуссии, коллективные труды и т. д.).

Доклад канд. ист. наук М. Ю. Досталь и канд. ист. наук М. А. Робинсона был посвящен состоянию и перспективам изучения истории славяноведения и балканистики. Авторы остановились на основных дискуссионных проблемах историографии русского дореволюционного, советского и отчасти зарубежного славяноведения: понимании предмета славистических исследований, выделении основных этапов развития славяноведения, определении его начального рубежа, на вопросе о наличии кризиса в этой науке на рубеже XIX—XX вв.; о соотношении филологических и исторических дисциплин в советской славистике 20—30-х годов и об оценке уровня ее развития в эти годы. Итоги исследований обобщены в коллективном труде по истории дореволюционного славяноведения. В перспективе запланировано изучение истории советского и зарубежного славяноведения, а также подготовка обобщающего труда о становлении марксистской историографии в европейских социалистических странах.

Канд. ист. наук Е. И. Аксенова и канд. ист. наук А. Н. Горяинов в своем докладе отметили важнейшие вехи истории ИСБ с 1947 до 1987 г., выделив характерные черты и отличия каждого этапа его деятельности и показав основные направления научных исследований, проводившихся в ИСБ в течение 40 лет.

Рассмотрению этапов и форм научного сотрудничества ИСБ за все время его существования с академическими учреждениями социалистических стран Европы был посвящен доклад С. В. Васильева.

В ряде выступлений, дополнивших основные доклады, сообщалось об исследовательской, научно-организационной, педагогической деятельности в области славистики, о научных контактах со специалистами ИСБ украинских, белорусских, ленинградских славистов. Выступавшие в дискуссии уточнили и развили некоторые вопросы, поднятые в докладах. Канд. филолог. наук Е. А. Хелимский высказался за более строгое, научное, объективное отношение советских исследователей к фактическому материалу, к исторической правде, за ликвидацию лакун в освещении проблем региона, без чего невозможно квалифицированно оценивать те или иные спорные трактовки в историографии социалистических стран. Чл.-корр. АН УССР Г. Д. Вервес (Киев) и д-р фил. наук А. С. Федосик (Минск) отметили важность комплексного изучения культур стран Центральной и Юго-Восточной Европы с учетом опыта восточнославянской, в частности украинской и белорусской славистики. В выступлении канд. филолог. наук И. В. Шабловской (Минск) говорилось о сравнительном изучении национальных литератур, о методике сопоставительного анализа содержания и формы литературных произведений (на примере прозы о второй мировой войне). Канд. филолог. наук В. А. Захаржевская (Киев) обратила внимание на новый аспект в современном литературоведении — сопоставление литературы и искусства как компонентов общей культуры народа, отметила также дискуссионный характер литературоведческих определений жанра, стиля, метода, нуждающихся, по ее мнению, в уточнении. Д-р филолог. наук В. Е. Гусев (Ленинград) сказал об усилении историко-культурологического направления в славяноведении; затронул проблему периодизации славянской фольклористики. Канд. филолог. наук М. Я. Гольберг (Дрогобыч) обратил внимание на недостаточную изученность влияния славянских литератур на мировую культуру, роль славянской культуры в выработке общечеловеческих ценностей. Д-р филолог. наук Г. А. Лилич (Ленинград) высказала мнение о необходимости постоянного продолжения работы по социолингвистической проблематике, основываясь на новых наблюдениях живых процессов в области словотворчества, происходящих сейчас во всех языках. Рассказав о тридцатилетней деятельности Археографической комиссии по выявлению,

изучению и публикации общеславянских памятников письменности, д-р ист. наук С. О. Шмидт информировал о готовящемся издании каталога рукописей балканского происхождения. Д-р ист. наук Я. Д. Исаевич (Львов) обратил внимание на важность исследования проблемы государственности при изучении этногенеза славянских народов, а также высказал мнение о целесообразности создания в СССР международного славистического печатного органа. Канд. ист. наук Ф. И. Стеблій (Львов) обратил внимание, что при исследовании проблем формирования наций из поля зрения славистов зачастую выпадают целые регионы. В частности одной из «контактных зон» был западноукраинский регион.

Канд. ист. наук Б. Я. Табачников (Воронеж) отметил, что наука зачастую отстает от публицистики в постановке насущных вопросов. По его мнению, научному решению самых назревших проблем должен всемерно способствовать журнал «Советское славяноведение».

На конференции принят итоговый документ, содержащий рекомендации о перспективах развития славяноведения и балканистики в нашей стране (текст с незначительными сокращениями публикуется ниже).

Рекомендации Всесоюзной научной конференции «Комплексные проблемы славяноведения и балканистики. Состояние и перспективы исследований»

Конференция, состоявшаяся в г. Москве 17—18 февраля 1987 г., была организована Научным советом АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики и Институтом славяноведения и балканистики АН СССР; на ней были представлены научно-исследовательские институты Академии наук СССР и академий союзных республик, высшие учебные заведения: Отделение истории и Отделение языка и литературы АН СССР; Институт этнографии АН СССР и его Ленинградское отделение; Институт истории СССР АН СССР; Институт всеобщей истории АН СССР; Институт экономики мировой социалистической системы АН СССР; Археологическая комиссия; редакция журнала «Новая и новейшая история»; Институт истории, Институт литературы, Институт языковедения, Институт искусствоведения, фольклора и этнографии, Институт общественных наук АН УССР; Институт истории, Институт искусствоведения, этнографии и фольклора АН БССР; Московский, Ленинградский, Белорусский, Львовский, Харьковский, Донецкий, Дагестанский, Грозненский, Уральский государственные университеты; Воронежский институт искусств; Дрогобычский педагогический институт. Всего в конференции участвовало свыше 150 специалистов по истории и культуре стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Послевоенные десятилетия ознаменовались существенными позитивными сдвигами в развитии славяноведения и балканских исследований в СССР, которые получили оценку на Всесоюзном координационном совещании по актуальным проблемам славяноведения (Москва, 1961) и Всесоюзной научной конференции «Итоги и перспективы славяноведческих и балканских исследований» (Звенигород, 1978). Последующие годы характерны расширением диапазона и углублением сравнительно-исторических и комплексных (междисциплинарных) исследований, актуализацией всей изучаемой проблематики, сосредоточением научных сил на разработке вопросов социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы; за эти годы создано немало ценных трудов по истории, истории культуры, литературоведению и языковедению.

Ведущим научным центром в данной области оставался, как и прежде, Институт славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ). Важную роль играли соответствующие кафедры университетов, прежде всего Московского. Координационные функции осуществлял Научный совет АН СССР по комплексным проблемам славяноведения и балканистики, а также периодически созываемые всесоюзные межвузовские конференции историков-славистов. Координации содействовали специализированные периодические и продолжающиеся издания, в том числе: журнал «Советское славяноведение», серийные издания «Балканские исследования», «Славян-

ское и балканское языкознание», «Славянский и балканский фольклор», ежегодник «Балто-славянские исследования», «Українське слов'язнавство», «Проблеми слов'язнавства».

Вместе с тем на конференции справедливо отмечались и многие недостатки, которые имеются в разработке славянской проблематики, в подготовке научных кадров. Всесторонне обсудив заслушанные доклады в свете решений XXVII съезда КПСС, конференция приняла следующие общие рекомендации:

1. В научной разработке проблем славяноведения и балканистики признать обоснованной и перспективной ориентацию на дальнейшее расширение и углубление сравнительно-исторических и комплексных исследований обобщающего характера. Однако, всемерно поддерживая такую ориентацию, следует учитывать, что она становится нереальной без дальнейшего развития страноведческих, монодисциплинарных работ, без серьезного укрепления источниковой базы исследований. Настоящий успех может обеспечить лишь гармоническое и сбалансированное продвижение вперед по всем этим направлениям, а не форсированное развитие одного из них в ущерб остальным.

2. В изучении истории и культуры стран Центральной и Юго-Восточной Европы первостепенное значение должно придаваться проблематике революционных преобразований и строительства социализма. В то же время нельзя ослаблять внимания к актуальным вопросам более отдаленного исторического прошлого народов данного региона, к их литературам и языкам. В ближайшем десятилетии целесообразно сосредоточить усилия исследователей на следующих крупных темах:

а) методологические и теоретические проблемы изучения переходного периода от капитализма к социализму и социалистического строительства в странах Центральной и Юго-Восточной Европы;

б) становление системы социалистических государств в Европе, ее взаимоотношения с капиталистическими странами и роль в борьбе за мирное урегулирование в Европе;

в) развитие социалистических культур и литератур народов Центральной и Юго-Восточной Европы на современном этапе;

г) движение Сопrotивления славянских и балканских народов в годы второй мировой войны;

д) кризис буржуазной демократии и функционирование политических систем Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период;

е) международные отношения на Балканах в XIX — начале XX в.;

ж) исторические, историко-культурные, литературные и языковые связи народов Центральной и Юго-Восточной Европы между собой и с другими народами, особенно — восточнославянскими.

з) становление марксистской историографии в европейских социалистических странах; история славяноведения и балканистики в СССР; изучение и критика буржуазных и ревизионистских концепций, относящихся к проблемам Центральной и Юго-Восточной Европы;

и) этногенез славянских и балканских народов, формирование народностей; возникновение и распространение славянской письменности; введение христианства;

к) народы Центральной и Юго-Восточной Европы в XVIII — начале XX в. и их борьба за социальное освобождение, за создание самостоятельных государств, сохранение и развитие национальных культур;

л) историческая динамика идейно-эстетических и жанрово-стилевых изменений в литературах народов Центральной и Юго-Восточной Европы;

м) фольклор и древности славянских и балканских народов;

н) узловые вопросы славянского и балканского языкознания; функционирование славянских и балканских языков на современном этапе.

3. Признать имеющиеся издательские возможности совершенно недостаточными для введения в научный оборот результатов исследований советских славяноведов и балканистов, добиваться расширения издательской базы, экономнее и целенаправленнее использовать листаж существ-

вующих продолжающихся и периодических изданий, в том числе журнала «Советское славяноведение».

4. Одобрить инициативу ИСБ по подготовке и публикации кратких историй зарубежных социалистических стран; стремиться к всемерной популяризации знаний о них с помощью научных и иных издательств.

5. Отметить серьезные недостатки в подготовке и расстановке кадров славяноведческо-балканистического профиля: призвать соответствующие кафедры вузов к более широкому внедрению в преподавание сравнительно-исторического и междисциплинарного подхода при изучении народов Центральной и Юго-Восточной Европы; в планировании исследовательской работы смелее ориентироваться на молодых специалистов, добиваясь оптимального взаимодействия поколений ученых.

6. Больше целенаправленности и требовательности проявлять в использовании средств, предоставляемых для организации международных научных конгрессов, конференций, симпозиумов, для заграничных командировок; глубже и критичнее изучать состояние зарубежной науки, стремиться к повышению международного авторитета советской славистики и балканистики.

7. Констатировать пока еще недостаточный уровень координации научных исследований в области славяноведения и балканистики; всемерно укреплять взаимодействие между академическими и вузовскими специалистами. Ввести в научный оборот результаты настоящей конференции и практиковать периодическое проведение такого рода координационных мероприятий в будущем.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

МЫЛЬНИКОВ А. С.

ОТЗВУКИ СЛАВЯНСКОЙ ТЕМЫ В ТВОРЧЕСКОМ НАСЛЕДИИ К. Н. БАТЮШКОВА (К 200-летию со дня рождения)

Литературоведы, начиная с Л. Н. Майкова [1], часто проводят параллели между творчеством К. Н. Батюшкова и А. С. Пушкина. Однако такие параллели просматриваются и в жизненном пути поэтов. А. С. Пушкин погиб на дуэли у Черной речки, когда ему шел 38-й год. Столько же лет было Батюшкову, когда А. С. Пушкин в письме К. Ф. Рылееву 25 января 1825 г. из Михайловского писал: «Что касается до Батюшкова, уважим в нем несчастья и не созревшие надежды» [2]. Он был прав — К. Н. Батюшков умирал дважды. Физически 7(19) июля 1855 г. в Вологде и духовно в 1821—1822 гг., когда, находясь на русской дипломатической службе в Неаполе, заболел тяжким психическим недугом, пресекавшим его дальнейшую творческую жизнь.

У него и у А. С. Пушкина были общие друзья. Незадолго до Отечественной войны 1812 г. К. Н. Батюшков создает стихотворное послание «Мои пенаты», обращенное к В. А. Жуковскому и П. А. Вяземскому. Оба они принадлежали к числу близких друзей и А. С. Пушкина, который был на 12 лет младше К. Н. Батюшкова. У двух поэтов были общие друзья, но были и общие враги.

Упорно, но безрезультатно борющийся с наступающим мраком безумия К. Н. Батюшков пишет 28 марта 1826 г. сбивчивое письмо из Германии, где находился на излечении в психиатрической больнице города Зоненштайна. Адресат этого трагического человеческого документа — Жуковский, к которому взывал больной поэт: «Выбитый по ценам, замученный и проклятый вместе с Мартином Лютером на машине Зонненштейна безумным Нессельродом, имею одно утешение в боге и дружбе таких людей как ты, Жуковский. Надеюсь, что Нессельрод будет наказан как убийца» [3]. В распадавшемся сознании К. Н. Батюшкова это имя — Нессельроде — звучало зловещим рефреном, смысл которого до сих пор вполне не ясен.

Уроженец Лиссабона, Карл Роберт, или, как его именовали в России, Карл Васильевич Нессельроде, возведенный Александром I в ранг статс-секретаря, с 1822 г. возглавлял российское Министерство иностранных дел. Противник освободительных устремлений европейских народов, глубоко враждебный любым, даже скромным проявлениям либерализма, в том числе, естественно, и в России, Нессельроде, наряду с австрийским канцлером Меттернихом, являлся как бы живым воплощением реакционного курса Священного Союза. И не удивительно, что петербургский салон Нессельроде превратился при Николае I в один из центров всего ретроградного, всего недоброжелательного в отношении передовых устремлений деятелей русской культуры. Вскоре после гибели А. С. Пушкина в одном из писем П. А. Вяземский назвал салон Нессельроде, в котором важную роль играла его жена, «космополитным олигархическим ареопагом». Приведя эти строки, В. В. Вересаев ссылался и на любопытное свидетельство кн. А. М. Голицына, согласно которому однажды в узком кругу

приближенных Александр II заявил: «Ну вот, теперь известен автор анонимных писем, которые были причиною смерти Пушкина; это Нессельроде» [4]. Но и без этого известно, что в трагические для А. С. Пушкина преддверные месяцы Нессельроде был среди той «подлой толпы», о которой с гневом писал в своем знаменитом стихотворении М. Ю. Лермонтов.

Случайные совпадения? Но не слишком ли много этих случайностей? В личностях Батюшкова и Пушкина, при всей разномерности их таланта, история персонализации глубинные тенденции развития русской национальной культуры. Отсюда — у них общие друзья. Отсюда — у них общие враги. Именно под этим углом зрения значительный интерес представляют общественно-культурные аспекты творческого наследия К. Н. Батюшкова, в котором, в ряду других тем, определенное место занимала и тема славянская.

Внимание к этой теме со стороны К. Н. Батюшкова, как вскоре и со стороны А. С. Пушкина, вполне понятно. Ведь именно на рубеже XVIII—XIX вв. и в России и в некоторых зарубежных странах, прежде всего в Германии, а также в Чехии и других славянских землях, усиливается не только собственно научный, но и более широкий общественный интерес к языкам, культуре и истории славянских народов, к тому или иному истолкованию проблемы славянской этнокультурной общности. Интерес этот, выйдя из кабинетов ученых, проникал на страницы периодической печати, находил воплощение в публицистике и художественной литературе. В России существенное влияние на этот процесс оказало обнаружение и затем опубликование «Слова о полку Игореве» [5]. А вскоре славянская тема попала в фокус общественно-литературной полемики между карамзинистами и шишковцами. К. Н. Батюшков оказался в гуще этой полемики, выступив и в поэзии и в прозе с критикой архаистов. Это и составляло исходный пункт в трактовке им славянской темы.

В наследии поэта можно выделить несколько линий этой трактовки, в целом находившейся в рамках поэтики преромантизма и раннего романтизма. Во-первых, это отдельные замечания и реминисценции на темы истории славянских народов в ряде стихотворений, в плане поэмы «Русалка» и некоторых других произведениях К. Н. Батюшкова. Во-вторых внимание к славянской теме было сопряжено с участием в карамзинском «Арзамасе», куда К. Н. Батюшков — поначалу заочно — в то время он служил в воинской части, стоявшей в Каменец-Подольске, был принят в 1815 г. Свою позицию по отношению к архаистам он сформулировал несколькими годами ранее, в том числе в сатирических стихотворениях «Видение на берегах Леты» (1809) и «Певец в Беседе любителей русского слова» (1813). В этих произведениях К. Н. Батюшков применил слово «славенофил», подразумевая при этом А. С. Шишкова. «Аз есмь зело Славенофил», — заявляет он о себе в «Видении». А в сатире 1813 г. «Певец» восклицает: «Хвала тебе, Славенофил, // О муж неукротимый! // Ты здесь рассудок победил // Рукой неутомимой» [6, с. 361, 369]. Относительно употребленного в обоих этих произведениях слова «славенофил» необходимо сделать пояснение. Дело в том, что нередко высказывается суждение, что К. Н. Батюшков является, если не первым, то во всяком случае, одним из первых изобретателей термина «славянофил» [7]. Здесь происходит явная путаница: никакого отношения это слово к позднейшему обозначению оппонентов западников не имеет. К. Н. Батюшков употреблял слово «славенофил» (а отнюдь не «славянофил») как иронический синоним выражения «любитель церковнославянского языка», обычно именовавшегося тогда «славенским». Но участие поэта в спорах между карамзинистами и шишковцами повлекло за собой углубление его в собственно славянскую тематику, составив следующее, третье направление его интересов в этой области.

В письме Н. И. Гнедичу 28—29 октября 1816 г. К. Н. Батюшков указывал: «Каченовский читал „Рассуждение о славенских диалектах“. Я не критик, я невежда, но кажется, он режет истину. Он утверждает, что Библия писана на сербском диалекте; то же, думаю, говорит и Карамзин. А славенский язык вовсе исчез; он чистый и не существовал, может быть,

либо под именем славян мы разумеем все поколения славянские, говорившие разными паречиями, весьма отличными одно от другого» [8, с. 307]. Слова К. Н. Батюшкова примечательны тем, что отразили распространенные представления тех лет, когда вопрос об отношении церковнославянского языка к живым языкам славянских народов оживленно обсуждался не только в России, но и за рубежом (наиболее известны суждения И. Добровского, Е. Колпитара). Вскоре представление о сербской основе «славянского» языка, сторонником чего в данном случае выступал К. Н. Батюшков, было кардинально пересмотрено А. Х. Востоковым. Впрочем, сам Батюшков был достаточно осторожен: не зря он именовал себя в этом вопросе «невеждой». Он и в самом деле этим вопросом специально не занимался, хотя в целом мысль его развивалась в правильном направлении — он исходил из факта родства русского и других славянских народов. В записной книжке 1817 г. сохранился набросок плана истории русской словесности для читателей, которые «имеют обширные сведения в иностранной литературе, но своей собственной не знают». Намечая 28 «материй» задуманного труда, он на первое место выдвигает главу «О славянском языке» [6, с. 420].

Деятельность К. Н. Батюшкова слишком рано пресеклась для того, чтобы в полную меру оценить те возможности, которыми он для самостоятельной разработки славянской темы располагал и которые составляли четвертое направление его интереса. Мы имеем в виду личное знакомство поэта с языком и культурой западных славян во время нахождения за рубежом в 1813—1814 гг. на завершающей стадии войны против Наполеона (он был участником «битвы народов» под Лейпцигом и осады Парижа). Так, в очерке «Путешествие в замок Сирей», написанном в 1814—1815 гг. и опубликованном в «Вестнике Европы» в 1816 г., К. Н. Батюшков описывал бивуак австрийских войск, отметив, что часть солдат распевала «богемские песни» [6, с. 115]. Чехию и чехов (он именовал их по традиции того времени Богемией и богемцами) К. Н. Батюшков неоднократно упоминал в своей переписке.

Наряду с прямыми ссылками на различные аспекты славянской темы, в его наследии можно обнаружить косвенные, завуалированные отзвуки, выявление которых представляет определенный историографический интерес. Хорошо понятные современникам, они впоследствии ускользали от внимания комментаторов его произведений. Например, в августовском письме 1811 г. К. Н. Батюшков спрашивал Н. И. Гнедича: «...что делают ваши славяне? Бываешь ли ты во пиру во Беседе? Ныне осень на дворе, и пчелы собираются в улей, и в вашем улье дым коромыслом» [8, с. 242]. Наряду с очевидным упоминанием шипковской «Беседы», в словах К. Н. Батюшкова можно усмотреть игру слов: намек на журнал «Улей», издававшийся В. Г. Анастасевичем в 1811—1812 гг. Кстати, помимо издателя этого журнала, К. Н. Батюшков неоднократно упоминал в своей переписке имена В. Б. Броневского, А. Х. Востокова, М. Т. Каченовского, Н. Н. Новосильцова и других лиц, причастных к формировавшимся в России славянским изучениям. Под этим углом зрения круг связей К. Н. Батюшкова нуждался бы в специальном рассмотрении.

Конечно, нет оснований преувеличивать степень отражения славянской темы в его творчестве. Но ее нельзя и игнорировать. Как бы пунктиром намстил К. Н. Батюшков проблематику, к которой, успей он это сделать, несомненно обратился бы. И обратился бы, как можно судить по его наследию, с достаточно прогрессивных для своего времени позиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Майков Л. Н. К. Н. Батюшков. СПб., 1896, с. 240.
2. Пушкин А. С. Полн. собр. соч. Т. 13. М.; Л., 1937, с. 135.
3. Батюшков К. Н. Соч. (Под ред. Л. Н. Майкова). Т. 3. СПб., 1887, с. 586.
4. Вересаев В. В. Пушкин в жизни. Вып. 4. М., 1927, с. 63—64.
5. Мильников А. С. «Слово о полку Игореве» и славянские изучения конца XVIII — начала XIX в. — Вопросы истории, 1981, № 8, с. 35—48.
6. Батюшков К. Н. Опыты в стихах и прозе. Изд. подг. И. М. Семенко. М., 1977.
7. Паламарчук П. «Философ резвый и пнит...». М., 1987, с. 179.
8. Батюшков К. Н. Печто о поэте и поэзии. Сост. В. А. Кошелев. М., 1985.

КАВКО А. К.

«РУСЬКА ТРІЙЦЯ» И СЛАВЯНСКИЕ КУЛЬТУРЫ

В освободительном, культурно-возрожденческом движении угнетенных славянских народов в XIX в. участвовало немало выдающихся будителей, подвижников народного дела. К их числу относится Маркиян Шашкевич (1811—1843) — яркая личность, пламенный поэт-романтик, культурно-общественный деятель, классик украинской литературы, организатор и идейный вдохновитель просветительного кружка «Руська трійця» (1833), включавшего, помимо самого Шашкевича, двух его друзей — И. Вагилевича и Я. Головацкого. В 1837 г. трое «галицких будителей» издадут литературный альманах «Русалка Дністровая», первую на западноукраинских землях книгу на украинском языке. Выступив против социального, национального притеснения украинского народа тогдашней Галиции, авторы «Русалки» подали высокий пример литературного возрождения родного слова, выдвинули идею единства украинских земель, а также призвали к духовному единению славянских народов «по-за Волгу и Дунай» (Шашкевич). По своему историческому значению, идейно-эстетическому воздействию на современников и потомков «Русалка», признанная «явлением насквозь революционным» (И. Франко), стоит в одном ряду с «Кобзарем» Т. Шевченко, другими вершинными творениями украинской дооктябрьской литературы.

Не менее примечателен и межславянский контекст деятельности участников «Руської трійці», испытавших на себе в разной степени влияние демократической русской культуры, в частности, романтической поэзии К. Рылеева, идей будительства, волновавших западных и южных славян (сохранились, например, в Львовской научной библиотеке им. В. Стефаника письма Я. Коллара, В. Гавки, П. И. Шафарика, В. Мацевского к Я. Головацкому), немало способствовавших ознакомлению соотечественников с сербским, чешским, польским фольклором и литературой.

Примечательна судьба альманаха «Русалка», первой ласточки украинского возрождения. Почти весь тираж сразу же был конфискован австрийскими властями и начато было следствие против издателей за их «безумную, — в представлении начальника Львовской полиции, — попытку воскресить мертвую русинскую (т. е. украинскую. — А. К.) национальность» (цит. по [1]). И все же несколько экземпляров удалось спасти; часть из них дошла до Приднестровской Украины (читал «Русалку» Т. Г. Шевченко), часть увез в Москву Н. И. Надеждин; «крамольное издание» попало в личные библиотеки П. Я. Чаадаева, П. П. Вяземского (экземпляр Вяземского поныне хранится в Музее книги Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина), в Чехии — к П. Й. Шафарику.

Гармоническое сочетание национального с общеславянским и общечеловеческим — одно из главных, непреходящих достоинств в начинаниях Шашкевича и его сподвижников. Под знаком этого сочетания прошел во Львове 4—5 июня 1987 г. научный симпозиум «„Руська трійця“ и славянские культуры эпохи романтизма», организованный Институтом общественных наук АН УССР, Львовским университетом им. И. Франко, Львовской областной организацией общества охраны памятников истории и культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петраш О. Руська трійця. Київ, 1986, с. 35.

ИЗ ИСТОРИИ ДЕРЕВНИ ВИЦКОВЩИНА (1883—1917).

Культурная жизнь крестьян¹

Жители села, включая самых старых, были грамотны почти все, что касается женщин, то среди них грамотных была едва ли половина. Оговариваемся, что грамотным числился всякий, умевший прочесть печатный текст и кое-как расписаться. Судя по отрывочным воспоминаниям стариков, можно думать, что никто из них никогда не посещал школы, а учились они грамоте у своих родителей и редко у «дарэктара». Что касается наемных рабочих, то из них грамотными были далеко не все мужчины и очень редко девушки.

Вопроса о том, учить или не учить детей грамоте, уже не существовало — они были грамотными все, хотя условия для обучения и в начале XX в. мало чем отличались от 80-х годов XIX столетия. В Вицковщине, насчитывавшей 17 дворов, в которой в первом десятилетии XX в. было немногим больше десятка детей школьного возраста, школы не было и научиться грамоте можно было или у старших, или у «дарэктара», или, наконец, следовало отправиться в «народное училище», открытое в соседнем Гричине.

«Дарэктар» занимался с детьми систематически (если сами родители не отвлекали учеников каким-либо делом), кроме того, он в большинстве случаев имел какой-то опыт в деле обучения. Такого учителя большей частью приглашали несколько семей сразу. Занятия происходили у того, у кого «новая хата» была попросторней. Там ставили стол и пару «зэдлик»². Жил и питался «дарэктар» по очереди у тех хозяев, чьих детей обучал, — по неделе с ученика. При всем примитивизме такой школы учащиеся за зиму научались читать и писать, т. е. умели читать, а также написать свою фамилию. У некоторых обучение на такой стадии и заканчивалось, но большинство шло дальше.

В волости была двухклассная школа — единственная на волость с пятилетним курсом обучения (в первом классе три года и во втором два); кроме того, при школе имелся подготовительный класс. Подготовительный класс находился в старом школьном здании, остальные классы в новом, в новом же была и квартира заведующего школой. В новом здании с учениками занимались три учителя, в подготовительном классе еще один. Кроме детей из самого местечка Самохваловича, где находилась школа (их было не очень много, так как большинство населения составляли

¹ От редакции; в рукописном наследии видного советского историка, археографа Н. Н. Улащика (1906—1986) остался готовый к изданию историко-этнографический очерк о родном селе ученого, написанный, в основном, по его личным записям и воспоминаниям. Работы Н. Н. Улащика по истории Белоруссии примечательны, кроме всего прочего, показом своеобразия русско-польско-белорусского культурного пограничья, сложившегося в данной части восточнославянского региона. Этим же своеобразием интересна и последняя книга ученого, отрывок из которой, с любезного согласия А. Н. Улащика, предлагаем вниманию читателей.

еврей, и их дети посещали еврейские школы), в школу шли учащиеся из окружающих деревень, а так как зимой по снегу, а весной и осенью по грязи пройти 2—4 км маленьким было трудно, то обычно в первый класс шли дети лет в 10—11 и лишь очень немногие в более раннем возрасте.

В подготовительном и первом классах школы набиралось человек по 60—70, из последнего же выходило человек по 8—10; отсев был очень велик. Те, кто посещал второй класс, были преимущественно детьми зажиточных крестьян или же волостной аристократии; что касается детей бедноты, то их родители рассуждали, что окончит ли сын трехлетний курс или пятилетний, все равно будет работать дома на хозяйстве и наука ему ни к чему.

В литературе нередко описываются школы, где учителя применяли «сильные» средства воздействия, чтобы возбудить ревность к наукам у своих питомцев, однако для XX в. упоминания о таких школах, если и встречаются, то редко. Что касается самохваловичской, то такой метод поощрения был в полной силе. Собственно, это касалось одного заведующего, так как прочие учителя и тем более учительницы не били и даже не ставили на колени, но это полностью возмещалось энергией заведующего, у которого всякая вина была виной, а за виной следовало и возмездие: за малое преступление (вошел в класс вслед за учителем) полагалась и малая кара: стать на колени («на колени скотина»), за большее (не знал урока) полагалась битье по щекам или дерганье за волосы. Если проступок был совсем большим (ученик прыгал по партам, или — тем более — разбил стекло) полагались все виды наказаний, т. е. следовало и битье по щекам и дерганье за волосы и в заключение виновный отправлялся стоять у стены на коленях. Физические меры воздействия применял и поп, совсем старый и почти слепой, но он не бил по щекам и не дергал за волосы, а колотил провинившегося по лбу металлической расческой или костью.

При всем том, оканчивающие второй класс знали весьма основательно полный курс арифметики, сокращенный курс геометрии и грамотно писали, делая такие неизбежные ошибки, свойственные белорусскому произношению, как твердое «р», неправильно (с точки зрения русских) строя фразы или неверно употребляя слова, одинаково звучащие в белорусском и русском языках, но имеющие разное значение. (Заученные молитвы, вызубренный почти дословно катехизис, история ветхого и нового завета, т. е. краткое изложение библии, знание церковной службы, умение читать на церковно-славянском языке в счет не идут).

В этой школе учащиеся знали только учебники, там не было никакого намека не только на школьную библиотеку, но сверх учебников не было, кажется, книг и у учителей, но крайней мере никогда не было намека на то, чтобы кто либо из учителей предлагал учащимся прочитать что-либо сверх учебников. Не проявлял педагогический персонал и желания внушить ученикам какие-либо правила санитарии и гигиены. Многие (если не большинство) ученики были не только плохо одеты и обуты, но и плохо умыты и острижены. Очевидно, учителям это казалось настолько естественным, что они не делали по этому поводу никаких замечаний ни ученикам, ни их родителям. Никого, должно быть, не смущало и то обстоятельство, что воду для питья школьникам сторож приносил прямо из колодца и наливал ее в весьма вместительную бочку, стоящую в коридоре, и все, кто хотел пить, черпали воду кружкой, привешенной на цепочке тут же.

В начале XX в. один из мальчиков деревни был отправлен учиться в Минск в городское четырехклассное училище (в 1912 г. городские училища были переименованы в высшие начальные), а одна девочка, единственная дочь богатого крестьянина, поступила в гимназию. Это были события, вызвавшие массу разговоров. Большинство крестьян отнеслось к учебе в Минске отрицательно, в особенности это касалось девочки. Критики считали, что имея такое приданное как отцовское хозяйство, девочка рано и хорошо выйдет замуж и без науки, немногие, однако, считали, что это хорошо: имея хозяйство, да еще будучи образованной, жить будет легко.

Вообще же на учење своих детей отцы и матери смотрели как бы с двух точек. С одной стороны, это дело трудное (шутка ли — одолеть столько наук, это ведь не всякий сможет), но с другой — жить тому, кто учился, да еще вдали от дома, т. е. освобожденным от всех хозяйственных работ, было легко. Сиди себе в школе, где всегда тепло и чисто, читай книги, что тоже не бог весть какая тяжесть, к тому же в минских школах учеников никто не колотил. Поэтому для учащихся установилось правило (правда, с некоторыми исключениями): раз учење освобождает от физического труда, то полагалось учиться хорошо, во всяком случае не засиживаться по два года в одном классе. Затем, как только наступали каникулы, следовало сразу же приезжать (или приходиться) домой и включаться в повседневную работу наравне с остальными членами семьи. В зимние каникулы, когда было так много праздников, дела было немного, но летние приходились на самое напряженное время года — на косовицу и жатву, и тогда «запановавшим» на учебе приходилось туго. Обычно с первого дня по приезде домой учащийся получал косу или грабли, позже серп, вилы или что-либо другое, соответствующее сезону. Отвыкшая от физического труда молодежь первые дни справлялась с работой с трудом. На руках вскакивали волдыри, что давало основание с большей или меньшей долей язвительности утверждать, что «гультай за работу, а мазоль за руку». Вытянуть рабочий день с четырех часов утра до десяти вечера было нелегко и привычным, тем более тяжелым он казался «ученым», но через какое-то время «ученые» втягивались в работу и она начинала казаться не такой страшной. Зато осенью, отправившись опять в Минск, одев форму, хотя бы и поношенную, обув ботинки, хотя бы и с заплатами (дома все время ходили босиком), подымаясь не ранее семи утра, ученик весьма наглядно чувствовал пользу науки.

Самым образованным человеком в деревне был поп. Очевидно, у него имелись какие-то книги, во всяком случае при церкви были книги религиозно-нравственного содержания, однако случаев, когда бы поп попытался рекомендовать крестьянам прочесть что-либо из этих книг или рассказать их содержание, слышать не приходилось. По деревне ходила книга «Сонник». Видимо, она кому-то принадлежала персонально, в сущности же была всеобщей, так как в случае загадочного сна или необходимости погадать по какому-либо поводу, она переходила из хаты в хату и задерживалась там до тех пор, пока острая нужда в ней не проявлялась у кого-либо другого (другой). У одного из крестьян имелась книга под названием «Тайна черной магии». Продавец в Минске отрекомендовал эту книгу молодому хлопцу в том смысле, что если ее изучить как следует, то владелец ее приобретет над другими людьми магическую власть (по смыслу разговора следовало, что он сможет гипнотизировать). Хлопец отнесся к этим заверениям с достаточной дозой скептицизма, однако попробовать решил. Результаты в смысле магии оказались неутешительными, но в книге имелась масса указаний как производить фокусы, в особенности с картами. Эта часть была вскоре освоена и владелец прославился в качестве фокусника.

Иногда в деревню забредали книги и совсем иного профиля и об одной из них долго ходили рассказы как о чем-то удивительно интересном, так как в ней рассказывалось о свадебных обрядах в разных местах Белоруссии. Слушатели и читающие поражались — кто это смог собрать такое количество и притом из разных мест описаний свадеб. Оказалось, что это был один из томов «Материалов для изучения языка и быта населения Северо-западного края» П. В. Шейна.

Позже, примерно в 1912 г., кто-то занес «Сказки и рассказы белорусов-полешуков» Сержпутовского. Человек, читавший эту книгу (написанную на очень простом белорусском языке, с теми особенностями, которые свойственны местам, где производилась запись), старался показать, что он человек грамотный (выражаясь по современному — культурный) и что язык «Сказок» вызывает у него насмешку. Все это было явлениями случайными, происходившими от времени до времени.

Однако в деревне оказался один крестьянин² (по формальному мещанин, из тех, чей предок с таким трудом отбилсЯ от панщины), который оказался страстным (не боюсь применять это избитое выражение, так как он был именно страстным) любителем книг, отдававшим все свободное время (в праздники и в зимние вечера, если не был чем-то занят) чтению. Этот крестьянин стал брать и привозить домой книги из маленькой частной библиотеки в Минске, принадлежавшей Станишевскому. Библиотека эта помещалась в маленькой комнатке на бывшей Койдановской (сейчас Революционной) улице в доме, сохранившемся до наших дней (в 20-е годы там находилась лаборатория Белорусского хроникального кино за точность последнего названия не ручаюсь). Станишевский брал в залог какую-то сумму за прочтение каждой книги отдельно, что-то в размере 1—3 копеек (очевидно, плата зависела от размеров книги). Книги из этой библиотеки доставались самого разного содержания, среди них такие как «повести» о Пинкертоне. Масса таких книг из библиотеки Станишевского добывалась у любителя чтения и в Вицковщине. Однако наряду с подобным чтивом, библиотека снабдила любителя чтения и «Анной Карениной», причем этот роман произвел на него огромное впечатление. Не очень беглый в чтении, не всегда понимая текст, крестьянин переживал драму Карениной с меньшей силой, чем гораздо более искусные читатели. Еще большее, пожалуй, впечатление оставила «Хижина дяди Тома», при чтении которой было пролито немало слез. Огромной популярностью пользовались «Приключения Тома Сойера». Книга эта была доставлена летом, в самый разгар работ, и принесла читателям (детям) немало горя, так как из-за книги порученные работы не всегда выполнялись в срок, а иногда о них и вообще забывали, что вызывало сильное раздражение у матери. Позже в деревню попал «Робинзон Крузо» в очень хорошем издании. Популярность Робинзона была не меньшей, чем «Приключений Тома Сойера». Книга переходила из хаты в хату и читалась так усердно, что в конце концов не вернулась к владельцу.

Пример книголюбия оказался заразительным, и все его многочисленные дети стали такими же любителями книг, как и их отец. Доставка книг из библиотеки Станишевского была не всегда регулярной, притом же это стоило денег. Поэтому молодежь стала производить опросы и делать розыски книг по всей окрестности, пытаясь установить — нет ли у кого-каких-либо книг. Иногда эти розыски давали хорошие результаты. У одного из крестьян в недалекой деревне оказалось целое богатство. Он купил у своего попа платяной шкаф, а вместе со шкафом поп отдал ему массу книг: комплекты «Нивы» за ряд лет и «Вокруг света» с разного рода приложениями, прежде всего серий «Романы приключений».

Сейчас трудно понять, что означало в то время чтение и просмотр за ряд лет «Нивы», какое это значение имело для развития деревенского люда и в частности детей или подростков, для которых поездка на базар в Минск была событием. Особенно интересны в «Ниве» были иллюстрации, хотя и с совершенно непонятными надписями. Например, под рисунками очень часто встречалась подпись «Третьяковская галерея». Никто из читателей не знал, что значит «галерея» и тем более «Третьяковская». И тем не менее те, кто просмотрел комплекты «Нивы» и к тому же прочитал их, в какой-то мере приобщился к культурному миру. Прочитанная литература на русском языке (в окрестностях было и католическое население, у которого были книги на польском языке), не всегда была понятна и не всегда трогала так, как Анна Каренина и Том Сойер; в особенности мало трогала читателя и слушателя стихи. Исключением были те стихи, которые касались обстановки, характерной едва ли не для каждой деревни и в которых звучали мотивы, чрезвычайно остро соответствующие настроениям крестьян, прежде всего, если в них высмеивались папы или городские бездельники. Воздействие содержания усиливалось языком, так как некоторые из стихотворений были на белорусском языке и слуша-

² Речь идет о Николае Фелициановиче Улашке, отце Н. Н. Улащика (прим. редакции).

тели с удивлением узнавали, что и на «простом» (белорусском) языке можно писать (или по крайней мере произносить) стихи. Стихи эти воспринимались с такой силой, что очень многие запоминали их, прослушав один раз. Таких произведений перед 1914 г. в окружающей Вицковщину местности было несколько «Горад і вёска» (Город и деревня), «Жывот» (Живот) и «Панскае ігрышча» (Панские забавы). Как правило, и те, кто произносил эти стихи, и те, кто их слушал, не знали (вернее говоря, не подозревали), что их кто-то написал из живущих и тем более, что они могут быть где-то напечатанными, и поэтому все они числились анонимными и лишь в 1968 г. И. В. Соломевич обнаружил, что автором «Горада і вёскі» был молодой Якуб Колас, написавший это произведение в 1903 г.

Слушая декламацию и читая книги, молодежь пыталась сочинять и сама. Из таких произведений были в свое время известны поэмы «Пра-такол», написанная силлабическим стихом, а затем «Вола». Произведения последнего вида (полностью оно называлось «Дзяліць вала») бытовали в разных районах Белоруссии и носили преимущественно сатирический характер, почему и пользовались широкой популярностью. Суть произведения заключалась в том, что кто-то убил вола, «залез на хату, узяў лапату і пачаў дзяліць». Каждому хозяину деревни доставалась при этом какая-то часть вола с пояснением — почему именно ему попала эта часть, а не другая («Улашчыку капыткі, бо ён надта трапяткі»), т. е. одному достались копыта, так как он был очень подвижный. Другому Улашику попали нырки (почки), «бо ў яго хаце дзіркі», и т. д. Бытовали и другие стихи, написанные на местные темы; об одном из них узнал только в 1975 г. от А. Ю. Станишевской. В этом стихотворении говорится как один крестьянин из недалеко расположенной Прилуцкой Слободы продал в городе свинью, по поводу чего порядком выпил, и когда ехал домой, уснул в саях и обморозился³.

Близость Минска, конечно, оказывала определенное влияние на культурное состояние деревни, однако воздействие это не было сколько-нибудь значительным. Прежде всего, город систематически посещали только взрослые мужчины (ездили на базар). Однако женщины, как взрослые, так и девушки, бывали там очень редко, некоторые же из женщин и вообще не бывали в городе никогда. В соседней деревне была старушка, никогда не видевшая даже «машины», т. е. поезда; не была она ни разу и в волости, расположенной в 6-и км от деревни. Попасть в Минск было просто, так как станция железной дороги была недалеко от деревни и поезд шел до города около 40 минут; однако, если у кого была нужда посетить Минск, но не было необходимости ехать на базар, то он предпочитал идти в город пешком, тем более, что поезда ходили редко.

О Минске (в котором в 1914 г. жило немногим больше 100 тыс. человек) среди деревенского населения ходили многочисленные рассказы, рисующие город в сказочном виде. Так, например, бывалые люди рассказывали, что в Минске есть каменные дома, в стену которых вделаны трубки, выходящие наружу. Если повернуть кран на этой трубке, то начинает течь вода. В Минске, по рассказам, был мост, по которому ходила «машина», а на телегах ездили под мостом, и был другой мост, по которому ездили на телегах, а под ним ходил поезд. В Минске, оказывается, были дома, построенные один на одном, причем были даже не два дома один на дру-

³ Вот начало этого произведения.

Цемра, п'янства і разбой,
Ад гарэльні шмат бяды.
Вось што піша дзядзька наш
Із Прылуцкай слабады:
Парсочка ці можа сьвінку
Прадаў сёлета на рынку...

Весьма популярно было также юмористическое стихотворение, которое оканчивалось словами: «з той пары як хто засьмяецца, дак мне ўсё каза здаецца».

том, а по несколько. В Минске по ночам горел свет, который зажигался не от спички, а каким-то непонятным образом. В Минске все ходили даже в будний день обутые и чисто одетые и т. д. и т. п. Все это поражало воображение, в особенности детей, и вызывало острое желание побывать в таком необыкновенном месте. Опытные люди, однако, предупреждали, что в городе имеются не только чудеса, но что он также переполнен жуликами, которые постоянно надувают деревенских простаков. В деревне знали, что в городе есть театр, в котором «представляют», однако, кажется, никто в этом заведении не бывал. В 1916 г., когда везде находилась масса солдат, военные поставили в Вицковщине инсценировку «Песни о купце Калашникове». Театральным помещением служило гумно. На этот спектакль сбежалась вся детвора, но взрослые считали слишком несолидным для себя заинтересоваться этим. Что касается кино, то в нем никто не был, да, кажется, мало кто о нем и слышал.

Говоря о культурном уровне, следует отметить, что жители деревни если и знали матерную ругань, то применяли ее крайне редко, а если и применяли, то это означало состояние аффекта, когда дело стояло на грани побоища. Вместо этого крестьяне располагали очень богатым арсеналом разного рода проклятий («каб цябе халерья забрала», «бадай цябе воўк маленькую зьеў» и т. д.).

За редким исключением мужичпы любили выпить, однако совершенно пьяные (на свадьбах, на большие праздники), если и попадались, то редко, стараясь в таком случае поскорее куда-либо убраться с людских глаз. Чуть ли не обязательным считалось выпить «кручок» (примерно четвертинку) при выезде из Минска «пад Бэркам», т. е. у последней корчмы при самом выезде из города. Женщин, любительниц выпить, не было совсем. Все жители деревни были очень бережливы. В особенности берегли все покупное. Зимними и осенними вечерами, например, лампа зажигалась тогда, когда оканчивалась «шарая гадзіна» (сумерки) и наступала полная темнота, а утром свет гасили как только можно было что-то рассмотреть и так. Чрезвычайно бережно относились к праздничной одежде и обуви и т. д. Но бережливость временами принимала тяжелые формы. Так, единственная дочь богатого крестьянина в возрасте 8—10 лет получила на пасху от матери красное яйцо. Такое яйцо было едва ли не единственным подарком, который в то время давали детям. Понятно, с каким нетерпением дети ждали как самой пасхи, так и красного яйца. И вот, девочка, получившая долгожданное яйцо, уронила его и оно разбилось. Можно представить ужас ребенка. С яйцом играли все четыре дня, пока праздновалась пасха, не решаясь съесть такое лакомство, а тут катастрофа. Заливаясь слезами, девочка бежала к матери с просьбой дать целое, но получила в ответ, что яйца выдаются всем по одному и что для нее исключения не будет.

Будучи такими экономными, крестьяне считали обязательным бесплатно накормить «подорожного» человека, который обратился с подобной просьбой. Хозяин, который не выполнял этого подвергался осуждению, насмешкам. Воровства в деревне не было и даже дети не лазили в чужие сады или огороды, хотя бы потому, что кара от родителей в таком случае была весьма основательной.

Праздники

Деревня строго соблюдала праздники в том смысле, что в праздничные дни не полагалось делать ничего, кроме ухода за скотом и приготовления пищи для себя. Впрочем, летом в воскресенье не считалось грехом привезти телегу сена или ржи, но это можно было сделать к вечеру, после церковной службы, если же это было не обычное воскресенье, то не разрешалось и того. Вместе с тем крестьяне считали, что слишком много праздников (сверх воскресений) не идут на пользу, и поэтому какое-то количество дней, которые праздновались ранее, в Вицковщине игнорировались.

Н. Н. Улащик на месте отцовской усадьбы. Окрестности деревни Вицковщина Дзержинского р-она Минской обл. (1977 г.)

Обзор годовых праздников и обрядов начинался обычно с нового года, вернее с рождества. Празднование рождества начиналось 24 декабря. К вечеру этого дня хата и ее обитатели имели праздничный вид, и хотя посещение вечерни было для старших обязательным, однако основой этого вечера была «куцьця», т. е. праздничный ужин. В этот вечер стол покрывался сеном, сверх которого застилали скатерть и ставили миску с кутьей (круто сваренной ячменной кашей). По прежним обычаям в этот вечер хозяйка должна была поставить на стол 12 постных блюд и сама эта кутья называлась «першай» (первой). Однако требование изготовления такого количества блюд попало в разряд почти «забабонаў» и кушаний готовилось значительно меньше. «Куцьця» начиналась обычно с грибного супа, затем следовала рыба жареная, потом овсяный кисель с ристертым маком и маковым подслащенным молоком, после него разного рода изделия из муки, сдобренные маком, предпоследним подавался компот (у кого были свои сушеные фрукты) и в заключение предлагалась сама «куцьця» с маковым молоком. Обычно к тому времени публика была так перегружена, что кашу только пробовали, потому что оставить ее нетронутой считалось неприличным (на языке того времени — грехом).

Празднование самого рождества продолжалось три дня, но до крещения (6 января) работать можно было только до смеркания, а в темноте грехом считалось даже пряхсть. Елка в то время была неизвестна и когда самохваловичская школа устроила ее, то об этом событии говорила вся волость.

Вечером 31 декабря праздновалась вторая кутья («багатая»), так как то была скоромная. Количество блюд для этой кутьи не было установлено и раньше, но здесь хозяйка могла больше развернуться, угостить свою семью самыми вкусными изделиями из свинины. Как и на первую кутью, стол застилался сеном и на скатерть ставили такую же ячменную кашу, заправленную на этот раз топленным салом. Вечером перед крещением праздновалась третья кутья («галодная»). Она была постной, голодной же ее называли затем, что считалось, будто за праздники хозяева, роскошно питаясь, успели сильно израсходовать свои продукты. На кутью не пола-

галось никого приглашать и никто из семьи не должен был уходить из дома. Утром 6 января сено, которое лежало на столе, раздавалось по клочкам коровам и лошадям. Традиции эти были такие крепкие, что никому и в голову не приходило нарушить их. Постным днем 6 января заканчивался цикл рождественских праздников.

В промежутке между рождеством и пасхой было только два значительных праздника: сретение («грамніцы») и благовещение (впрочем, в некоторые годы благовещение приходилось на пасху). На «грамніцах» принимались меры против удара молнии («пяруна»). Средством, предохраняющим хату от перуна, был крест, который делался свечной копотью на балке хаты; свечу эту приносили зажженной из церкви. Той же свечой у мальчиков поджигали прядь волос над лбом. К этому дню мать пекла сыновьям из теста косы, а девочкам серпы. Таким образом, «грамніцы» как мало какой другой праздник носил следы земледельческого дохристианского культа.

Наиболее «праздничным» был праздник пасхи. Очевидно, это получалось не только вследствие длительного подготовительного периода, предшествовавшего пасхе (великий пост; вербные суббота и воскресенье; чтение 12 евангелий в четверг перед пасхой; вынос плащаницы в пятницу), но и наступающей весной. К этому времени в Белоруссии наступают теплые дни, появляется трава и первые цветы, с рассвета и до темноты в небе верещат жаворопки, а если пасха бывает поздно, то распускается береза. При таких условиях не работать 4 дня (столько дней в той местности праздновали пасху) и притом получать усиленное и вкусное питание, тогда праздник покажется очень хорошим даже и без предварительных приготовлений.

Неотъемлемой частью пасхального празднования были «волоچهбники». «Волочебниками» назывались лица самого разного возраста — от мальчишек до совсем солидных мужчин, — которые собравшись небольшими группами (человек по 5—6) ходили в первую пасхальную ночь и пели под окнами «волочебные» песни. Перед первой мировой войной «волочебников» ходило столько партий, что первая из них появлялась сразу после заката солнца, а последняя пела уже когда светало, причем промежуток между партиями едва ли продолжался и полчаса. Ожидая «волочебников», хозяйки ставили у окна ведро или «дайніцу» (подойник) с сырыми яйцами, которыми и одаривали певцов. В отдельных случаях партия ходила со скрипачем. В таком случае после выступления ведущего группы с формулой приветствия, скрипка задавала мотив, после которой вступал хор.

В последние предвоенные годы воздействие церкви сказалось на репертуаре «волочебников», которые стали вместе с традиционными «волочебными», исполнявшимися одну ночь в году, петь так же церковную (в белорусском произношении «Вялікі сьвяты нам дзень настаў» или же польскую «Wesoły...»).

Во вторник после пасхальной недели справлялась радуница, а по старинному «дзяды». В этот день все ходили на кладбище поправлять могилы родных, а вечером на ужин подавались остатки от пасхального стола. На этом цикл пасхальных праздников заканчивался, если не считать вознесения («ушэсьця») и троицы («сёмухі»), связанных с пасхой. Троица в деревне праздновалась тоже четыре дня. Причем хаты убирались «маем», т. е. березками, а на крыльце и в хате разбрасывали аир. На Ивана Купала дома украшались главным образом полевыми цветами, которых к тому времени была масса. Все прочие праздники (Петра и Павла, Успения, Спасов день, зимний Николин день) числились обычными, когда отправлялась церковная служба и нельзя было работать.

Все эти празднования имели религиозный характер, почему следует остановиться на религиозности населения деревни. Часть жителей в свое время принадлежала к униатам, но об этом уже мало кто помнил, и все коренные обитатели были православными; католиками были только две семьи арендаторов. Жители аккуратно выполняли все церковные повинности, т. е. родившихся младенцев крестили, в свое время, когда дети подрастали, их водили к исповеди и к причастию, женитьба считалась

законною лишь после венчания в церкви и, наконец, погребение без поа было немисливо.

Утром и вечером все, начиная примерно с семи лет, должны были прочитать молитвы. Молитвы эти, числившиеся неизменным элементом образования, рассматривались как формулы, с которыми только и можно обращаться к богу, и никто, включая попов, обязанных проводить религиозное воспитание, никогда не пытался разъяснить смысл тех формул, которые назывались молитвами и которые для молящихся были непонятны.

Элементом религиозного воспитания были также посты. Ранее, в XIX и в начале XX в. посты, в особенности филиппов и великий, соблюдались неукоснительно всеми, исключая маленьких детей. В петровский пост, однако, разрешалось есть молочное; старые люди часто в субботу перед пасхой не ели ничего, более же ревностные не ели перед пасхой три дня. Среди молодежи, однако, последователей это не находило.

ГОЛОСА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

ГОРИЗОНТОВ Л., МИЛЛЕР А.

КОНФЕРЕНЦИЯ МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Конференция проходила 21—23 апреля 1987 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР. С докладами выступили 22 сотрудника и аспиранта институтов всеобщей истории (ИВИ), славяноведения и балканистики (ИСБ), истории СССР (ИИ СССР) АН СССР, Московского государственного университета (МГУ) и Высшей комсомольской школы (ВКШ).

Необыкновенное богатство общественной мысли нового времени как объекта исследований, плодотворность ее сравнительно-исторического изучения, необходимость интердисциплинарного подхода к разработке этой области истории общества, дискуссионность некоторых методологических носылок и неупорядоченность понятийного аппарата — таковы реалии, определяющие актуальность координации работы ученых. Создание целостной картины развития европейской общественной мысли, отражающей ее общие закономерности и многообразие ее национальных проявлений — масштабная задача, в решение которой предстоит внести вклад и молодым специалистам.

Доклады, прозвучавшие на конференции, были сгруппированы в несколько проблемных узлов, после каждого из них следовала общая дискуссия. Первые пять выступлений объединяла тема «Общественная мысль эпохи Просвещения и ее идейные преемники». В докладе Е. И. Лебедевой (ИВИ) «Политическая мысль Франции XVIII в. и борьба правящих верхов общества накануне Великой французской революции» рассматривалось видоизменение идей Просвещения по мере их распространения в различных слоях господствующего класса, в частности, в результате «срастания» просветительских концепций с восходящими к средневековой идеологическими традициями аристократии. Проблема идейной связи между Просвещением и великим революционным десятилетием Франции заняла центральное место в докладах сотрудников ИВИ С. Я. Карпа («К вопросу о судьбе идей Просвещения в годы Великой французской революции: Бриссо и Гельветий») и Н. Ю. Плавинской («Идеи Монтескье в политической мысли Директории»). Воззрения корифеев Просвещения, как это было показано в докладах, активно участвовали в формировании идейного климата Франции 90-х годов XVIII в. При этом их общественно-политические функции не оставались неизменными, и в зависимости от динамики и направленности революционного процесса на первый план выдвигались те или иные стороны и интерпретации учений просветителей.

Откликом на бурные события конца XVIII в. явился трактат У. Годвина «Политическая справедливость», проанализированный А. В. Чудиновым (ИВИ). Докладчик охарактеризовал воззрения английского мыслителя по вопросам войны и мира.

В докладе И. С. Савиной (ИВИ) «Французские социалисты-утописты первой половины XIX в. о пролетариате и его исторической роли» показано, как общественная практика, в данном случае опыт первых революционных выступлений рабочего класса Франции, влиял на уточнение идейно-политических доктрин.

В дискуссии была затронута проблема закономерности Великой французской революции, вопрос о роли идей Просвещения в подготовке революционного взрыва. Обсуждалась также проблема генезиса европейского консерватизма, а именно — была ли Великая французская революция толчком, давшим начало формированию консервативной идеологии и заставившим задним числом провести переоценку идей Просвещения, или же этот процесс начался раньше как реакция непосредственно на Просвещение.

Тема «Европейское Просвещение и формирование стереотипов России на Западе» была представлена на конференции докладами Е. Ю. Артемовой (ИИ СССР) «Отражение идей французского Просвещения в записках французов о России в последней трети XVIII в.» и И. В. Карацубы (ВКШ) «Стереотипы восприятия России в английской общественно-политической мысли конца XVIII — начала XIX в.». Докладчики выяснили, что, руководствуясь господствующей у себя на родине системой ценностей, французские и английские путешественники в своей оценке России сильно зависели от автостереотипов. Для французов подобным мерилom жизни русского общества стали принципы, выработанные философами Просвещения, тем более, что, как правило, именно при посредстве сочинений просветителей будущие путешественники впервые знакомились с Россией. На этнический автостереотип англичан, с которым они соотносили все другие народы, оказали влияние как экономические и политические достижения самой передовой капиталистической державы, так и противоречия буржуазного общества, ставшие особенно явными на рубеже XVIII и XIX вв. в ходе промышленного переворота. Именно в этот период помимо традиционного негативного восприятия России, построенного на противопоставлении передовой и отсталой стран, появляется новая руссоистская вариация стереотипа, подчеркивающая «неиспорченность» русского народа цивилизацией. Во время обсуждения прозвучали замечания, что, несмотря на значительную устойчивость стереотипов, при их изучении неправомерно абстрагироваться от общественно-политического расслоения этносов, в которых они функционировали, и изменений международной конъюнктуры. Выступая в прениях, Л. Е. Горизонтов (ИСБ) остановился на слабоизученных стереотипах России первой половины XIX в. В немецкой и французской общественной мысли того времени весьма распространенным было предвидение выдающейся роли России во всемирной истории. Аргументируя свой прогноз, видные мыслители и публицисты ссылались не столько на военно-политическую мощь страны — победительницы Наполеона, сколько на ее историческую молодость и, что парадоксально, демократический характер николаевской России. Изучение западных стереотипов может быть полезным для разработки некоторых аспектов истории русской общественной мысли. Л. Н. Пушкарев (ИИ СССР) подчеркнул, что вынесенные на обсуждение доклады представляют двоякий интерес для историков. С одной стороны, в научный оборот вводятся малоизвестные источники по отечественной истории, с другой, постигается сложный механизм формирования этнических стереотипов, имеющий большое значение для культурологических исследований.

Историко-культурный акцент был присущ третьему проблемному узлу конференции, построенному преимущественно на югославянском материале. В докладе Л. В. Зелениной (ИСБ) «Первое сербское восстание и православная церковь Сербии (1804—1813 гг.)» анализировались условия жизни и общественная активность духовенства Белградского пашалыка, отношения между духовной и светской властью. В сербском обществе с неполной этно-социальной структурой, при отсутствии национального дворянства, клиру принадлежала особая роль, связанная как с формированием сельской и торговой буржуазии, так и с распространением национальной идеологии. Подчеркивалось своеобразие условий в развитии сербской общественно-политической мысли начала XIX в., сконцентрированной почти исключительно на разработке идеи борьбы за независимость. А. А. Овакимян (ИСБ) в докладе «Типология армянской и сербской

культур национального Возрождения» показал, какой огромный скачок произошел в духовной жизни двух стадияльно сопоставимых обществ в первые две трети XIX в. Ускоренное развитие и включение сербской и армянской культур в орбиту общеевропейского идейно-художественного процесса определили их крайнюю гетерогенность, в частности, сосуществование просвещенческого мировосприятия и марксизма, классицизма и критического реализма. А. Овакимян отметил, что аналогичный тип культурного развития представляет часть скандинавских народов, а также Украина, Белоруссия и др. В прениях было выражено единодушное убеждение в плодотворности сравнительно-исторического изучения географически отдаленных регионов, которыми, как показал опыт конференции, помимо Сербии и Армении, могут стать, к примеру, Венгрия и Испания.

В докладе Н. В. Злыдневой (ИСБ) «Идея единения югославянства и художественная семантика Видовданского храма И. Мештровича» речь шла о специфическом типе взаимодействия пространства политических идей и художественного сознания на Балканах в начале XX в., проявившемся в изоморфизме структур идеологического мышления и поэтики (так называемой поэтики «предела») в творчестве выдающегося хорватского скульптора.

Е. В. Котова (ИВИ) показала роль конституционализма — программы австро-немецкой либеральной буржуазии — в борьбе за преобразование австро-венгерской полуфеодальной абсолютистской монархии в дуалистическое конституционное государство. В дискуссии отмечалось, что в докладе упрощенно показана расстановка политических сил многонациональной империи, где либеральные группировки угнетенных народов в большинстве случаев не могли сотрудничать с австро-немецкими либералами из-за их централистского курса и оказывались часто в одном лагере с консерваторами-федералистами.

Т. И. Студеникина (ИСБ) проанализировала в сравнительном плане развитие взглядов польских и немецких демократов 30—40-х годов XIX в. по национальному вопросу. Сходными для этих течений были тенденции к отождествлению понятия нация с массами трудящегося населения, антифеодалная направленность демократической концепции патриотизма; сочетание представлений о национальном своеобразии каждого отдельного народа и его права на государственно-политическую самостоятельность с идеей о единстве всего человечества, основанного на общих принципах «свободы и равенства». Однако распространенные в 30—40-е годы выражения демократической солидарности поляков и немцев в условиях революции 1848—1849 гг. уступили место острому национальному конфликту.

В дискуссии отмечалось, что Т. И. Студеникина и Е. В. Котова рассмотрели ситуации, когда противоречия в позициях по национальному вопросу становились препятствием на пути сотрудничества течений, социальная природа и программа которых были близки. Таким явлениям необходимо уделять больше внимания как закономерному следствию одной из главных тенденций XIX в. — роста национализма.

Развитию национализма на качественно новом этапе был посвящен доклад И. М. Лапиной (ИСБ), проследившей трансформацию идеи «Великой Румынии», начиная с 70-х годов XIX. Сначала концепция «идеального отечества» служила мобилизации на борьбу за национальное освобождение и консолидацию, однако с течением времени все больше использовалась для обоснования экспансионистских планов румынских господствующих классов. В теоретическом плане эта концепция окончательно оформилась в румынской буржуазной историографии межвоенного периода.

В докладе И. В. Сабелпиковой (ИИ СССР) «Идеология дворянской революционности в России» отмечалась дискуссионность проблем истории декабризма как в советской, так и в западной историографии. Буржуазные черты декабристских программ не могут быть объяснены без учета обращения первого поколения русских революционеров к опыту передо-

вых стран Запада. По мнению докладчика, существенным для понимания движения декабристов является их принадлежность к военной элите России. В дискуссии было подчеркнуто, что плодотворным является рассмотрение идеологии декабризма как варианта раннего российского либерализма, сформировавшегося в среде дворянской интеллигенции.

Вопросу о роли западной общественной и научной мысли в генезисе русского либерализма были посвящены выступления А. Н. Медушевского (ИИ СССР) («Гегель и русский либерализм: государственная школа») и В. Л. Степанова (МГУ) («Западноевропейская экономическая мысль и формирование либеральной идеологии в России в 50—60-е годы XIX в.»). Согласно А. Н. Медушевскому, русский либерализм нашел в работах представителей государственной школы, сложившейся в начале 40-х годов под сильным влиянием философии Гегеля, свое наиболее полное идейное выражение. Наметившийся к 80-м годам отход от узкого государственного детерминизма знаменовал распад школы и был связан с вытеснением гегельянства позитивизмом и неокантианством. В. Л. Степанов охарактеризовал ряд учений западных экономистов, оказавших воздействие на складывание русской буржуазно-либеральной политэкономии: историческую и манчестерскую школы, взгляды Г. Кэри, Д. Милля, Ж. Сисмонди, Г. Шульце-Делича и др. Кроме общего пафоса апологизации буржуазного строя, русские либералы получили в наследство от западных учителей и многие конкретные положения своей экономической программы. Однако идеологи либерализма нередко вносили в заимствованные концепции некоторые коррективы, учитывавшие уровень развития и специфику России. В целом, как отметил В. Л. Степанов, русской либеральной экономической мысли середины прошлого столетия был свойствен эклектизм.

В докладе Л. Е. Горизонтова «Идеи сотрудничества общественно-политических сил России и Польши в программе русских либералов 40-х — начала 80-х годов XIX в.» было отмечено, что поиск политического партнера в польском обществе явился концентрированным выражением позиции русских либералов по одному из острейших вопросов империи — национальному. Наиболее ранним либеральным вариантом решения этого вопроса докладчик считает концепцию «классических» славянофилов, призывавших опереться на польское крестьянство, «возродив» его в ходе антифеодальных преобразований. К концу 70-х годов симптомы социально-политического пробуждения польского крестьянства заставляют русских либералов отнестись к нему как к потенциальному противнику и сделать ставку на растущее влияние позитивистски настроенных кругов интеллигенции Королевства, платформу для сотрудничества с которыми составляли проекты распространения всей совокупности буржуазных реформ 60—70-х годов на польские губернии.

Ряд выступавших в дискуссии возражали против отнесения славянофилов к либералам, определяя их как консерваторов-реформистов и отмечали, что в основе внимания славянофилов к польскому крестьянству лежали представления о патриархальности и консерватизме этого слоя.

В докладе о развитии социальной доктрины польских консерваторов в XIX в. А. И. Миллер (ИСБ) описал систему ценностей консервативной идеологии и подчеркнул, что в рамках этого идейного комплекса были как безусловно охранительные, так и консервативно-реформистские течения. Творческим направлением польского консерватизма было именно консервативно-реформистское, становление которого начинается в конце 40-х годов XIX в. Идейное развитие польского консерватизма по ряду существенных черт типично для стран Центральной и Восточной Европы, отстававших в развитии капитализма от Западной Европы: в условиях постоянно усиливавшихся буржуазных влияний консерваторы создавали различные варианты антибуржуазного общественного идеала. Во второй половине 60-х годов с переходом к практической политике они пытаются с помощью определенных реформ ограничить развитие буржуазных отклонений, защитить от них некоторые сферы общественной жизни. Вскоре,

на рубеже 70—80-х годов, происходит разрушение консервативной утопии и отказ от ряда консервативных ценностей.

А. Л. Эпштейн (ИВИ) рассмотрела эволюцию испанских консерваторов на рубеже XIX—XX вв., их переход от традиционалистской политики к реформизму. В докладе показана закономерность неудачи консервативных политиков в попытке приспособиться к новым условиям, определявшимся ростом политической активности масс.

В дискуссии по докладам, посвященным либеральным и консервативным течениям общественной мысли, отмечалась необходимость не ситуационного, а сущностного и системного подхода к изучению идеологии, т. е. анализа не только конкретных политических постулатов, но прежде всего наиболее общих представлений о человеке и обществе, всей системы ценностей идейного течения, о необходимости углубленной разработки главных категорий исследования (например, «общественная мысль», «мировоззрение»), а также создания четкой терминологической системы.

Программа конференции завершалась докладами о социал-демократической идеологии, в которых анализировались трудности усвоения марксизма на ранних этапах развития рабочего движения — в Венгрии (доклад Е. В. Хромовой — ИСБ), в Испании (доклад Л. М. Бухармедовой — ИВИ).

В целом конференция показала, что круг интересов молодых исследователей общественной мысли нового времени, включающий идеологию Просвещения и утопический социализм, либерализм и консерватизм, социал-демократизм и национализм, — достаточно широк. Однако конференция свидетельствует о наличии серьезных проблем, присущих нашей историографии общественной мысли в целом, о слабой разработанности методологии, частом отсутствии методологической рефлексии в исследованиях, посвященных конкретным проблемам. Одно из последствий такой ситуации — ограниченность возможностей проведения сравнительно-исторических исследований и типологизации идейных явлений. Учитывая опыт конференции, ее участники приняли решение об организации семинара, посвященного проблемам методологии изучения общественной мысли.

МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ

ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ

Первая просьба и пожелание, которое хотелось бы высказать в адрес журнала «Советское славяноведение» — это оживление стиля, языка публикаций, конечно же, при строгости научного изложения, но, порой, оно переходит в сухую конспективность. Как следует из самого названия журнала, он призван отражать проблемы славяноведения, разрабатываемые советской наукой. В этом отношении желательно чаще видеть материалы, касающиеся не только западных и южных славян, но и восточных их братьев. Причем, если это возможно, не только их социально-политической, этнической истории, но и художественной истории и культуры.

Хотелось бы, чтобы на страницах журнала нашла поддержку такая инициатива писателей северо-западной зоны РСФСР, как проведение в нашей стране Дня славянской письменности. Эти празднования были проведены два года назад в Архангельске, в этом году — в Вологде, на будущий год планируется их проведение в Новгороде.

*Горшковоз О. Д.,
канд. искусствоведения, г. Вологда,
обл. краеведческий музей*

Мои пожелания журналу «Советское славяноведение» таковы.

Как можно больше журнального пространства нужно отвести проблемам методологии.

Облик журнала определяют публикации историко-филологического характера. Так, думаю, должно быть и впредь: в этой традиции — залог научной основательности издания. Но стоит, быть может, в несколько большей мере, чем это было принято до сих пор, исходить из современного состояния славянских литератур. То новое, что им сегодня присуще, связано, во-первых, с повышенным вниманием к прошлому, к истокам национальной культуры; во-вторых — с возросшим уровнем культуры художественной, что, в свою очередь, свидетельствует о приобщении к традициям мировой литературы. Исследования, посвященные этим вопросам, вызвали бы несомненный интерес. Можно открыть разделы «Фольклор и современность», «Традиции национальной и мировой классики в современной литературе», «Классики славянской культуры» — словом, такие, которые позволили бы сочетать традиционную историко-филологическую направленность журнала с ориентацией на общепонятные литературного процесса, каким он предстает сегодня. Можно пойти и по другому пути: готовить время от времени спецвыпуски — номера, целиком посвященные той или иной актуальной для всех литератур проблеме. Это помогло бы выявить как то общее, что им ныне присуще, так и специфическое, национальное.

Хорошо бы открыть рубрику «малых научных жанров», в которой публиковались бы какие-нибудь «заметки на полях», «фрагменты» и т. д. Ведь едва ли не у каждого ученого есть такие материалы — что-то, что «не тянет» на большую статью, не вошло в нее по тем или иным причинам, но тем не менее важное, интересное.

*Корневская Н. М., канд. филол. наук,
научный сотрудник ИМЛИ им. А. М. Горького АН СССР*

В журнале крайне мало печатается статей по периоду феодализма. Стоило бы также давать хотя бы небольшие публикации памятников славянской письменности. Хорошо известно, что многие из них, и при этом ценнейших, находятся в наших хранилищах. То же относится и к произведениям средневекового искусства (например, сербские, болгарские, молдавские и валашские иконы, памятники шитья). Такие публикации сразу бы привлекли внимание к журналу как отечественных и зарубежных исследователей, так и более широкого круга читателей. Когда-то в журнале была научно-популярная рубрика «Памятники славянской культуры». Не стоит ли ее восстановить?

*Рогов А. И., канд. ист. наук,
ведущий научный сотрудник ИСБ АН СССР*

Уважаемая редколлегия!

Давно назрела необходимость усовершенствования журнала. Вы продумываете возможности его улучшения. Для этого существует, пожалуй, единственный способ — повышение научного уровня публикаций, расширение их тематики и проблематики. Журнал должен быть интересным, живым изданием, поддерживающим тесную связь с читателем. В связи с этим представляется необходимым определить круг читателей, точнее определить адресата и учитывать его при формировании содержания журнала. Это должны быть не только научные работники, но и преподаватели, студенты, учителя.

Конечно, не следует превращать научное издание в популярное, но приблизить его по форме (доступность, яркость языка, ясность стиля) и содержанию к профессиональным и интеллектуальным запросам читателей необходимо.

Вот некоторые соображения на этот счет. Представляется целесообразным ввести новые рубрики: публикации источников, методология и методика научных исследований, преподавания истории в вузе, дискуссии. Все это особенно важно для славистов, занимающихся преподавательской и пропагандистской работой. Отдельно хочется остановиться на разделе дискуссий. Формы здесь могут быть самые различные — публикации полемических статей, заметок, рецензий, стенограмм «круглых столов», организуемых редакцией совместно с различными учреждениями и организациями, заочное анкетирование с последующей публикацией соответствующих материалов. Рубрика «Люди, события, факты» вполне может быть постоянной.

Безусловно, есть большая польза от «юбилейных» выпусков, которые должны быть особенно тщательно и эстетично подготовлены, снабжены новыми или редкими фотографиями, иллюстрациями, репродукциями и т. п. Средствами привлечения читателей и авторов могут быть конкурсы, к примеру, на наиболее интересную публикацию года или по определенной теме.

Журналу следовало бы более активно привлекать периферийных авторов, материалы которых нуждаются, может быть, в более пристальном внимании со стороны редколлегии, но в то же время заслуживают конструктивной и доброжелательной критики. Они работают зачастую в особенно сложных условиях (загруженность преподавательской, воспитательной, пропагандистской работой, порой отсутствие на местах научных библиотек), но и они способны внести вклад в развитие научных исследований в стране. Кстати, за фамилией автора имеет смысл указывать город, из которого прислан материал.

Как видите, уважаемые товарищи, высказанные предложения не претендуют на принципиальную новизну, они лишь обобщают положительный опыт лучших отечественных и зарубежных изданий научной периодики.

Позвольте пожелать всем членам редколлегии и работникам редакции здоровья и успехов в этом трудном и ответственном деле.

*Тимошенко Е. И., канд. филол. наук, ассистент;
Титова А. А., канд. ист. наук, доцент,
Гомельский университет*

Для улучшения журнала необходимо прежде всего повышение уровня научной проблематики, которая обсуждается на его страницах.

По-моему, это возможно сделать в двух направлениях. Во-первых, должны рассматриваться наиболее крупные, масштабные вопросы, рассмотрение которых предполагает проведение исследований сравнительно-исторического характера. Из них хотелось бы особо выделить вопрос о своеобразии исторических путей развития отдельных стран и регионов, о месте Центральной и Юго-Восточной Европы в Европе в целом. Во-вторых, речь должна идти о более широком обращении к актуальным проблемам. И здесь хотелось бы подчеркнуть необходимость показа исторического процесса, как противоборства сил реакции и прогресса, находящихся между собой в диалектическом единстве на каждом этапе развития. Одна из важнейших задач нашей науки сегодня, как представляется, это — изучение идейной деятельности реакционных сил, выявление причин действительности их влияния на массы, идейной роли реакционных исторических традиций. Решение такой задачи позволило бы нашей науке не только воссоздать историческое прошлое во всей его полноте, но и внести позитивный вклад в дело современной борьбы реакции и прогресса не только на международной арене, но и на нашей собственной почве.

Хотелось бы высказать еще два пожелания, осуществление которых, несомненно, способствовало бы росту научного и общественного значения журнала.

Во-первых, стоило бы создать в журнале небольшую, но постоянную рубрику публикаций, где публиковались бы небольшие по объему, но важные по содержанию источники.

Во-вторых, учитывая, что интерес широкой общественности к историческому прошлому удовлетворяется, как у нас, так и за рубежом, прежде всего за счет чтения научно-популярной и художественной литературы, представляется весьма важным делом дать на страницах печати критический анализ наиболее крупных, оказывающих наиболее значительное воздействие на общественное сознание таких произведений. Комплексный характер института славяноведения создает необходимую базу для выполнения такой работы. В журнале результаты такой работы могли бы публиковаться и в виде совместных статей историков и литературоведов и в виде отчетов о научном обсуждении отдельных произведений.

*Флоря Б. Н., д-р ист. наук,
ведущий научный сотрудник ИСБ АН СССР*

Пожелание мое таково: больше внимания уделять литературоведению, до сих пор оно представлено в журнале, на мой взгляд, недостаточно. Конечно, есть литературоведческие журналы, однако среди подписчиков журнала, много, вероятно, литературоведов, которые несомненно с пользой читают статьи историков, но...

Мне думается, могли бы появиться новые рубрики: скажем, что-то вроде «Трибуны слависта», где в полемичной форме проверялись бы возможные пути и направления научно-исследовательской мысли, перспективы славистики, где, наконец, можно было бы узнать о ведущих ученых страны до того, как о них напишут некрологи. Не думаю, что это противоречит строгому академизму, определяющему стиль журнала «Советское славяноведение».

*Шабловская И. В., доцент, зав. кафедрой
Белорусского государственного
университета им. В. И. Ленина*

Пожелания журналу «Советское славяноведение» позвольте пачать с призыва «Ближе к нуждам перестройки!»

Наступило время подъема в нашей общественно-политической и духовной жизни. Открыто обсуждаются острейшие проблемы развития: что у нас не получается и почему? в каком направлении идти дальше? Стоит однако заметить, что наиболее смело эти вопросы ставятся в периодической печати, в публицистике, художественной литературе. Академическая наука пока еще не сказала своего веского слова. Это замечание во многом касается и научных общественно-политических журналов, которые еще только раскачиваются, не решаясь нарушить давно и тщательно «отредактированную» (читай: заредактированную) привычку.

Но почему бы и журналам, традиционно занимающимся историческими вопросами, не раздвинуть рамки своей деятельности, более активно включиться в обсуждение проблем перестройки? Это пожелание хотелось бы адресовать «Советскому славяноведению». Журнал зарекомендовал себя как квалифицированное издание, но для весьма узкого круга профессионалов-славистов. Сейчас для него открылась возможность расширить, укрепить свои научно-общественные позиции. Речь идет не только об обсуждении путей обновления советского общества. Существует острейшая потребность в освещении вопросов развития европейских социалистических стран, теории и практики обмена опытом строительства социализма. На XXVII съезде КПСС эта задача рассматривалась как одна из основных. Многие из вопросов, которые поднимаются у нас, в ряде братских стран уже решены, либо решаются по-другому, иногда более эффективно. Накопленный здесь опыт удач, но также и ошибок, их преодоления помог бы нам избежать ненужных издержек, скорее выбрать оптимальный путь к цели.

Между тем, пока вопросы обмена опытом между странами социализма освещаются из рук вон плохо, на недостаточном профессиональном уровне, от случая к случаю. «Советское славяноведение» могло бы сказать здесь свое слово. Полезным могло бы стать введение соответствующей постоянной рубрики, расширение круга авторов, в том числе из братских стран. Остро ощущается потребность в информации о характере хозяйственных реформ в отдельных странах, новых моментах социальной политики, совершенствовании политсистем, демократизации общества, отношении масс к перестройке в целом. Не говорю об удивительном разнообразии, неповторимости духовно-культурной жизни в странах социализма. Публикации по этим вопросам вызвали бы несомненный интерес и расширили читательскую аудиторию журнала.

Выход на современность, расширение диапазона выступлений отнюдь не означает посягательства на профиль, позитивные традиции журнала.

Совсем напротив, новый взгляд облегчит более диалектическое видение и исторических проблем, позволит развивать их на качественно новом уровне. Причем, сегодня анализ многих из этих проблем приобретает реальное практическое значение. Так, без обращения к истокам, к достижениям общедемократической мысли прошлого, к незаслуженно забытым либо несвоевременно отвергнутым историческим традициям трудно развивать новое политическое мышление, уважение к множественности взглядов, способность к диалогу. Здесь опять же был бы полезен анализ опыта братских стран. Да и в целом для нас важно, как в этих странах возвращают пиетет к прошлому, к собственной истории, сохраняют связь времен.

Расширение проблематики журнала, постановка острых, дискуссионных проблем привлечет к нему новых авторов, внимание общественности. Это может усложнить работу редакции, сулит дополнительные хлопоты главному редактору. Но ведь и выигрыш немалый — признание читателей.

*Щевцова Л. Ф., канд. ист. наук,
зав. группой идеологических проблем
Института экономики мировой
социалистической системы АН СССР*

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. XII. Январь 1961 г. — декабрь 1955 г. М., 1986, 576 с.

Первый том совместной советско-польской публикации увидел свет еще в 1963 г. Как и все последующие тома, очередной выпуск этого обширного серийного издания отражает разные уровни и сферы развития советско-польских отношений. В новом томе содержится 289 документов, из них 73, по нашим подсчетам, публикуются впервые. Таким образом удельный вес вводимых в научный оборот документов весьма значителен. В то же время в ряде случаев включение всего текста ранее публиковавшихся и не имеющих принципиального значения документов без всякого ущерба для издания могло быть заменено публикацией лишь названия документа с ссылкой на опубликованный источник. Так, например, сделано с соглашением о создании и совместной эксплуатации общего парка грузовых вагонов (документ 182), с соглашением об организации Центрального диспетчерского управления объединенных энергетических систем (документ 103) и др., так же можно было бы поступить с полностью воспроизведенной информацией газеты «Комсомольская правда» о прибытии в Москву молодежного поезда дружбы из Польши и с рядом других документов. В примечании к сообщению «Комсомольской правды» о прибытии поезда дружбы указывается, что участники поезда побывали в Третьяковской галерее, на ВДНХ, на заводах и фабриках, затем выехали из Москвы в Ленинград. Видимо, при таком построении примечания следовало бы сказать и о том, где побывали польские гости в Ленинграде и о том, когда они отбыли на родину.

Так как речь зашла о примечаниях, комментариях, то следует сказать, что они, как правило, весьма содержательны, насыщены большим фактическим материалом, представляют собой самостоятельную научную ценность и являются

результатом большой и полезной изыскательской работы.

Социалистическое строительство осуществлялось в обеих странах на основе широкого развития в их взаимоотношениях принципов социалистического интернационализма, определявших их деятельность, протекавшую как на двусторонней основе, так и в рамках Совета Экономической Взаимопомощи и Организации Варшавского Договора. В этой сфере значительную роль сыграли Соглашение о поставке из СССР в ПНР некоторых видов оборудования в 1962—1967 гг., заключенное 19 мая 1961 г., тогда же подписанное Соглашение об оказании Союзом ССР технической помощи ПНР в развитии тяжелой промышленности, вскоре же, 7 июля 1961 г., подписанное советско-польское соглашение о помощи и взаимном сотрудничестве по использованию атомной энергии в мирных целях, последовавшие затем протоколы о строительстве линии электропередачи и поставках электроэнергии из СССР в Польшу, состоявшейся в декабре 1963 г. сдаче в эксплуатацию польского участка нефтепровода «Дружба» и другие акты, определявшие задачи взаимного экономического сотрудничества.

Многие документы, помещенные в томе, отражают весьма широкое взаимодействие обеих стран в области науки и культуры. Тут наиболее значительными для всего последующего развития представляются соглашения о сотрудничестве Академии наук СССР и Польской Академии наук и создание в апреле 1964 г. Межправительственной Советско-Польской Комиссии по экономическому и научно-техническому сотрудничеству.

Многие приведенные в публикации материалы отражают интенсивные связи общественности обеих стран — профсоюзов, молодежных организаций, творческих союзов. Особо заслуживает быть

отмеченным то, что, как вытекает из документов, в Польше широко отмечались такие памятные даты, как дни рождения В. И. Ленина, очередные годовщины Великой Октябрьской социалистической революции и Советской Армии и Военно-Морского Флота, а также 250-летие со дня рождения М. В. Ломоносова, 110-летие со дня кончины Т. Г. Шевченко, был проведен вечер памяти А. Потемки и других революционеров России — участников восстания 1863 г., а в СССР отмечались 100-летие Январского 1863 г. национально-освободительного восстания польского народа, ежегодный праздник Возрождения Народной Польши, 125-летие со дня рождения Ярослава Домбровского, 20-летие Войска Польского и др.

Как свидетельствуют документы, все более широкий размах получали контакты в области культуры, туристские поездки. Так, один за другим выезжали со своими спектаклями в ПНР Московский государственный балет на льду, Ленинградский государственный театр миниатюр, Московский театр им. В. Маяковского, Государственный ансамбль песни и танца УССР, Малый театр и др. В СССР проводились «Год Шимановского», гастроль Варшавского театра оперетты, гастроль Государственного ансамбля песни и танца «Шленск» и др. Обе стороны обменивались делегациями специалистов в различных областях культуры, науки, экономики, рядом выставок и т. д.

Весьма выразительно представлены в публикации деятельность обществ дружбы, развитие связей породненных городов, приграничных областей и воеводств.

Понятно, что среди документов и материалов, опубликованных в томе, особое место занял текст советско-польского договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, заключенного 8 апреля 1965 г., незадолго до окончания срока действия совместного договора о дружбе от 21 апреля 1945 г. Материалы тома убедительно свидетельствуют о множестве инициатив, проявленных каждой из двух стран, всеми государствами — участниками Варшавского договора, направленных к укреплению всеобщего мира, ликвидации ядерного и другого оружия массового уничтожения, предотвращению опасности войны.

Издание снабжено хронологической таблицей, отражающей важнейшие события в развитии советско-польских отношений в 1961—1965 гг., а также именным и географическим указателями, указателями партий, организаций и учреждений, упомянутых в тексте, указателем использованной периодической печати.

Новый том публикаций — полезное пополнение документов и материалов по истории советско-польских отношений.

Манусевич А.

В. Н. ВИНОГРАДОВ. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. М., 1985, 336 с.

Новая работа известного советского балканиста В. Н. Виноградова заполнила большую лакуну в исследовании международных отношений в Юго-Восточной Европе XIX в. В девяти очерках, из которых состоит книга, освещены основные этапы политики Великобритании на Балканах в период от Венского конгресса 1815 г. до Парижского мира 1856 г.

Исследование В. Н. Виноградова базируется на широком круге источников и литературы. Большое количество впервые введенных в научный оборот архивных материалов позволяет автору весьма тщательно аргументированную полемику с буржуазной историографией по всем принципиальным вопросам истории международных отношений на Балканах.

Автор освещает генезис британской политики на Балканах, активное воздействие Англии на Высокую Порту; наступательный этап британской политики на Балканах, убеждает автор, относится не к периоду после Ункяр-Искелесийского договора между Россией и Османской империей 1833 г., как считают некоторые историки в Западной Европе, США и Турции, а восходит по крайней мере к началу XIX в. Разработке политического и экономического курса Англии на Балканах, полным воплощением которого являлось соблюдение принципов *status quo* и создание наиболее благоприятных условий для британской политики и торговли в Османской империи, посвящены введение и первый очерк. В них

доказано, что политика *status quo* в отношении Османской империи носила прежде всего антирусский, а затем уже протурецкий характер [1].

Политика *status quo*, проводившаяся Англией, может рассматриваться как проявление одного системного качества межгосударственных отношений эпохи капитализма — предотвращения появления новых равноправных субъектов международной политики, поскольку искусственно сдерживалось национально-государственное возрождение подвластных Высокой Порте балканских народов. При этом она объективно консервировала социально-политическое отставание Балкан, так как закрепляла господство османской военно-феодальной в своей основе политической системы в наиболее развитых областях империи. Следует отметить, что, по мнению автора, доктрина неприкосновенности Османской империи была сформулирована Дж. Каннингом в 1807 г. (с. 8). Вместе с тем, есть основания утверждать, что основные принципы этой политики были заложены еще в начале 1790-х годов У. Питтом-младшим, политическим учителем Дж. Каннинга [2].

В. Н. Виноградов убедительно показал, что курс на сохранение *status quo* не был застывшим фактором внешнеполитической деятельности правительства Великобритании. Ярким свидетельством этому стали действия английской дипломатии в 1820-годах, в период греческой революции (очерк второй). Сначала Р. Касбри, а затем Дж. Каннинг пытались искусственно сдерживать объективно прогрессивное стремление России помочь восставшей Греции, но отступили, как только осознали, что не властны над тремя факторами: решимостью греков добиться независимости; сочувствием общественности России, воздействовавшей на правящие круги, стремившиеся укрепить свои позиции на Балканах; филэллинским движением в Европе, включая Великобританию» (с. 54). И все же истинное освобождение Греции и улучшение положения других балканских провинций Османской империи были достигнуты не британской дипломатией, а победой русского оружия, закрепленной Адрианопольским мирным договором 1829 г. (очерк четвертый). Поэтому тридцатые годы XIX в. (очерк пятый) можно характеризовать как период особенно важный для разработки британского внешнеполитического курса на последующие десятилетия — вытеснение России с Балкан под флагом сохранения здесь

status quo (с. 137). О том, насколько умело использовала британская дипломатия и британская торговля обстановку на Балканах и в Турции в интересах «свободной торговли», автор поведал в очерке шестом «Дела торговые». Привлекает внимание весьма перспективный для последующей разработки вывод: только политика *status quo* обеспечивала необходимые условия для вовлечения балканских провинций Османской империи в систему свободной торговли.

Действительно, политика *status quo* получает наиболее полное свое развитие в эпоху промышленного переворота, завершение которого приходилось в передовых странах Западной Европы на 30-е—40-е годы XIX в. Она фактически исчерпывает себя на стадии перехода к империализму, когда ссудный, а затем финансовый западноевропейский капитал широко внедряется на Ближнем Востоке и на Балканах, где шел процесс активного формирования национальной государственности.

Исследователей международных отношений несомненно привлечет показ в книге влияния революций 1830 г. и 1848—1849 гг. на общее развитие политической жизни в Юго-Восточной Европе и на эволюцию британской политики в Восточном Средиземноморье. Автор, как нам представляется, несколько преуменьшает роль Высокой Порты в системе международных отношений 1830—1850-х годов. Османская империя становилась объектом в системе международных отношений по мере того, как подвластные ей территории становились субъектами таковых отношений в эпоху капитализма. Британские товары волной хлынули в османские пределы. Тезис автора — «в пятидесятые годы турецкие сановники не знали, у кого же получать указания — то ли у повелителя правоверных, то ли в британском посольстве в Терапии под Константинополем» (с. 126) может быть уточнен. На 30—50-е годы приходился первый этап танзимата, т. е. широких реформ, вполне независимо спланированных и проводимых, захватывавших и внутреннюю, и внешнюю политику Османской империи. Обострилась борьба Высокой Порты за право активно и самостоятельно участвовать в решении крупных региональных проблем, разорвать или ослабить петлю капитуляционных соглашений [3]. Борьба английской дипломатии за влияние на Высшую Порту в целом и по конкретным вопросам в частности не была бы столь напряженной,

как это описано автором, а «дела торговые» не разворачивались бы столь драматически, если бы реформы не продвинули турецкое общество по пути социально-экономических преобразований от азиатского феодализма к колониальному капитализму. Британский торговый, а после Крымской войны ссудный капитал, представители которого нередко занимали ответственные дипломатические посты на Ближнем Востоке, внимательно следили за динамикой реформаторских процессов в Османской империи, стремились корректировать их в направлении, адекватном интересам торгово-политических кругов. Вероятно, Дж. Каннинг был последним из британских политиков, позволившим себе высказывание типа: «Турки не способны обеспечить безопасность британской торговли...» (с. 55). Пржекты финансово-политических соглашений Великобритании с Османской империей 1840 г., 1849 г., 1850—1852 гг. (помимо хорошо известного проекта союза 1838 г.), военные займы Высокой Порте 1854 и 1855 гг., активная концессионная политика Англии в Западной Анатолии и в Румелии, наконец, перспектива использования «турецких синаев» под командованием британских офицеров для подавления национально-освободительных движений от Восточного Средиземноморья до Тигра и Евфрата — все это отражало позицию той влиятельной части правительственных кругов Великобритании, которая уже не могла отмахнуться от «этих ленивцев на Босфоре» (Эд. Эдленборо) и стремилась воспользоваться плодами танзимата.

В рецензируемой книге глубоко рассмотрена взаимосвязь между общественным мнением России и Англии и положением дел на Востоке. Это позволило автору дать новые оценки Адрианопольского, Ункяр-Искелессийского, Парижского договоров в связи с проблемами Балкан в 1830—1850-х годах, а также Черноморских проливов.

Строгая и стройная архитектоника книги удачно завершена в двух заключительных очерках, посвященных англо-русским отношениям и британской политике периода Крымской войны. Балканские проблемы, красной нитью проходящие через все исследование, приобрели в этих очерках особенно острое звучание в соответствии с той исторической ролью, которую они в действительности играли. Впервые в советской историографии с очерчивающей полнотой освещена предыстория конфликта

вокруг святынь христианской церкви в Палестине. Тенденциям буржуазной литературы сводить проблему «святых мест» до проблемы денежных поборов Высокой Порты с христиан-паломников, «исторически сложившегося конфликта креста и полумесяца», в лучшем случае до борьбы Франции и России за право распоряжаться ключами от «святотроубских святынь» противопоставлена глубоко фундированная концессия. Опираясь на обширную документальную базу, автор раскрыл характер пресловутых соглашений 1844 г. между Англией и Россией по делам Турецкой империи (с. 232—234). Он показал значение балканских владений Порты в политике Великобритании, Франции, России. Подчеркнул, что каждая из держав руководствовалась собственными корыстными интересами. Не лишне отметить, что не только Россия, но все великие державы столь же мало интересовались угнетенным положением христианских подданных султана, как мало интересовало верхушку клира в Иерусалиме, основным или запасным комплектом ключей открывали церковники двери своих храмов.

Весьма важным представляется обобщение достижений английской и отечественной историографии по поводу характера Крымской войны, интересов сторон, создания крымской системы. Подчеркнуто, что Крымская война знаменовала окончательное крушение венской системы. При этом с первых же дней своего существования стала разваливаться и система крымская, главным архитектором которой была Великобритания (с. 329). В ее крушении были «повинны» освободительные движения балканских народов и действия российской дипломатии — т. е. те самые силы, с которыми полвека боролась Англия.

Совершенно очевидно, что перед читателем глубокий труд, обобщающий многолетние изыскания автора.

Шережет В. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Международные отношения на Балканах. 1815—1830. М., 1983, с. 27; *Horn D. V. Great Britain and Europe in the Eighteenth Century. Oxford, 1967, p. 230.*
2. *Зеленина Л. В. Формирование принципа status quo в политике Великобритании на Балканах (1790—1809). — Советское славяноведение, 1987, № 1, с. 44.*
3. *Шережет В. И. Османская империя и Западная Европа. Вторая треть XIX в. М., 1986, с. 82—118.*

В рецензируемом труде исследуется воздействие литературных связей на характер литературного процесса, их значение в ходе развития литератур, конкретные творческие результаты литературных контактов.

Первый из трех разделов книги посвящен общим вопросам теории и методологии изучения литературных связей в их отношении к литературному процессу; второй — проблеме взаимодействия литератур и возникновению новых художественных ценностей; третий — специфике межнационального общения на разных этапах литературного развития.

Одна из характерных особенностей статьи сборника — органичное сочетание важных теоретических вопросов с вдумчивой интерпретацией конкретного историко-литературного материала.

В статье А. С. Бушмина подчеркнута, что связи между литературами являются непременным условием историко-литературной преемственности, без которой немислм художественный процесс. Бушмин выдвигает верную, глубокую мысль, которая реализуется и в других статьях: результат взаимодействия «тем значительнее, чем полнее, совершеннее осуществлено творческое преобразование воспринятого элемента» (с. 19). Эта мысль звучала уже у некоторых литературоведов XIX — начала XX в. В частности, в работах И. Франко есть выражение «мира перероблювання» («мера трансформации») [1, т. 28, с. 27]. Можно говорить об определенной преемственности, о традициях в области сравнительного изучения литератур. Назрела потребность в труде, обобщающем эти традиции.

А. С. Бушмин пишет, что при классификации литературных контактов необходимо учитывать роль творческой индивидуальности в процессе их развития. Художник вступает в своеобразный диалог с культурой прежних эпох и современной ему культурой. В связи с этим возникает вопрос о синхронных и диахронных контактах, которые с одной стороны, отличны друг от друга, а с другой, образуют определенную систему. Эту проблему рассматривает Ю. Д. Беляева. На конкретных примерах она показывает, как «синхронный обмен литературными ценностями помогал процессу становления национальных литератур» (с. 43). Соглашаясь с положениями Ю. Д. Беляевой, мы хотели бы внести одно уточ-

нение. В процессе синхронизации наследие превращается в традицию. Следует различать эти два момента. Наследие — все то, что мы застаем, что оставили нам прежние эпохи, наши предшественники. Традиция — то, что мы из этого наследия выбираем, используем, преобразуем.

В статье Л. С. Кишкина речь идет о закономерной обусловленности литературных связей. Автор подчеркивает, что контакты «обуславливаются не каким-то одним решающим фактором, а суммой или системой факторов, значение и роль каждого из которых в зависимости от определенных исторических обстоятельств может быть большей или меньшей» (с. 86). В приведенной формулировке, на наш взгляд, есть неточность. Сумма или система? Вопрос принципиальный. Нельзя уравнивать эти понятия. С другой стороны, нельзя забывать об иерархичности системообразующих факторов. Л. С. Кишкин основательно исследует диалектичную природу литературных связей, показывает, что в процессе контактов «активность воздействия нередко усиливается активностью восприятия и наоборот» (с. 79). Важным представляется и применение понятия художественной ценности, открытия.

Характер и природа обусловленности литературных связей сопряжены с вопросом об их периодизации — одной из важнейших проблем современного сравнительного литературоведения. Речь должна идти именно о специфике процесса связей, об отражении ее в принципах периодизации. Прав Кишкин и в том отношении, что следует учитывать роль всех участников взаимодействия, а не брать за основу особенности развития лишь одного из них, поскольку все они в процессе контактов проявляют свою активность. Верно и то, что мы не можем подменять периодизацию историко-литературного процесса периодизацией исторической. Но нельзя забывать, что они взаимозависимы. Литературные контакты — часть системы межнациональных контактов и могут быть рассмотрены только в широком историко-культурном контексте. С другой стороны, современная историческая наука накопила такой методологический опыт, который полезно использовать литературоведам. Сошлюсь хотя бы на работы Е. М. Якуова и М. А. Барга, содержащие интересные мыс-

ли о принципах периодизации [2], обращение к которым могло бы обогатить статью Л. С. Кишкина.

Второй раздел сборника открывается статьей С. В. Никольского «Литературные связи и возникновение новых художественных ценностей». В ее основе — мысль о необходимости переходить от констатации наличия литературных контактов и их описания к проникновению в глубокую сущность литературных явлений. Это положение подготовлено самой логикой развития науки (пример тому — труд В. М. Жирмунского «Гете в русской литературе»). Основное внимание С. В. Никольский уделяет тому, как в результате творческого взаимодействия двух источников художественной энергии «возникает новое качество, отличное от изначального состояния обоих вступивших в контакт компонентов» (с. 96). Автор показывает, что литературные контексты активно участвуют в поступательном движении искусства, ведь если бы процесс приводил только к появлению тождественных явлений, прогресс в литературе был бы невозможен [3]. Творческая личность, ее роль в системе развития литературных взаимодействий — центральная проблема статьи С. В. Никольского, намечающей программу и перспективы новых исследований (например, рассмотрение жанра научно-фантастического и социально-утопического романа).

Вопрос о рождении новых художественных ценностей исследует и Л. А. Сафронова в статье о польской драме — «Духовное причастие Бориса и Глеба» — произведении, порожденном межславянскими литературными контактами. Попав на русскую и белорусскую почву, оно стало «серьезным театральным уроком для местного населения» и вместе с тем «одним из стимулов для создания отечественной драматургии» (с. 126—127).

Есть проблемы, редко рассматриваемые в сравнительном плане — например, славянская метрика. Поэтому представляет интерес статья А. А. Илюшина «Славянские и неславянские источники русской силлабической поэзии», где основные методологические принципы сравнительного литературоведения применены к изучению истории русского стиха. Речь идет не только о специфике русской силлабикки (эта проблема рассмотрена, например, В. Ч. Холшевниковым [4]), но и о том, как складывается эта специфика, как в результате литературного взаимодействия создается новое качество.

О рождении в процессе литературных

контактов новых художественных явлений говорит и Н. А. Богомолова в статье «Поэтическая индивидуальность и творческие взаимодействия» на материале польской поэзии первой трети XX в. К сожалению, выдвинутые в начале статьи теоретические положения не всегда органично соотносятся с рассматриваемыми фактами, выступающими лишь как своего рода «примеры», иллюстрации, а не как отражение определенных закономерностей литературного процесса.

Работы, входящие в третий раздел, относятся к исторической поэтике славянских литератур. В процессе развития литературы изменяется само понимание художественной ценности, оригинальности произведения. Об этом речь идет в статье А. В. Липатова, построенной на большом славянском и западноевропейском материале. Основное положение статьи А. В. Липатова сводится к тому, что исторически изменяющееся понятие оригинальности нельзя представить вне системы межлитературных связей как органической составной части литературного процесса. Естественно, в рамках сравнительно небольшой статьи возможна лишь общая характеристика процесса, а потому неизбежна и определенная схематизация. Некоторые положения А. В. Липатова, на наш взгляд, нуждаются в уточнении. Скажем, при разговоре о средневековой литературе следует учитывать и народную культуру с ее своеобразием. Липатов, как и некоторые другие авторы сборника, говорит только о межлитературных связях, но не упоминает о связях литературно-фольклорных, которые также влияли на формирование тех или иных компонентов историко-литературного процесса. То же следует сказать о связях между литературой и другими искусствами, что особенно важно при решении вопроса о развитии понятия оригинальности. Пожалуй, само понятие оригинальности Липатов понимает несколько суженно, сводя его в основном к вопросу об отношении к канону, о переосмыслении устоявшихся ценностей.

В процессе общения литератур возникли новые идеи, новые формы, новые оригинальные произведения. Но что означало это новое? Новое в литературе всегда связано с новым видением мира, с определенной концепцией человека, с рождением нового стиля мышления. Думается, что понятие картины мира могло бы значительно обогатить концепцию А. В. Липатова.

В работе И. И. Калиганова «Некоторые черты литературного общения болгар, русских и сербов в эпоху средневековья» изучен процесс движения южнославянских памятников на Русь, связанное с их трансформацией, с приобретением ими новых функций, с рождением новых эстетических качеств; подробно охарактеризованы особенности межславянских литературных контактов в эпоху феодализма. И. И. Калиганов рассматривает и вопрос о том, как сами особенности рукописной книги влияли на характер ее включения в процесс межнациональных контактов. Заслуживают внимания и мысли Калиганова о центрах межславянского общения, об общеславянских художественных цепностях, о характере славянской общности в эпоху средневековья. Эта общность не отменяет специфики той или иной славянской письменности. Здесь хотелось бы напомнить о статье И. Франко «Славянская взаимность в понимании Яна Коллара и тедлер», в которой факты общения древних славянских литератур рассмотрены в широком историческом и историко-культурном контексте, в связи с развитием идеи славянской взаимности [4, т. 29, с. 55—56].

Одной из важнейших задач современного сравнительного литературоведения является исследование общения творческих индивидуальностей. Ему посвящена работа В. В. Мочаловой «Русско-польские литературные связи XVII—XVIII вв. и становление личностного начала в русской литературе». Известно, что «автор как представитель своей эпохи... является не только звеном, но и движущей силой, действенным фактором в истории творчества культурных ценностей» [5]. Возрастание личностного начала — один из показателей прогресса в литературе [6, с. 57—62]. Исследуя этот процесс, В. В. Мочалова реализует пожелание Д. С. Лихачева об изучении развития того или иного явления на протяжении многих веков [6, с. 77].

Привлекая богатый и разнообразный материал, В. В. Мочалова интересно говорит о становлении осознанного авторского начала, о складывании представлений об автономной, суверенной личности творца текста. В развитии литературы выявляет себя связь двух процессов: парастание личностного и авторского начала и освоения чужого опыта, развития литературных контактов. Эти процессы являлись составной частью более широких социокультурных процессов. Внутри-

литературная ситуация обуславливала специфику связей на том или ином этапе. Они становились не только связями литератур, но и взаимоотношениями творческих индивидуальностей. При этом закон избирательности контактов, не утрачивая своего универсального, определяющего значения, по-разному проявлял себя на разных этапах развития литературы. В. В. Мочалова рассматривает и путь от транслитерации текстов к переводу. Становление переводческого искусства также связано с возрастанием творчески активного отношения к тексту.

Несколько статей посвящено литературам XIX в. В период национального Возрождения участие литературы в национально-освободительной, антифеодалной борьбе определяло и ее отношение к инонациональному художественному опыту. Этот вопрос рассматривает М. Г. Чесоданова в статье «Специфика литературных связей в условиях ускоренного литературного процесса», показывая, какую роль в становлении болгарской литературы играли литературные связи.

В определенной степени характер литературных связей дифференцируется и по литературным направлениям, чему посвящена статья Б. Ф. Стахеева, построенная на материале польской литературы конца XVIII—XIX вв. До сих пор наиболее распространенным являются два типа исследования: изучение связей между двумя литературами и контактов группы родственных литератур. Но возможны и работы, охватывающие весь комплекс связей данной национальной литературы. Бинарные связи следует рассматривать в широком контексте, чего порой недостает некоторым статьям, например, работе Д. С. Прокофьевой «Личные контакты как форма литературных связей в эпоху романтизма». Здесь совершенно справедливо подчеркнуто большое значение для литературных связей эпохи типичного для нее представления о высокой роли поэта в жизни общества, о личности поэта, выражающей дух нации. Названы и некоторые «конкретные реализации», результаты личных отношений писателей разных стран, но статья значительно бы выиграла от привлечения материала других славянских литератур.

Д. С. Прокофьева увязывает проблему личных контактов с характерными особенностями романтической культуры, романтического стиля мышления, своеобразной концепции личности. Историко-

литературная проблема вполне закономерно предстает как культурологическая и философская. Безусловно, обращение исследователя к изучению «творческого диалога» помогает более глубоко понять и немеркнущее значение романтической культуры, и ее противоречия.

В эпоху становления и развития критического реализма литературные контакты приобретают новые черты: особую роль играет обмен опытом, относящимся к общим принципам творческого метода, и вопросу о соотношении между искусством и действительностью. В основу статьи А. П. Соловьевой «Литературные связи и становление реализма» положен материал из истории чешско-русских отношений. Тщательно проанализированный в этой работе, он подтверждает, что избирательное внимание писателей к ценностям инопациональных литератур определяется теми идейно-творческими задачами, которые решает на данном этапе отечественная литература. Обращаясь к опыту русских реалистов, осваивая его, чешская литература не утратила своей самостоятельности, а напротив, «обретала индивидуальную характерность» (с. 304).

Новый этап в развитии контактов славянских литератур начинается на стадии формирования и развития социалистических литератур. Социалистический реализм внес качественно новые моменты в систему литературных коммуникаций, повлиял на их функции и формы. Сам про-

цесс формирования социалистического искусства активизировал систему литературных связей, повысил их эффективность, их роль в художественном прогрессе. Эти вопросы рассмотрены в статье Л. Н. Будаговой, завершающей сборник. Особое внимание в ней уделено международному значению и влиянию советской литературы. Статья Л. Н. Будаговой содержит много конкретных фактов, подтверждающих положение о социалистическом реализме как об исторически открытой эстетической системе.

Рецензируемая книга вносит много нового в изучение межславянских литературных связей и стимулирует дальнейшую исследовательскую работу в этой области.

Гольберг М. Я.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Франко И.* Зібрання творів у п'ятидесяти томах. Київ, 1981.
2. *Жуков Е. М.* Очерки методологии истории. М., 1980, с. 149—181; *Баре М. А.* Категории и методы исторической науки. М., 1984, с. 57—100.
3. *Гольберг М. Я.* Міжслав'янські літературні зв'язки як предмет вивчення.— Радянське літературознавство, 1968, № 8, с. 71.
4. *Холшевников В. Е.* Русская и польская силлабика и силлаботоника.— В кн.: Теория стиха. Л., 1968, с. 24—58.
5. *Виноградов В. В.* Проблема авторства и теория стилей. М., 1961.
6. *Лихачев Д. С.* Прогрессивные линии развития в истории русской литературы.— В кн.: О прогрессе в литературе. Л., 1977.

Известный словацкий лингвист В. Бланар давно и плодотворно занимается исследованием широкого круга лексикологических и семасиологических проблем [1—4]. Самого пристального внимания заслуживает новая книга В. Бланара «Лексико-семантическая реконструкция», выпущенная Издательством САН. В теоретико-методологическом аспекте ее характеризует органическое сочетание филологического и собственно лингвистического подхода к анализу и описанию лексических единиц, лексико-семантических систем и подсистем; убедительное обоснование необходимости комплексного анализа лексики, учитывающего не только семантические и формально-структурные внутриязыковые связи слова, но и его отношение к различным факторам внеязыковой действительности. Естественно, в центре внимания автора семантический анализ лексических единиц и их системных связей, направленный на установление сущности и статуса лексического значения, его внутренней структуры, на описание иерархического устройства лексико-семантических формаций (семантических полей, частных лексико-семантических систем, элементарных микросистем).

В теоретическом плане эта проблематика наиболее полно освещена в главе «Семантическая структура лексической единицы и частная лексико-семантическая система» (s. 13—70). Автор подробно характеризует лексическую единицу как компонент лексико-семантической системы, излагает свое понимание термина «лексическое значение», относительно которого в современной литературе высказываются различные взгляды. Опираясь на диалектико-материалистическую теорию отражения, автор рассматривает лексическое значение как специфическую отражательную категорию, в которой проявляется органическая взаимосвязь между познаваемой человеком объективной действительностью, мышлением, системной знаковой организацией языка и процессом языковой коммуникации. Поэтому лексическое значение интерпретируется как образ действительности в сознании говорящего, воплощенный в форме лексем, а через ее посредство в форме отношения к другим единицам языка (см. s. 42). Большое внимание уделяется характеристике элементарных семантических признаков, составляющих целост-

ную структуру лексического значения слова. Его (точнее, семеме, моносемантическую единицу) «образует исторически возникшая (и, следовательно, динамичная) иерархически организованная структура семантических признаков разного уровня абстракции, которые объединяются в соответствии с основными операциями сочетаемости» (s. 42). По понижающейся степени абстракции различаются интегрирующие, идентифицирующие и дифференцирующие семантические признаки. Глубоко освещены и другие исходные лексикологические и семасиологические вопросы (разграничение содержания слова и лексического значения, типы последнего и их связь с языковой формой, лексико-семантические микро- и макросистемы, разграничение лексического значения в языке и речи, структура полисемантических лексических единиц, роль лексической сочетаемости в динамике лексического значения и др.). Их трактовка подчинена целостной теоретической концепции автора, несомненно интересной для специалистов. Заслугой В. Бланара является, в частности, детальное раскрытие механизма перехода в процессе познания и коммуникации логико-гносеологических элементов понятийного ряда (ном), членищихся в сознании объективную действительность, в ранг семантических признаков.

Естественно, отношение к некоторым конкретным предлагаемым решениям лексикологических проблем может быть неоднозначным. Например, нуждается в дополнительной аргументации утверждение о том, что «коннотативные признаки не относятся к системным смысловым компонентам» (s. 34). Речь идет об экспрессивно-оценочных значениях, и вопрос о том, как они соотносятся с семантической структурой слова, решается лингвистами по-разному, в зависимости, в частности, от широты понимания границ семантической структуры слова. Кроме того, системные смысловые связи не ограничиваются рамками слова. При раскрытии многоаспектного характера лексической единицы было бы интересно определить отношение автора к понятию лексико-семантического варианта (ЛСВ), распространенному в новейшей лексикологической литературе.

Примечательная черта рецензируемой книги — отражение целенаправленного

поиска способов объективизации изучения системных связей в области словарного состава. В этом отношении особенно важна глава «Принципы исследования семантической структуры лексической единицы и частной системы» (s. 71—116). Здесь раскрывается само понятие «лексико-семантической реконструкции», трактуемое автором как многоаспектный комплексный семантический анализ с использованием набора различных методов и приемов. Системный подход дополняется учетом фактора времени и пространства. При анализе лексического значения слова и его роли как элемента определенной частной лексико-семантической системы комбинированы приемы дистрибутивного и компонентного анализа, учитываются психо- и социолингвистические факторы, обуславливающие ситуативную индивидуальную реализацию некоторых значений слова. Существенную роль играет также разграничение синхронного и диахронного подхода. Вспомогательными методическими приемами служат внутриязыковое сопоставление (диалекта или модификация значения слова на разных этапах истории языка; сопоставление данных письменности и диалектов) и сравнение разных языков (с учетом ареальных характеристик лексических единиц): для этого привлекается материал западно-, южно- и восточнославянских языков, а также венгерского языка. В главе излагаются принципы и методы лексикографического описания значения слова, связанные с задачами создания «Исторического словаря словацкого языка», подготавливаемого в Институте языкознания им. Л. Штура САН. Эти вопросы затрагивались автором и в специальной статье [5].

В главе «Семантический анализ открытого множества лексических единиц» (s. 117—166) теоретические принципы и методические приемы комплексного семантического анализа применяются на практике. На основе данных памятников письменности словацкого языка долитературного периода проводится тщательный многосторонний анализ лексических единиц, составляющих открытый ряд и находящихся в отношении семантического пересечения. Это позволило выявить динамику внутренней организации частных систем со значением «nespokojnosť, nesúhlas, pocit krivdy» и «st'aznosť, obvinenie, žaloba», установить лексемы и семемы, представляющие центральные и периферийные зоны этих частных систем. К анализу привлечены и лексиче-

ские единицы, входящие в семантическое поле «rohuť» и представленные тремя словообразовательными гнездами: obrátiť'sa, obracat'sa; uchýliť'sa, uchýľovať', uchýľovať'sa, uchýlenie; utiečť'sa, utiekat'sa, utiekat'si (s. 147—166), поскольку у некоторых глаголов этого поля развились значения, позволяющие говорить об их смысловой связи со словами указанных выше частных систем.

В главе «Итоги и выводы» (s. 167—186) автор обобщает свои наблюдения, касающиеся структурной организации семантических микросистем и более крупных лексико-семантических объединений.

К книге прилагается выборочная, но достаточно богатая библиография, которую существенно дополняют примечания к отдельным главам. В книге имеется резюме на словацком, русском и немецком языках.

Помимо основного круга существенных теоретико-методологических и методических вопросов, получивших глубокое освещение в книге В. Бланара, в ней следует отметить многие конкретные наблюдения, интересные идеи, выводы, связанные с непосредственным семантическим анализом разнообразного языкового (в том числе диалектного) материала, также представляющие большую научную ценность. Достоинством книги является умелое сочетание теоретического и практического аспектов исследования. Книга дает важные импульсы для дальнейшего изучения славянской исторической лексикологии и лексикографии, для разработки сложных и дискуссионных общетеоретических лексикологических и семаспологических проблем.

Смирнова Л. Н.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Blanár V.* Zo slovenskej historickej lexikologie. Bratislava, 1961.
2. *Бланар В.* О внутренне обусловленных семантических изменениях. — Вопросы языкознания, 1971, № 1, с. 3—13.
3. *Бланар В.* Механизм изменения значения лексической единицы. — Jazykovedn; časopis, 1973, č. I, s. 3—17.
4. *Blanár V.* Metodologické otázky rekonštrukcie mikrosystému z porovnávacieho hľadiska. — В сб.: Сопоставительно изучаване на частните лексикални системи на славянските езици в синхрония и диахрония. София, 1979, с. 23—34.
5. *Blanár V.* Lexikálno-sémantická problematika historického slovníka slovenského jazyka. — In: Jazykovedné štúdie XVII. Bratislava, 1982, s. 25—39.

ЗАМЕТКИ О КНИГАХ

Übergangsperiode. Sozialökonomische und ideologisch-kulturelle Prozesse im internationalen Vergleich (Leipziger Beiträge zur Revolutionsforschung, Lehreheft 15). Leipzig, 1986. 80 S.

Переходный период. Социально-экономические и культурно-идеологические процессы в международном сравнении (Лейпцигские труды по исследованию революций, выпуск 15).

В серии «Лейпцигские труды по исследованию революций», издаваемой Междисциплинарным центром сравнительного изучения революций при Лейпцигском университете им. К. Маркса, в 1986 г. был опубликован 15-й выпуск, посвященный сравнительному исследованию социально-экономических и культурно-идеологических процессов в переходном от капитализма к социализму периоде. В выпуске на принципах компаративного изучения исследуются индустриализации в СССР, европейских социалистических странах, на Кубе, во Вьетнаме и Лаосе, а также преобразование социально-классовой структуры, развитие народного образования в этих странах.

Оговаривая дискуссионный характер помещаемых материалов, авторы — представители различных дисциплин общественного знания стремятся вычлениить общие, имеющие международное значение черты названных выше процессов и на их фоне показывают ценность и важность сохранения национальных особенностей в деле индустриализации, социальных и культурных преобразований, обуславливаемых уровнем их развития, исторических

традиций, форм развития государственности той или иной страны.

Большой интерес представляет рассмотрение дефиниций «социалистическая индустриализация» в различных странах, раскрытие их содержания, на базе чего авторы выдвигают собственное определение этого важного в теории социалистического строительства понятия. Исследователи ставили перед собой задачу вычлениить историческую типологию процессов индустриализации. Теоретические изыскания базируются на изучении конкретного национального материала. Статьи снабжены соответствующими статистическими таблицами.

Рассматриваются также проблемы численного роста и воспроизводства рабочего класса, социалистической перестройки сельского хозяйства в СССР и других социалистических странах.

Брошюра представляет интерес не только для исследователей теории социалистического строительства переходного периода, а для всех, интересующихся теорией и практикой социалистического строительства.

Богова Н., Колесов Дм.

«Летопис» с новым профилем

С 1953 г. Институт лужицкого народоведения Академии наук ГДР в Баутцене издает научный журнал, посвященный проблемам сорабистики. «Летопис» до сих пор издавался в трех сериях, в которых публиковались статьи по языковедению и литературоведению (серия «А»), истории (серия «В») и фольклористике и

этнолингвистике (серия «С»). В начале 1980-х годов усилилась потребность в исследовании важнейших культурных процессов в обществе в истории и современности.

В соответствии с этим проведена реорганизация журнала. Серии «В» и «С» сохраняют свое прежнее направление,

в серии же «А» будут публиковаться только лингвистические работы. Серия «D» предназначена для наук, связанных с изучением культуры и искусства. Здесь будут публиковаться статьи по серболужицкой литературе, музыке, театру и изобразительным искусствам; кроме того — работы по журналистике и теории культуры. Серия будет выходить на серболужицком языке, но могут печататься и материалы на других славянских языках, а также на немецком и английском. Уже в первом номере помещены, например, работы на польском языке: проф. Е. Слизинский подготовил статью «Мука в польских энциклопедиях», а доцент Р. Лещиньский — публикацию «Из писем лужичан Альфонсу Парчевскому». Эти два примера показывают, что в новой серии большое внимание уделяется лужицко-славянским культурным взаимосвязям.

Наряду с научными исследованиями в серии «D» предполагается публикация рецензий и аннотаций на книги и научные труды, которые в самом широком смысле освещают лужицкую культуру и искусство. Помимо этого читатели ежегодно будут получать избранную библиографию работ по лужицкой литературе.

Одна из важнейших задач новой серии состоит в том, чтобы обеспечить научное освещение как можно более широкой проблематики в названных областях. Несмотря на широту намеченного направления новая серия будет стремиться к внутренней цельности.

Новая серия «D» журнала «Летопис» должна в первую очередь заинтересовать славистов, искусствоведов, специалистов в области культуры, историков и германистов, а также практических работников в сфере культуры и искусства.

Брезан З.

Н. А. БОГОМОЛОВА. Польские и русские поэты XX века. Творческие связи. Аналогии. Художественный перевод. М., 1987, 191 с.

Книга Н. А. Богомолловой — удачный пример не такой уж распространенной в науке ситуации, когда тема и исследователь оказываются во взаимном соответствии. Вкус к поэзии, тонкое понимание художественной ткани и поэтического смысла произведения позволяют автору составить, осмыслить и осветить достаточно сложные вопросы межнационального литературного взаимодействия. Оно многообразно по своему уровню и содержанию, многоаспектно, как правило недоступно поверхностному взгляду и требует от исследователя применения богатого методического инструментария — ведь проблемы творческих связей, непосредственных контактов (гл. «Пушкинская традиция в творчестве Ю. Тувима», «Блоковская струя в творчестве К. И. Галчиньского») предполагают иной подход, чем типологические схождения, основанные на внутренней близости художников, или сходстве их исторической судьбы (гл. «Валерий Брюсов и Леопольд Стаффа», «Юлиан Тувим и Борис Пастернак», «Владислав Броневский и Сергей Есенин»), а изучение художественного перевода побуждает углубиться в семантико-стилистическую область, проникнуть в тайны переноса текста на инонациональную почву (гл. «Два русских варианта гимна Яна Каспровича «Моя вечерняя песня», «Баллада Болеслава Лесьмяна

„Свидрига и Мидрига“ и перевод Сергея Городецкого», «Поэзия Юлиана Тувима в переводах Анны Ахматовой»). Исследуя проблемы художественного перевода, автор учитывает и такие ее разнообразные внутренние аспекты, как мотивы выбора того или иного текста, его интерпретация, роль данной поэтической индивидуальности переводчика, его творческое взаимодействие с автором оригинала, поиски стилового эквивалента и т. д. Многообразие этих проблем решается на материале творчества лучших польских и советских поэтов XX в. — Л. Стаффа, Ю. Тувима, В. Броневского, К. И. Галчиньского, В. Брюсова, А. Блока, С. Есенина, А. Ахматовой, Б. Пастернака, В. Маяковского.

Автор избегает упрощенного понимания такой сложной проблемы, как литературное влияние, сосредотачивая свое внимание на своеобразии национальной художественной традиции, на чертах творческой индивидуальности, обуславливающих и специфическую трансформацию воспринимаемого.

Осмысление творческих аналогий, возникающих у разных поэтов, не лишает автора способности видеть и их расхождения, внутреннее противостояние, что сообщает исследованию многомерность и глубину. Так, если и у Тувима, и у Пастернака автор видит «склонность к повы-

пенному „поэтическому“ видению мира», тем не менее она тонко замечает различия и в этом: у польского поэта носитель этого видения — его собственная поэтическая личность, а у русского — человеческая личность вообще, скрытая от читательского взора» (с. 90) и др.

Представление о литературе как о живом, динамичном процессе, каждый из

участников которого находится не в изоляции, но в активном взаимодействии с другими, понимание единства и непрерывности этого процесса, лежащие в основе книги Н. А. Богомоловой, способствуют осознанию глубинных явлений, черт самобытности и универсальности как польской, так и русской поэзии XX в.

Мочалова В.

H. BIRNBAUM, P. T. MERRILL. Recent Advances in the Reconstruction of Common Slavic (1971—1982). Columbus, 1985, 141 p.

Г. БИРНБАУМ, П. Т. МЕРРИЛЛ. Новейшие достижения в реконструкции общеславянского языка (1971—1982)

В 1975 г. была опубликована монография ведущего американского филолога-слависта Г. Бирнбаума «Общеславянский язык: Прогресс и проблемы в его реконструкции» [1]. Пристальное внимание к мнению предшественников, к проблемам методологии позволило автору создать книгу, дающую цельный, всесторонний и сбалансированный анализ состояния науки о праславянском языке (см. рецензию В. К. Журавлева [2]). Теперь Г. Бирнбаум — на этот раз в соавторстве с П. Т. Мерриллом — осуществил замысел продолжить этот анализ (см. [1, p. 342]), доведя его до начала 80-х годов.

В основном повторяя построение «Общеславянского языка», рецензируемая книга состоит из двух частей — обзорной и библиографической. Отдельные главы обзорной части посвящены работам общего характера (курсы праславянской грамматики и сравнительной грамматики славянских языков, праславянский в индоевропейском контексте, диахрония отдельных славянских языков), фонологии (включая акцентологию и морфонологию), морфологии, синтаксису (эта глава предельно коротка, занимает всего 2 стр.), лексикологии (общие проблемы, индоевропейское наследие, семантика, лексические заимствования праславянской эпохи), специальным проблемам (индоевропейская диалектология и вопрос о балто-славянском единстве, методы реконструкции и хронологизации, диалектное членение и распад праславянской общности;

проблемы этногенеза и древнейшей истории, прародины и ранних миграций славян). Библиографическая часть включает около 680 названий монографий, статей и сборников, опубликованных во всем мире за охваченный рассмотрением период.

Небезынтересно отметить те работы, изложению которых авторы уделили особенно много места в своем обзоре: A. Vailant, *Grammaire comparée des langues slaves. Tome IV: La formation des noms. Tome V: La syntaxe.* Paris, 1974, 1977 (p. 2—3); V. Kiparsky, *Russische historische Grammatik. Band III: Entwicklung des Wortschatzes.* Heidelberg, 1975 (p. 7—9); Дыбо В. А. Славянская акцентология. Опыт реконструкции системы акцентных парадигм в праславянском. М., 1981 (p. 13—15); Трубочев О. Н. Языкознание и этногенез славян. Древние славяне по данным этимологии и ономастики. — Вопросы языкознания, 1982, № 4—5 (p. 78—82).

Нет сомнения, что слависты нашей страны с интересом встретят готовящуюся в издательстве «Прогресс» книгу, включающую «Общеславянский язык» и его прорецензированное продолжение (пер. С. Л. Николаева).

Е. Х.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Birnbaum H. Common Slavic: Progress and Problems in Its Reconstruction.* Cambridge (Mass.), 1975.
2. Вопросы языкознания, 1978, № 3, с. 132—136.

КОНФЕРЕНЦИЯ «ВВЕДЕНИЕ ХРИСТИАНСТВА У НАРОДОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ. КРЕЩЕНИЕ РУСИ»

4—6 марта 1987 г. в Институте славяноведения и балканистики АН СССР (ИСБ) состоялась всесоюзная конференция, посвященная 1000-летию крещения Руси, которое будет отмечаться в 1988 г. Конференция проходила в рамках IV чтений памяти известного советского слависта В. Д. Королюка. В работе научного форума приняли участие историки, филологи, археологи, искусствоведы из Москвы, Ленинграда и Киева, было сделано более 30-и докладов, в которых освещался широкий круг вопросов, связанных как с историей крещения Руси и развитием древнерусской культуры, так и с проблемами христианизации славянских и неславянских народов Центральной и Восточной Европы. Председатель оргкомитета конференции чл.-корр. АН СССР Н. И. Толстой во вступительном слове выделил ряд важнейших проблем (состояние дохристианской культуры, типология христианизации и пр.), находящихся в центре внимания исследователей в настоящее время; указал на необходимость их интердисциплинарного изучения.

Центральное место в работе конференции занимали доклады, посвященные истории введения и утверждения христианства в Древнерусском государстве. Чл.-корр. АН СССР З. В. Удальцова рассмотрела проблемы взаимоотношений Киева с Константинополем и борьбы Рима с Византией за христианизацию Руси, показала противоречивые последствия введения христианства. З. В. Удальцова особо отметила слабо разработанные и дискуссионные вопросы этой темы.

Акад. Б. А. Рыбаков в докладе «Русское язычество накануне принятия христианства» отметил основные формы проявления языческого культа в дохристианский период, показал связь древнерусского эпоса с индоевропейскими мифами, развил предположение о паличии на Руси письменности до 988 г., убедительно

обосновал свой вывод о существовании хорошо развитой и своеобразной древнерусской языческой культуры накануне введения христианства.

Д-р ист. наук Я. Н. Щапов (Ин-т истории СССР АН СССР), посвятив свое выступление вопросам политической истории русской церкви в XI—XII вв., рассмотрел эволюцию взаимоотношений церковной организации со светской властью — от полной экономической и политической зависимости церкви от князя в конце X — начале XI вв. к постепенному росту экономической самостоятельности и активизации ее участия в решении политических вопросов в XI—XII вв.

Международные аспекты христианизации Руси рассматривались в докладах кандидатов ист. наук А. Б. Головки (Ин-т истории АН УССР), А. В. Назаренко (Ин-т истории СССР), О. М. Рапова (МГУ). А. Б. Головки дал обзор международных отношений в связи с борьбой Рима и Константинополя за сферы влияния в странах Центральной и Восточной Европы, показал, что выбор Руси, сделанный в пользу Византии, был предопределен сложившейся внешнеполитической ситуацией. А. В. Назаренко сосредоточил внимание на анализе русско-германских отношений в период правления княгини Ольги и при ее преемниках. О. М. Рапова рассмотрела западную легенду о крещении Руси латинским епископом Бонифацием в сопоставлении с данными Титмара Мерзебургского и других источников о миссионерской деятельности Бонифация.

Проблеме типологических параллелей и взаимосвязей христианизации Древней Руси и Скандинавии был посвящен доклад канд. ист. наук Е. А. Мельниковой (Ин-т истории СССР), которая, привлекая материал письменных источников и археологии, показала сходство и относитель-

ную синхронность развития двух регионов в период распространения христианства, а также свособразие путей проникновения новой идеологии на Русь и в Скандинавию.

О большом вкладе археологии в изучение истории христианизации Руси говорили чл.-корр. АН СССР В. Л. Янин и д-р ист. наук В. В. Седов (Ин-т археологии АН СССР). Из доклада В. Л. Янина «Крещение Новгорода и христианизация его населения» становится очевидным, что специфика развития северо-западных областей Руси проявилась и в религиозной сфере; новейший археологический материал, как показал докладчик, свидетельствует об определенных особенностях языческих культов в Новгороде и о длительном существовании здесь двоеверия (вплоть до XII—XIII вв.), подтверждает летописную версию о насильственном характере крещения населения города и т. д.

В. В. Седов на широком археологическом материале курганных захоронений XI—XIII вв. рассмотрел проблему христианизации сельского населения Древней Руси. Эволюция языческого курганного обряда в рассматриваемый период, считает автор, является показателем постепенного проникновения христианства в удаленные от городских центров районы, однако, о завершенности процесса христианизации можно говорить лишь с конца XIII в., когда полностью исчезают захоронения по языческому обряду.

Об особенностях адаптации православного христианства на Руси и о путях создания русского культового пантеона в период от начала XII в. рассказал канд. ист. наук А. С. Хоршев (МГУ).

Большая группа докладов была посвящена проблемам распространения христианства у народов Центральной и Восточной Европы — болгар, сербов и хорватов, венгров, моравян, пруссов, латышей и т. д.

В докладе канд. ист. наук В. П. Будановой (Ин-т всеобщей истории АН СССР), посвященном христианизации придунайских готов в IV в., основное внимание уделено причинам принятия ими новой веры в форме арпанства.

Д-р ист. наук Г. Г. Литаврин (ИСБ) говорил об основных особенностях христианизации Болгарии, связанных как с существованием в стране различных видов языческой религии (тюрко-болгарской и славянской), так и с тесным взаимодействием в течение почти двух столе-

тий с Византийской империей. Исследование свидетельств основных источников о христианизации Болгарии содержалось в докладе канд. ист. наук О. В. Ивановой (ИСБ), посвященном сочинениям Феофилакта Охридского, и канд. ист. наук А. А. Турилова (Археографическая комиссия), рассказавшего о происхождении и идейном содержании цикла сказаний «О железном кресте».

Д-р ист. наук Е. П. Наумов (ИСБ) остановился на вопросе о дискуссионной интерпретации в историографии основного источника о принятии христианства сербами и хорватами — свидетельств Константина Багрянородного. Канд. ист. наук В. П. Шушарин (ИСБ) рассказал об этапах христианизации венгров и причинах, обусловивших их крещение по западному образцу. Канд. ист. наук В. К. Ропин (ИСБ) рассмотрел проблему принятия христианства славянами Карантанского княжества во второй половине VIII в. Д-р ист. наук Б. Н. Флоря (ИСБ) в докладе «Две церковные миссии в Великой Моравии» показал сложный характер христианизации государства моравян в условиях конфликта между константинопольской и западной миссиями. Обратившись к юридическим текстам, докладчик убедительно продемонстрировал различия методов и норм, которыми руководствовались эти миссии в Моравии в подходе к христианизации местного населения.

В выступлении канд. ист. наук В. И. Матузовой (Ин-т истории СССР), посвященном проблеме христианизации пруссов, отмечена тесная связь миссионерской деятельности Тевтонского ордена с агрессивными политическими устремлениями крестоносцев, ставивших своей целью создание в Пруссии автономного орденового государства.

В своем докладе «К вопросу о традиции православия в Латвии в XI—XIII вв.» канд. ист. наук В. Л. Назарова (Ин-т истории СССР) попыталась дать ответ на вопрос о причинах длительного сохранения православной терминологии в латышском языке.

Значительное число докладов было посвящено вопросам развития древнерусской литературы, искусства, культурных связей Руси с Византией и славянскими странами, различным аспектам культурно-религиозной истории.

Н. И. Толстой в своем докладе «Христианизация как фактор усложнения структуры древнеславянской духовной культуры» остановился на проблеме ре-

конструкции древнерусской духовной культуры, показал, что накануне крещения славянское язычество имело сложную и локально неоднородную структуру, отражающую различные стадии и формы религиозного развития. Введение христианства, считает автор, не привело к полной замене языческих культурных традиций, но внесло в них новые компоненты.

Взаимодействие христианской религии с языческим культурным комплексом на примере Польши показано в докладе канд. филол. наук Л. Н. Виноградовой (ИСБ) «Стереотипы древнеславянской этнической культуры и ритуальная практика христианства».

Д-р филол. наук Вяч. Вс. Иванов (ИСБ) в связи с проблемой распространения богомилства у славян в X—XIII вв. рассмотрел влияние на дуалистические воззрения средневековья древних индоевропейских систем бинарных оппозиций.

В докладе д-ра филол. наук О. В. Творогова (Пушкинский дом) «Принятие христианства и возникновение литературы на Руси» поставлена дискуссионная проблема об истоках развития древнерусской литературы. Допуская возможность распространения письменности на Руси до крещения, докладчик считает, что зарождение литературы связано с появлением книг богослужебного характера, на основе которых затем быстро развилась система жанров культовой и светской литературы. Канд. ист. наук С. А. Иванов (ИСБ) на примере болгарского памятника X—XI вв.— Супрасльского сборника показал творческий характер взаимодействия славянами византийской литературы. Традиции византийского права в Древней Руси на материалах законодательных памятников раскрываются в до-

кладе д-ра ист. наук Л. В. Милова (МГУ). Б. М. Клосс (Ин-т истории СССР) поделился своими новыми наблюдениями над хронологией русских источников о крещении. В кратком сообщении канд. философ. наук Н. Н. Лисового (Исторический музей) было привлечено внимание участников конференции к вопросу о датировке «Слова митрополита Илариона».

Отражение политического значения крещения Руси в русской литературе начала XVIII в. осветила д-р филол. наук Л. А. Софронова (ИСБ) на примере пьесы Феофана Прокоповича «Владимир». Канд. ист. наук Г. П. Мельников (ИСБ) остановился на вопросе об идеях христианизации Чехии в чешской политической мысли XIV в.

Многосторонний характер связей Руси с соседними славянскими странами, прежде всего Болгарией, и с Византией в области культуры был показан в докладе канд. ист. наук А. И. Рогова (ИСБ). Канд. искусствоведения А. И. Комеч (Ин-т искусствознания Мин-ва культуры СССР) рассказал о традициях византийской, в том числе константинопольской, архитектуры в древнерусском зодчестве X—XI вв., канд. искусствоведения Э. С. Смирнова (МГУ) в своем выступлении сопоставила русские иконы XII—XIII вв. с художественными течениями византийского мира. Доклады сопровождались демонстрацией слайдов.

В конце каждого заседания проходили прения, привлечшие большое число участников. Выступавшие отмечали большое научное значение конференции, исследовательскую новизну большинства докладов, говорили и о дискуссионном характере некоторых из них.

Иванова О. В.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ И МАТЕРИАЛОВ, ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ В 1987 ГОДУ

СТАТЬИ

Агапкина Т. П. Современная литература европейских социалистических стран в советских исследованиях	№ 2
Артыков М. З. К вопросу об участии иностранных интернационалистов в борьбе за победу Советской власти в Туркестане	№ 4
Базилевский А. Б. Творчество Юлиана Тувима 1939—1945 гг. в польском поэтическом контексте	№ 2
Бирман М. А. Кирков и революционная Россия в 1917 году	№ 5
Богатырев К. К. Реликты праславянских акцентных отношений в системе поморского глагола: долготные <i>i</i> -глаголы	№ 5
Будагова Л. Н. Вдохновляющая сила Октября (о природе аналогий в социалистической литературе)	№ 5
Булатова Р. В. Югославская палеославистика	№ 6
Бутенко А. П., Киселев В. П. Революционная стратегия обновления социализма	№ 5
Буханов В. А. К вопросу о деятельности «Общества Юго-Восточной Европы» в начальный период второй мировой войны	№ 2
Былинин В. К., Звонарева Л. У. Ранняя политико-сатирическая поэзия Симеона Полоцкого (польскоязычные поэмы о событиях Первой Северной войны)	№ 6
Вошаглицкова Павла (ЧССР). К вопросу о развитии Чехословацкой социал-демократической партии в 1944—1948 годах	№ 4
Герд А. С. Зональная группировка славянских текстов XV—XVI веков	№ 3
Гиндин Л. А., Кадужская И. А. Вновь о слав. *koliba	№ 1
Говорят наши гости (Интервью в номер)	№ 5
Головачева А. В. Проблемы моделирования конструкций с именами частей тела (на материале западнославянских и русского языков)	№ 5
Грачев В. П. Некоторые вопросы политики русского правительства в отношении сербского восстания 1804—1813 годов	№ 2
Греков И. Б. Московско-польский договор 1686 г. о союзе и «вечном мире»	№ 3
<u>Грибовская А. И.</u> , Моторный В. А. К периодизации украинско-болгарских литературных связей	№ 1
Гуменюк Е. Н. О некоторых особенностях развития помещичьего хозяйства Галиции	№ 4
Достяй И. С., Фрейдзон В. И. Основные проблемы формирования национальных государств в Юго-Восточной Европе (конец XVIII — 70-е годы XIX века)	№ 1
Едлинская А. Н. Творчество Драгослава Михайловича и некоторые тенденции в развитии сербской прозы конца 60-х и 70-е годы	№ 4
Зеленина Л. В. Формирование принципа status quo в политике Великобритании на Балканах (1790—1809)	№ 1
Золотухин М. Ю. Россия и Болгария в период международного кризиса середины 80-х годов XIX в. (сентябрь 1885 г. — апрель 1886 г.)	№ 4
Идеи Октября бессмертны	№ 5
Каиров С. Л. Годовщины Великого Октября в антифашистской борьбе коммунистов Югославии в 1941—1945 годах	№ 6
Кузьмин М. Н. История социалистического развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы в трудах Института славяноведения и балканистики АН СССР (итоги и задачи исследований)	№ 1
Лашкевич А. А. Болгарская высшая школа в 1944—1947 годах	№ 6
Липатов А. В. Проблемы создания общей истории славянских литератур (От средневековья до середины XIX в.)	№ 3
Луценко Н. А. К семантической типологии видо-временных систем славянских языков	№ 4
Марков Д. Ф. За дальнейшую интенсификацию научных исследований	№ 1
Михайлов Э. (НРБ). Восточные и южные славяне до IX века	№ 2
Молюшова Т. Н. Глагольные конструкции со значением обладания и possessивный перфект в славянских языках	№ 4

Мурашко Г. П., Носкова А. Ф. Революция 40-х годов в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: исторический феномен	№ 6
Мурьянов М. Ф. У истоков лексикологии садоводства в славянских языках	№ 3
Орел В. Э. Pro и contra одной этимологии	№ 1
Орел В. Э. К реконструкции праславянского словарного состава	№ 5
Осипова И. К вопросу о славяно-румынских литературных связях (И. Славич и Л. Ребряну и славянские литературы)	№ 4
Писарев Ю. А. Национальные государства на Балканах в начальный период империализма (90-е годы XIX в.—1918 г.)	№ 4
Попович Никола (СФРЮ). Югославянское добровольческое движение в России (1914—1918)	№ 3
Проккофьева Д. К вопросу о литературном стереотипе в польской романтической поэзии	№ 3
Савельева Л. В. К проблеме выделения синтаксических грецизмов в древнеславянском языке (вопрос о генезисе мононегативных конструкций)	№ 2
Семенова М. Ю. Продуктивные интернациональные словоэлементы с атрибутивным значением в современных славянских языках и проблема сложного слова (на материале словацкого языка)	№ 6
Славин Г. М. К характеристике международных условий строительства социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы (вторая половина 50-х — начало 60-х годов)	№ 3
Смольская А. К. Диахронные константы славянского именного словопроизводства и феминные суффиксы в сербохорватском литературном языке	№ 3
Софронова Л. А. Культура народов Центральной и Юго-Восточной Европы XVIII—XIX вв. в трудах Института славяноведения и балканистики АН СССР	№ 4
Титова Л. Людвиг Кол и чешское Просвещение	№ 2
Хлебникова В. Б. Павел Аполлонович Ровинский в Черногории	№ 2
Цыбенко Е. З. Некоторые закономерности польско-русских литературных связей во второй половине XIX века (после 1864 г.)	№ 5
Чуканов М. Ю. Сербские дипломатические документы о внешнеполитических установках венгерских правящих кругов накануне первой мировой войны	№ 6

СООБЩЕНИЯ

Аксенова Е. П. К 40-летию научной деятельности Института славяноведения и балканистики АН СССР	№ 6
Большакова К. В. У истоков сотрудничества историков СССР и народной Польши (1946—1951)	№ 1
Вялова С. О. Автографы Вука Караджича	№ 2
Кириллова-Угрюмова Т. В. К вопросу об общественной деятельности Р. Йовановича	№ 4
Находкин Н. Г., Нимчук В. В., Зыков Г. А., Матвеев В. Т. Применение лазерного источника ионов для масс-спектрометрического анализа состава красителей рукописных текстов	№ 2
Ригчик Ю. И. 10 лет Международной ассоциации по изучению и распространению славянских культур	№ 2

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

Гудков В. П. Фрагменты Караджичаны	№ 4
Кавко А. К. «Руська трійця» и славянские культуры	№ 6
Кишкин Л. С. История одной книги о Пушкине	№ 3
Мыльников А. С. Отзвуки славянской темы в творческом наследии К. Н. Батюшкова (к 200-летию со дня рождения)	№ 6
Палак Йозеф (ЧССР). Отношение Яна Неруды к Фраатишеку Палацкому	№ 3

ПУБЛИКАЦИИ

Улащик Н. Н. Из истории деревни Вицковщина (1883—1917). Культурная жизнь крестьян	№ 6
---	-----

ГОЛОС МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Горизонтов Л., Миллер А. Конференция молодых ученых	№ 6
---	-----

МНЕНИЕ ЧИТАТЕЛЯ

Из редакционной почты	№ 6
Новая рубрика	№ 5

Б о г а е в а Н., К о л е с о в Дм. <i>Übergangsperiode. Sozialökonomische und ideologisch-kulturelle Prozesse im internationalen Vergleich</i> (Leipziger Beiträge zur Revolutionsforschung, Lehrheft 15)	№ 6
Б р е з а н З. (ГДР). «Летопис» с новым профилем	№ 6
Е. Х. П. Birnbaum, P. T. Merrill. <i>Recent Advances in the Reconstruction of Common Slavic (1971—1982)</i>	№ 6
М о ч а л о в а В. Е. <i>Sarnowska-Temeriusz. Zarys dziejów poetyki. Od starożytności do końca XVII w.</i>	№ 5
М о ч а л о в а В. Н. А. Богомолова. Польские и русские поэты XX века. Творческие связи. Аналогии. Художественный перевод	№ 6
П о п И. И. Е. Voráček. <i>Ceskoslovensko-sovětské hospodářské vztahy. 1945—1948</i>	№ 5
Ф р е й д з о н В. И. В. Паскалева. Средна Европа и земите по Долния Дунав през XVIII—XIX в. (социально-экономически аспекти)	№ 5

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Б е р н ш т е й н С. Б. Е. И. Дёмина. Тихонравовский дамаскин. Болгарский памятник XVII в. Исследование и текст.	№ 2
В о р о б ъ е в а И. Г., Я к у б с к и й В. А. Вопросы истории славян. Социально-экономическое и политическое развитие зарубежных славянских народов в эпоху феодализма. Межвузовский сборник научных трудов	№ 4
Г п и а н с к и й Л. Я. З. Т. Голенкова. Очерк истории социологической мысли в Югославии.	№ 1
Г о л ь б е р г М. Я. Литературные связи и литературный процесс. Из опыта славянских литератур	№ 6
Д а н и л о в а А. <i>Dante i slavenski svijet; Dante e il mondo slavo</i>	№ 2
Ж у к В. А. <i>Studia polono-slavica-orientalia. Acta litteraria IX</i>	№ 5
З а д о р о ж н ю к Э. Г. Г. П. Мурашко. Политическая борьба в Чехословакии в 1944—1948 гг. и национализация средств производства	№ 5
И с к о л ь д с к и й А. И. Новая книга о Югославии	№ 2
К и ш к и н Л. С. Три книги о чешско-русских связях	№ 4
К у л а г и н а А. В. <i>V širom poli rokyta. Slovenské l'undové balady, romance a novelistické piesne</i>	№ 3
Л а б ы н ц е в Ю. А. Книга Беларуси: 1517—1917. Зводный каталог	№ 5
М а н у с е в и ч А. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. XII. Январь 1961 г.—декабрь 1965 г.	№ 6
М е д в е д е в а О. Р. <i>Kultura polska XVIII i XIX w. i jej związki z kulturą Rosji</i>	№ 1
М е д в е д е в а О. Театр и дух времени	№ 5
М о л о к Ф. А. <i>Medzinárodný význam februáru 1948 (Slovanske studie)</i>	№ 2
М ы л ь н и к о в А. С. Ян Неруда. Биобиблиографический словарь	№ 3
Н е щ и м е н к о Г. П. <i>Poštolkova Běla. Odborná a běžná slovné zásoba současné češtiny (Studia CSAV, 21)</i>	№ 2
Н о с к о в а А. Ф. А. Н. Мерцалов. В поисках исторической истины	№ 1
О р е л В. Э. <i>St. Rospond. Słownik etymologiczny miast i gmin PRL</i>	№ 4
П у ц к о В. Г. Новые хорватские книги, посвященные Юрию Крижаничу	№ 4
С м и р н о в Л. Н. <i>Blanár V. Lexikálno-semantická rekonštrukcia</i>	№ 6
Т е р е х о в В. П. Р. <i>Vošahlíková Československá sociální demokracie a Národní fronta</i>	№ 2
Т я ч к о Г. Г. П. А. Дмитриев, Г. И. Сафронов. Вук С. Караджич и его реформа сербохорватского/хорватосербского литературного языка	№ 3
Ч е к м о н а с В. Исследования по истории славянского языкознания	№ 1
Ч е р н я в с к и й Г. И. Проблемы истории кризиса буржуазного политического строя: страны Центральной и Юго-Восточной Европы в межвоенный период.	№ 2
Ч е р н я в с к и й Г. И. Социальная структура и политические движения в странах Центральной и Юго-Восточной Европы: Межвоенный период	№ 3
Ч е р н я в с к и й Г. И. Валева Елена. Международное движение за солидарность с антифашистката борба на българский народ 1925—1929	№ 4
Ш е р е м е т В. И. В. Н. Виноградов. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны	№ 6

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

А н а н ъ е в а Н. Е., М е щ е р я к о в С. Н. 150-летний юбилей университетской славистики	№ 2
В а л е в а Е. Л., В е н е д и к т о в Г. К. Второй международный конгресс по болгаристике	№ 1
В редакционной коллегии журнала «Советское славяноведение»	№ 4
Г р е к о в И. Б. Конференция советских и польских историков	№ 1

Д о с т а л ь М. Ю. Юбилей отечественной славистики	№ 2:
Д о с т а л ь М. Ю. Рабочая встреча специалистов по истории исторической науки европейских социалистических стран	№ 5
Д. П. Международная научная сессия, посвященная юбилею Г. Сенкевича	№ 4
И в а н о в а О. В. Конференция, посвященная 300-летию заключения Вечного мира между Россией и Польшей	№ 4
И в а н о в а О. В. Конференция «Введение христианства у народов Центральной и Восточной Европы. Крещение Руси»	№ 6
К о л е с о в В. л. Международная конференция «Изменения социально-классовой структуры общества в переходный от капитализма к социализму период».	№ 5
К у з ь м и н М. Н. Международный симпозиум о Я. А. Коменском	№ 3
Н а у м о в Е. В специализированном совете по защите докторских диссертаций (по всеобщей истории) при Институте славяноведения и балканистики АН СССР	№ 1
Н а у м о в Е. П. Всесоюзный симпозиум по истории идеологии и культуры западных, восточных и южных славян	№ 4
Н е щ и м е н к о Г. III Международный симпозиум богемистов	№ 5

CONTENTS

<i>Murashko G. P., Noskova A. F.</i> Revolutions of the 40-ies in the Central and South-East European countries: the historical phenomenon. <i>Kairov S. L.</i> The Great October Revolution Anniversaries in the antifascist struggle of Yougoslavian communists (1941—1945). <i>Chukanov M. Y.</i> Serbian diplomatic documents about the foreign activities of the Hungarian ruling circles on the eve of the First World War. <i>Lashkevich A. A.</i> The Bulgarian Higher School during 1944—1947. <i>Bylinin V. K., Zvonar'ova L. I.</i> The early political-satirical poetry by Simeon Polotskij (poems in the Polish language devoted to the events of the First Northern War). <i>Sem'onova M. Y.</i> Active international word elements with the attributive meaning in modern slavic languages and the compound word problem (based on the data of Slovak language). <i>Bulatova R. V.</i> Yougoslavian palioslavistics	3
--	---

COMMUNICATIONS

<i>Aksenova E. P.</i> To the 40-th anniversary of the scientific activities of the Institute of Slavic and Balkan Studies. <i>Mylnikov A. S.</i> The Slavic theme echoes in the K. N. Bat'ushkov's creative heritage (towards the 200-th birthday) . . .	76
--	----

PEOPLE, EVENTS, FACTS

<i>Kavko A. K.</i> «Rus'ka triyts'a» and Slavic Cultures	88
--	----

PUBLICATIONS

<i>Ulaščik N. N.</i> From the history of the village Vitskovščina (1883—1917). Peasant's cultural life	89
--	----

VOICES OF YOUNG SCIENTISTS

<i>Gorizontov L., Miller A.</i> The conference of young scientists	98
--	----

READER'S OPINION

From the editorial stuff mail	103
---	-----

REVIEW ARTICLES AND REVIEWS

<i>Manusevich A.</i> Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. XII. Январь 1961 г.—декабрь 1965 г. <i>Sheremet V. I.</i> В. Н. Виноградов. Великобритания и Балканы: от Венского конгресса до Крымской войны. <i>Golberg M. Y.</i> Литературные связи и литературный процесс. Из опыта славянских литератур. <i>Smirnov L. N.</i> <i>Blanár V.</i> Lexikálno-semantická rekonštrukcia.	108
---	-----

NOTES OF BOOKS

<i>Bogayeva N., Kolesov Dm.</i> Übergangsperiode. Sozialökonomische und ideologisch-kulturelle Prozesse im internationalen Vergleich (Leipziger Beiträge zur Revolutionsforschung, Lehrheft 15). <i>Brezan Z.</i> (DDR) New prophile of «Летопис». <i>Mochalova V. V.</i> Н. А. Богомолова. Польские и русские поэты XX века. Творческие связи. Аналогии. Художественный перевод. <i>E. Kh.</i> Н. Birnbaum, P. T. Merrill. Recent Advances in the Reconstruction of Common Slavic (1971—1982) . .	118
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Ivanova O. V.</i> The conference «Introduction of the Christianity to the people of Central and Eastern Europe. The Cristening of Russia»	121
index of articles published in 1987.	124

Технический редактор *Е. В. Сеницына*

Сдано в набор 11.08.87	Подписано к печати 08.10.87	А 13168	Формат бумаги 70×108 ^{1/8}
Высокая печать	Усл. печ. л. 11,2	Усл. кр.-отг. 13,8 тыс.	Уч.-изд. л. 12,5 Бум. л. 4,0
	Тираж 1199 экз.	Зак. 729	

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

Цена 1 р. 20 к.
Индекс 70891

*В издательстве «Наука»
готовятся к печати:*

СЛАВЯНОВЕДЕНИЕ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ. 30 л. 3 р. 50 к.

Книга представляет собой обобщение и осмысление достижений отечественной дореволюционной славистики в области истории, литературоведения, этнографии, языкознания. Авторы, учитывая всю совокупность существующих источников, воссоздают широкую картину состояния и развития славистических дисциплин, характеризуют основные научные направления, школы крупнейших ученых, организационную структуру данной отрасли науки.

Работа рассчитана на историков, филологов и широкого круга читателей.

ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА НАРОДОВ БОСНИИ И ГЕРЦЕГОВИНЫ И РОССИЯ, 1865—1875 гг. Сборник документов. 38 л. 5 р.

Второй том сборника документов, подготовленный совместно историками СССР и СФРЮ, освещает события предреволюционного десятилетия (1865—1875 гг.), когда борьба боснийцев и герцеговинцев за независимость вступает в качественно новый этап, завершившийся всенародным восстанием 1875—1878 гг. Материалы тома дают широкую картину социально-экономической, общественно-политической и культурной жизни населения региона, позволяют судить о многообразии связей с Россией.

Издание предназначено для историков, международников.

Заказы просим направлять по одному из перечисленных адресов магазинов «Книга — почтой» «Академкнига»:

252030 Киев, ул. Пирогова, 4;
197345 Ленинград, Петрозаводская ул., 7;
117192 Москва, Мичуринский проспект, 12;
630090 Новосибирск, Академгородок, Морской проспект, 22.